

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

116

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

116

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук П. А. Раппопорт

Члены редколлегии:

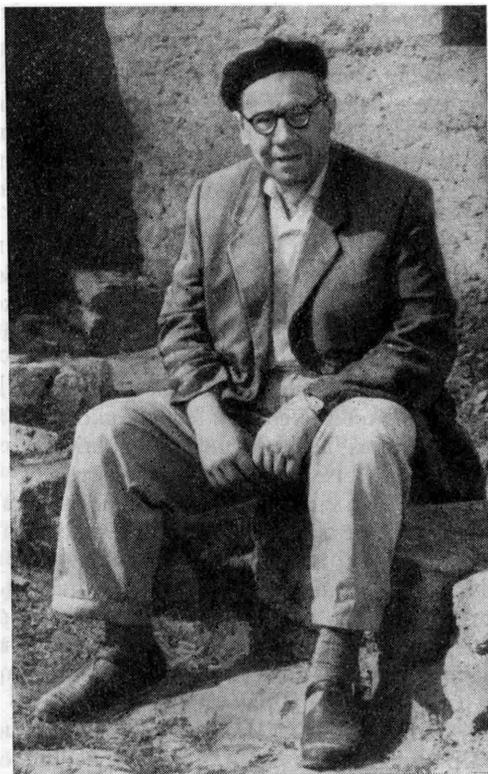
Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарeva,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

ВИКТОР ФРАНЦЕВИЧ ГАЙДУКЕВИЧ

9 октября 1966 г. в Керчи в разгар работ Боспорской экспедиции скоропостижно скончался Виктор Францевич Гайдукевич. В расцвете таланта и творческих сил безвременно ушел из жизни крупнейший ученый, деятельность которого сыграла значительную роль в развитии советской исторической науки, в развитии отечественного антиковедения. Свыше сорока лет жизни отдал В. Ф. Гайдукевич беззаветному и самоотверженному служению науке, еще со студенческих лет избрав основной темой своих исследований историю и историю культуры античных государств Причерноморья. Навсегда сохранится в истории археологии имя Виктора Францевича Гайдукевича как исследователя «малых» боспорских городов, глубоко постигшего и во всей наглядности представившего своеобразие и особенности социальной, политической и культурной истории Боспора — одного из древнейших государственных образований на территории Юга нашей страны.

Виктор Францевич Гайдукевич родился в Петербурге 12 ноября 1904 г. в семье врача. В 1923 г. после окончания Ленинградской советской трудовой школы В. Ф. Гайдукевич поступил на археологическое отделение факультета языковедения и истории материальной культуры Ленинградского университета и, закончив его в 1928 г., работал в течение двух лет научным сотрудником Керченского археологического музея. В 1923—1927 гг. Виктор Францевич являлся лектором-экскурсоводом Ленинградской экскурсионной лекторской базы.

В 1926 г. в Херсонесе под руководством проф. К. Э. Гриневича состоялась первая археологическая практика Виктора Францевича, затем он

Виктор Францевич Гайдукевич

активно работал на раскопках античных памятников Керченского полуострова.

По окончании в 1932 г. аспирантуры в Ленинградском историко-лингвистическом институте В. Ф. Гайдукевич был зачислен старшим научным сотрудником сектора Северного Причерноморья ГАИМК — ИИМК АН СССР (в настоящее время — Институт археологии АН СССР, Ленинградское отделение). Ряд лет исследовательскую работу В. Ф. Гайдукевич вел под непосредственным руководством академика С. А. Жебелева, с которым его затем сблизила большая дружба.

Начальный период научной деятельности В. Ф. Гайдукевича протекал в годы становления советской археологии как науки, когда из вспомогательной исторической дисциплины она превращалась в раздел истории — в науку, изучающую по вещественным находкам производительные силы и производственные отношения древних формаций.

Уже в первых своих печатных трудах В. Ф. Гайдукевич показал себя зрелым исследователем, вполне владеющим марксистско-ленинской методологией.

Отличительной чертой научной деятельности Виктора Францевича являлась широта научных интересов, умение одинаково мастерски дать анализ изолированной археологической находки и нарисовать широкое историческое полотно, используя самые различные материалы, добытые раскопками, в полной мере привлекая и данные эпиграфики, и свидетельства письменных источников. Он изучал не только античность, но и раннее средневековье.

В 1938 г. В. Ф. Гайдукевич начал педагогическую работу в Ленинградском университете на археологическом отделении и наряду с чтением специальных курсов руководил подготовкой аспирантов, специализировавшихся по античной археологии. Многие из его учеников в настоящее время являются видными исследователями.

Одна из выдающихся заслуг В. Ф. Гайдукевича — организация в 1934 г. Беспорской археологической экспедиции, которая под его бессменным руководством вела обширные и планомерные раскопки античных городов и поселений Керченского полуострова — особенно Тиритаки, Мирмекия и Илурата. Благодаря строгой планомерности, систематичности и высокому уровню методики полевых исследований раскопки В. Ф. Гайдукевича по существу открыли новый период в археологическом изучении Восточного Крыма и привели к ценнейшим научным открытиям, заставившим по-новому взглянуть на многие явления в истории Боспора.

В период Великой Отечественной войны, во время эвакуации в Ташкент, В. Ф. Гайдукевич руководил археологической экспедицией в зоне строительства Фархадской ГЭС, где велись раскопки средневекового могильника и замка. Большая эрудиция и широта научных интересов Виктора Францевича позволили ему успешно осуществить эти раскопки, в результате которых был получен богатейший материал по древней истории Средней Азии. Эта работа В. Ф. Гайдукевича дважды отмечалась премией Президиума АН СССР.

В 1945 г. за выдающиеся научные достижения В. Ф. Гайдукевич был награжден орденом «Знак почета».

В 1945 г. Виктор Францевич возобновил археологические исследования Тиритаки, увенчавшиеся, в частности, открытием комплекса рыбозасолочных ванн, наглядно демонстрирующих большой размах на Боспоре в первые века н. э. рыбообработывающего промысла, составлявшего в то время одну из важнейших отраслей боспорской экономики. Одновременно начали раскопки Илурата — военно-земледельческого поселения, возникшего во второй половине I в. и существовавшего в течение II—III вв.

В 1949 г. В. Ф. Гайдукевич успешно защитил докторскую диссертацию, а 28 ноября 1953 г. был утвержден в звании профессора.

50-е годы отмечены новыми успехами. Отряды Боспорской экспедиции под руководством Виктора Францевича продолжали раскопки боспорских поселений, в частности Илурата. В те же годы существенно расширились археологические исследования Мирмекия, который предстал в качестве крупного промыслового центра, «специализировавшегося» на производстве виноградного вина для рыночного сбыта.

С 1956 по 1958 г. В. Ф. Гайдукевич возглавил Советско-Польскую археологическую экспедицию. Совместные плодотворные работы с польскими археологами на городище Мирмекия дали богатый материал, послуживший созданию в Национальном музее в Варшаве экспозиции, освещающей античную историю и культуру Северного Причерноморья. Результаты этих исследований изложены в научных публикациях В. Ф. Гайдукевича и руководителя группы польских археологов проф. К. Михаловского.

Археологические работы В. Ф. Гайдукевича в конце 50-х и в 60-е годы сосредоточились на исследовании уникального в Северном Причерноморье памятника — культового комплекса, обнаруженного в центральной части Мирмекия. Здесь раскопаны руины двух святилищ — первой половины V в. и IV в. до н. э., тщательно изучены зольно-глинистые напластования двух алтарей-эсхар, образовавшихся над руинами святилищ.

В. Ф. Гайдукевичу принадлежит свыше ста ценных научных трудов. Много внимания уделял Виктор Францевич разработке вопросов греческой колонизации Северного Причерноморья и истории Северного Причерноморья в античную эпоху. В таких исследованиях, как «История античных городов Северного Причерноморья» (1955), «Античные государства Северного Причерноморья» (1956), «Кризис рабовладельческой системы Северного Причерноморья» (1958), на широком историческом фоне рассматриваются проблемы греческой колонизации, особенности политической и экономической истории северочерноморских городов-колоний, своеобразие и самобытность развившейся в них культуры. Значительное место в научной деятельности В. Ф. Гайдукевича занимала разработка проблемы экономических, политических и культурных взаимоотношений греческих городов-государств — Тирь, Ольвии, Херсонеса, а также Боспорского царства с скифо-сарматскими, а в Северо-Восточном Причерноморье и с меотскими племенами, выявление роли местной этнической среды в культуре античных северочерноморских городов. Этим вопросам были посвящены доклад Виктора Францевича «Боспор и скифы» (1959), а также работы «Боспор и Тагнаис в доримский период» (1963), «К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья» (1951).

В статьях «Еще о восстании Савмака» (1962), «К дискуссии о восстании Савмака» (1966), «Из истории Боспора во II в. н. э.» (1962), «Некоторые вопросы экономической истории Боспора» (1966) В. Ф. Гайдукевич подверг детальному анализу отдельные вопросы социально-политической и экономической истории Боспорского государства.

Важное научное значение имеет статья «Вотив Герая из Мирмекия», в которой В. Ф. Гайдукевич приводит еще один аргумент, подкрепляющий гипотезу о фракийском происхождении Спартокидов.

Ряд работ Виктора Францевича посвящен углубленному изучению различных сторон экономической жизни Боспора. Среди них значительный интерес представляют исследования «К вопросу о ткацком ремесле» (1952), «Виноделие на Боспоре» (1958), «Мирмекий — город виноделов» (1966). Заслуженной известностью пользуется труд В. Ф. Гайдукевича «Строительные керамические материалы. Боспорские черепицы» (1934) и серия статей по боспорской керамической эпиграфике. Не менее важны и такие работы Виктора Францевича, как «О местоположении древней Тиритаки» (1941), «Боспорский город Илурат» (1950).

Итогом огромной и плодотворной исследовательской деятельности В. Ф. Гайдукевича явился вышедший в 1949 г. капитальный труд «Боспор-

ское царство», в котором впервые в истории отечественной науки дано последовательное изложение исторических судеб Боспора на протяжении всего периода его существования. Обобщив важнейшие достижения советской археологической и исторической наук, исчерпывающе и мастерски используя огромный материал, добытый археологическими исследованиями, Виктор Францевич дал совершенно новую картину жизни боспорских городов и существовавших в них разнообразных отраслей производства, выявил взаимодействие и взаимопроникновение античных и местных элементов, охарактеризовал монументальное искусство Боспора и боспорские художественные ремесла.

Монография В. Ф. Гайдукевича получила высокую оценку специалистов и стала настольной книгой не только исследователей, изучающих древнейшее прошлое Северного Причерноморья, но и историков-античников вообще. Благодаря живому и увлекательному изложению и образному языку книга приобрела заслуженную популярность среди широких кругов советской интеллигенции.

На протяжении последних лет Виктор Францевич осуществил переработку своей монографии «Боспорское царство», тщательно и последовательно дополнив ее новыми материалами.

В обширном научном наследии В. Ф. Гайдукевича получили также теоретическое осмысление важнейшие археологические открытия — прежде всего те, которые были достигнуты Боспорской археологической экспедицией.

Наряду с исследовательской и педагогической деятельностью В. Ф. Гайдукевич вел плодотворную научно-организационную работу. В послевоенное время он бессменно являлся заведующим Группой античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Его интенсивная исследовательская, педагогическая и научно-организационная деятельность постоянно сочеталась с огромной редакторской работой. Незадолго до смерти Виктор Францевич отредактировал сборник «История и культура античного Средиземноморья и Причерноморья» посвященный памяти его учителя академика С. А. Жебелева.

Много сделано было Виктором Францевичем по подготовке монументального «Корпуса боспорских надписей» (Л., 1965).

Безвременная кончина В. Ф. Гайдукевича — большого ученого, жизнерадостного, обаятельного и отзывчивого человека явилась тяжелым ударом для всех, кто знал его, кто обращался к нему, неизменно встречая при этом со стороны Виктора Францевича исключительную доброжелательность и постоянную готовность помочь. Большим авторитетом и заслуженной любовью пользовался он среди своих коллег и учеников.

О Викторе Францевиче Гайдукевиче — ученом, вписавшем свое имя в историю отечественной исторической науки, о человеке огромной душевной щедрости — последователи, ученики, друзья навсегда сохранят благодарную память.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧА

Античные керамические обжигательные печи. (По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг.). М.—Л., ИГАИМК, вып. 80, 1934.

Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. ИГАИМК, вып. 104, 1934.

Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове. (По раскопкам 1932—1936 гг.). ВДИ, 1937, № 1.

Отзыв об отчете о раскопках Херсонеса в 1935 г. В кн.: Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, стр. 347—349.

Боспор в римский период. В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. 2. М.—Л., 1939, гл. 5, § 1.

Боспорские города в свете новейших археологических исследований. КСИИМК, вып. 1, 1939.

Боспорское государство. В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. 2. М.—Л., 1939, гл. 2, § 9. В соавторстве с С. А. Жебелевым.

Восстание Савмака. Митридат на Боспоре. В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. 2. М.—Л., 1939, гл. 4, § 8. В соавторстве с С. А. Жебелевым.

Итоги последних раскопок древней Тиритаки. КСИИМК, вып. IV, 1940.

Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, 1940.

Памятники раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI, 1940.

Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, № 3—4.

Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья. СА, VII, 1941.

Археологическое изучение Мирмекия. МИА, № 4, 1941.

Керченский район, 1935—1936 гг. В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.

О местоположении древней Тиритаки. МИА, № 4, 1941.

Предисловие к сб.: Археологические памятники Боспора и Херсонеса. Под ред. акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича. МИА, № 4, 1941

Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4, 1941. В соавторстве с Е. И. Леви и Е. О. Прушевской.

Рец. Ольвия, т. 1. Киев, 1940. КСИИМК, вып. 10, 1941.

Укрепленная villa rustica на Темир-горе. СА, VII, 1941.

Археологические исследования Средней Азии в период Великой Отечественной войны. В кн.: Научная сессия 1945 г. (Ленинградский гос. ун-т). Тезисы докладов по секции ист. наук Л., 1945.

Клад города Тиритаки. Костер, 1946, № 10—11.

Новейшие археологические исследования на Керченском полуострове.

В кн.: Научная сессия 1946 г. (Ленинградский гос. ун-т). Тезисы докладов по секции ист. наук, 1946.

Археологические исследования в Восточном Крыму. Боспорская экспедиция 1947 г. ВЛУ, 1947, № 12.

Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. (10 лет работ Боспорской археологической экспедиции). ВДИ, 1947, № 3.

Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. (Предварит. сообщение). КСИИМК, вып. XIV, 1947.

Раскопки Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

Тиритака в архаический период. В кн.: Рефераты научн.-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР ОИФ). М.— Л., 1947.

К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, 1948, № 3.

Раскопки древних городов на Керченском полуострове. (Боспорская экспедиция 1948 г.). ВЛУ, 1948, № 11.

Боспорская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

Боспорское царство. М.— Л., 1949.

Боспорское царство. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Л., 1949.

Керамическая обжигательная печь. Мунчак-тепе. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.

Рец.: Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Ист.-археол. очерк. Л., 1948. ВДИ, 1949, № 3.

Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950.

Боспорское царство. БСЭ, 2-е изд., 1950, т. 5. В соавторстве с М. М. Кобылиной.

Илурат в свете археологических исследований 1947—1950 гг. В кн.: Тезисы докладов на сессии Отд-ния истории и философии и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археолог. исследований 1946—1950 гг. М., 1951.

К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951. В соавторстве с С. И. Капошиной.

Новые исследования Илурата. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

Работа юного археолога. В кн.: Изучай свой край. Книга юного краеведа, гл. 10. Л., 1951.

Рец.: K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949. (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Ser. A, N 13). ВДИ, 1951, № 2.

Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. В кн.: Археология и история Боспора, вып. 1. Симферополь, 1952.

Илурат. БСЭ, 2-е изд., т. 17, 1952.

К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952.

Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952.

Предисловие к сб.: Боспорские города, т. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. МИА, № 25, 1952.

Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, вып. XLV, 1952.

Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952.

Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952.

Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия. МИА, № 34, 1953.

Рец.: Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, т. 1. Под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова. М., 1951. МИА, № 19. ВДИ, 1953, № 1.

Мирмекий. БСЭ, 2-е изд., т. 27, 1954.

Мунчак-тепе. БСЭ, 2-е изд., т. 28, 1954.

Раскопки античных городов европейского Боспора. В кн.: Тезисы докладов на сессии Отд-ния ист. наук и пленума ИИМК, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1953 г. М., 1954.

История античных городов Северного Причерноморья. (Краткий очерк). В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 1. М.—Л., 1955.

Античные государства Северного Причерноморья в I в до. н. э. В кн.: Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.

Боспор и скифы. В кн.: Научная конференция, посвящ. истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Тезисы докладов. М., 1956.

Боспорское государство. В кн.: Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, гл. 7, § 7.

Работы Советско-Польской экспедиции в Восточном Крыму. В кн.: Тезисы докладов на сессии Отд-ния ист. наук и пленуме, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1956 г. М., 1957. В соавторстве с К. Михаловским.

Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958.

Илурат. Итоги археол. исследований 1948—1953 гг. МИА, № 85, 1958.

Кризис рабовладельческой системы в Северном Причерноморье. В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III—IV вв. М., 1958, гл. I, § 1.

Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, XXVIII, 1958.

Предисловие к сб.: Боспорские города, т. II. Работы Боспорской экспедиции 1946—1953 гг. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и Т. Н. Книпович. МИА, № 85, 1958.

Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958.

Боспор и скифы. (Тезисы доклада). В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.

Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. 1934—1956. Варшава, 1959. 121 с. с илл. (Советско-польские раскопки Мирмекия. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и К. Михаловского, т. 2).

Некрополи некоторых боспорских городов. (По материалам раскопок 1930-х годов). МИА, № 69, 1959.

Badania archeologiczne Mirmeki. Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych PAN, 2. Warszawa, 1959.

Боспор и Аркадия. (По поводу надписи IPE, II, 4). ЗОАО, т. 1(34), 1960.

Экспедиция Ленинградского отд-ния Института истории материальной культуры в 1957 г. по античной археологии. КСИИМК, вып. 78, 1960. В соавторстве с С. И. Капошиной и Е. И. Леви.

Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956—1958 гг. В кн.: Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л., 1961. В соавторстве с К. Михаловским.

Боспорское государство. СИЭ, т. 2, 1962.

Еще о восстании Савмака (конец II в. до н. э.). ВДИ, 1962, № 1.

Из истории Боспора во II в. н. э. В кн.: Древний мир. Сб. статей, посвящ. акад. В. В. Струве. М., 1962.

Боспор и Танаис в доримский период. В кн.: Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сб. памяти акад. А. И. Тюменева. М.—Л., 1963.

Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. КСИА, вып. 95, 1963.

Раскопки Мирмекия (из работ Боспорской экспедиции 1956—1962 гг.).
Сообщения Государственного Эрмитажа, № 24, 1963.

Боспорская экспедиция 1962 г. КСРГАМ (1962), 1964.

Диофант. СИЭ, т. 5, 1964.

Евмел. СИЭ, т. 5, 1964.

Илурад. СИЭ, т. 5, 1964.

О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. В кн.: Тезисы докладов конференции по изучению проблем античности. 9—14 апреля 1964 г. в Ленинграде. М., 1964.

Боспор и Танаис в доримский период. (Автореферат на нем. яз.) *Bibliotheca classica orientalis*, Jg. 10, N. 5. Berlin. 1965.

Мермекийские зольники-эсхары. КСИА, вып. 103, 1965.

Боспор и Аркадия. (Автореферат на нем. яз.) *Bibliotheca classica orientalis*, 1966, Jg. 11, N. 1.

Вотив Гереея из Мирмекия. В кн.: Культура античного мира. К 40-летию научной деятельности В. Д. Блаватского. М., 1966.

Мирмекий. СИЭ, т. 9, 1966.

Мирмекийские зольники-эсхары. Автореферат на нем. яз. *Bibliotheca classica orientalis*, Jg. 11, N. 3. 1966.

Некоторые вопросы экономической истории Боспора. ВДИ, 1966, № 1.

Некоторые вопросы экономической истории Боспора. (Автореферат на нем. яз.) *Bibliotheca classica orientalis*, 1966, Jg. 11, N. 6.

Мирмекий — город виноделов. В кн.: *Mélanges offerts à Kazimierz Miśchalowski*. Warszawa, 1966, с. 397—409 с илл. Резюме на англ. яз.

Работы на Боспоре. В кн.: Археологические открытия 1965 г. М., 1966.

Новые данные по боспорской керамической эпиграфике. КСИА, вып. 109, 1967.

О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. В кн.: Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.

К дискуссии о восстании Савмака. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.

О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском. КСИА, вып. 116, 1968.

Палак. СИЭ, т. 10, 1967.

Находятся в печати

Полемон 1. СИЭ.

Понт Эвксинский. СИЭ.

Спартокиды. СИЭ.

Das Bosporanische Reich. Berlin.

Составил Л. М. Всевиов

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

О ПУТЯХ ПРОХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ В ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ

За последнее десятилетие получил широкое распространение взгляд, согласно которому якобы до конца V в. до н. э. в Черном море практиковалось только каботажное плавание кораблей¹. Согласно этой же концепции, лишь на рубеже V—IV вв. до н. э. греческие мореплаватели освоили прямой путь наперерез моря между мысом Криу метопон (южнокрымский мыс Сарыч) и мысом Карамбий (мыс Керемпе на Черноморском побережье Турции). Научившись плавать между указанными пунктами, где расстояние не превышает 263 км, греческие мореходы улучшили навигацию, значительно сократив путь следования кораблей, курсировавших между северным и южным берегами Черного моря.

Намеченные М. И. Максимовой выводы вызывают некоторые сомнения. Во-первых, в них неравномерно ограничены устремления древнегреческих мореходов к совершенствованию навигации в Понте Эвксинском освоением одного только краткого пути между Таврикой и Пафлагонией (мыс Криу метопон — мыс Карамбий). В действительности же, как показывает имеющийся фактический материал, улучшение навигации на Черном море древнегреческими моряками, изыскание рациональных маршрутов в целях ускорения продвижения кораблей отнюдь не ограничивались освоением линии между мысами Криу метопон — Карамбий. Сокращенных маршрутов, выходявших за рамки каботажного движения судов, было несколько.

Во-вторых, нет достаточных оснований относить освоение меридионального пути между побережьем Пафлагонии и Южной Таврикой к рубежу V—IV вв. до н. э. Плавание кораблей здесь началось, несомненно, гораздо раньше.

Дошедшие до нас литературные сведения о путях плавания греческих кораблей в Понте Эвксинском, к сожалению, весьма ограничены. Наиболее важные данные по этому вопросу содержатся в периплах. Но периплов, касающихся Понта Эвксинского, сохранилось очень мало. Самым ранним и содержательным является перипл Псевдо-Скилака. Второй перипл — поздний. Он составлен Аррианом во II в. н. э., причем этот труд объединяет в себе три части. Первая часть, оригинальная и интересная, основана на личном знакомстве Арриана с районом от Трапезунта до Себастополя (Диоскурии). Вторая (от Боспора Фракийского до Трапезунта) и третья (от Себастополя — кавказское, северное и западное побережье Понта — до города Византия) части — это эксцерпты, взятые из неизвестных нам

¹ М. И. Максимова. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами. МИА, № 33, 1954, стр. 45—57; она же. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 145 и сл.

источников. В целом, таким образом, перипл Арриана не отражает практики судоходства в Понте Эвксинском в какой-то определенный период. Он лишь передает географические сведения о береговой полосе, скомпонованные из разновременных материалов, имевшихся в распоряжении автора.

Наконец, мы располагаем периплом Анонима, который является компилятивным трудом неизвестного автора, жившего, по-видимому, в V в. н. э.² Он соединил в одно целое сведения, почерпнутые из различных периплов — эллинистических и более поздних и дополненных частично — что очень ценно — сведениями, современными Анониму.

Ни сохранившиеся и упомянутые выше периплы, ни рассеянные в других литературных памятниках отрывочные указания, конечно, не в состоянии воссоздать полной исчерпывающей картины всего разнообразия тех маршрутов, которыми пользовались многочисленнейшие корабли, бороздившие с торговыми целями воды Понта Эвксинского на протяжении античной эпохи. То сравнительно немного, что сохранилось в наших источниках, позволяет лишь в самых общих чертах наметить главные особенности черноморской древнегреческой навигации.

Наиболее примечательным документом является перипл Псевдо-Скилака. В этом наиболее древнем из дошедших до нас, притом в полном виде, периплов заключен богатейший фактический материал, что придает данному сочинению характер обширнейшего географического справочника, служившего первоклассным руководством для плававших по Средиземному и Черному морям кораблей — от Гибралтара до Дона.

Несмотря на большие трудности, стоявшие перед исследователями при выяснении времени и месте происхождения перипла, удалось все же прийти к довольно прочным и убедительным выводам. Считается, и с этим следует согласиться, что перипл написан, вероятнее всего в Афинах, около 350 г. до н. э., каким-то неизвестным автором, жившим в первой половине IV в. до н. э.³ и, по-видимому, сочетавшим в своей деятельности занятия купца и писателя.

Перипл Псевдо-Скилака в той его части, в какой он касается Западного и Северного Причерноморья, несомненно, отражает путь следования кораблей, ходивших из Эгейского бассейна в гавани Боспора в IV в. до н. э., когда торговые сношения Афин с Боспором достигли особенно больших размеров. В перипле представлен путь к северным берегам Понта Эвксинского, наиболее целесообразный, с точки зрения греческих, в первую очередь афинских, арматоров и кораблеводителей. Они располагали вполне достаточными возможностями, чтобы изучить надлежащие пути к боспорским портам, откуда в IV в. до н. э. ежегодно на торговых судах вывозились в Афины и другие центры Восточного Средиземноморья миллионы пудов пшеницы.

Согласно периплу Псевдо-Скилака, корабль, войдя в Понт Эвксинский через Фракийский Боспор, должен был повернуть на запад и следовать затем в северном направлении вдоль западного побережья. Перед нами предстает хорошо знакомая картина каботажного плавания, широко практиковавшаяся в древнегреческом мореходстве. Надо сказать, что перипл Псевдо-Скилака обычно так и воспринимается, т. е. как свидетельство каботажного движения греческих судов, следовавших в гавани Боспора.

Однако если внимательнее присмотреться к периплу, то мы заметим, что в нем идет речь отнюдь не о чисто каботажном маршруте. Псевдо-Скилак описывает западное Черноморское побережье до р. Днестр (Τύρις), где отмечены греческие города Никоний и Офиуса, затем автор сразу переходит к характеристике Крыма. Тут упоминаются тавры, населяющие «мыс

² M. Rostowzew. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931, S. 63.

³ Там же, стр. 26.

материка» (*ἀκρωτήριον τῆς ἡπείρου*), т. е. горную часть Таврического полуострова, далее перечислены греческие города Восточного Крыма (Феодосия, Китей, Нимфей, Пантикапей, Мирмекий), где коренным населением являются скифы (*εἰς τὸ Σκύθαι*). Закончив изложение всех этих сведений, автор дает такое весьма важное указание: «От Истра до Крию метопон три дня и три ночи прямого пути, плавание же вдоль берега вдвое дольше, ибо там залив» (*Παράπλους εὐθύς ἀπὸ Ἰστρου ἐπὶ Κριουῦ μέτωπον τριῶν ἡμερῶν καὶ τριῶν νυκτῶν, ὁ δὲ παρὰ γῆν διπλάσιος ἔστι γάρ κόλπος. Ps.—Skyl., Peripl., 68*).

Из приведенных слов перипла со всей определенностью вытекает, что в первой половине IV в. до н. э. греческие корабли, шедшие через Боспор Фракийский в Крым, плыли вдоль западного побережья Черного моря, как правило, только до Истра, т. е. до той части дельты Дуная, где находился город и гавань Истр. Отсюда перипл рекомендует прямой путь, ориентированный на юго-западный крымский мыс Крию метопон. От этого мыса, согласно периплу, можно было за одни сутки доплыть до Пантикапея.

Таким образом, корабли, руководствовавшиеся периплом Псевдо-Скилака, должны были плыть от Истра до мыса Крию метопон на протяжении около 390 км в открытом море, на что требовалось трое суток. Весь рейс от Боспора Фракийского до Пантикапея состоял, следовательно, из трех этапов. Сначала корабль шел параллельно западному берегу Черного моря до Истра, что составляло примерно 450 км. Затем надлежало идти прямо на Крым (390 км). Последний отрезок пути — от мыса Крию метопон до Пантикапея — пролегал около крымского побережья на протяжении приблизительно 250—300 км. Весь путь от Боспора Фракийского до Пантикапея составлял около 1150 км.

При рассмотрении вышеприведенных данных нельзя не обратить внимания на одну присущую им особенность. Расстояние от Истра до мыса Крию метопон (390 км) корабль покрывает за трое суток, а от названного мыса до Пантикапея (около 250 км) — за одни сутки. Ясно, что тут совмещены в одно целое сведения, относящиеся фактически к плаванию в различных условиях. В первом случае предполагается движение корабля со скоростью три узла, позволявшей в сутки пройти примерно 130 км ($1853 \times 3 = 5, 559 \times 24 = 133,44$ км). Во втором случае, т. е. при прохождении корабля от мыса Крию метопон до Пантикапея, перипл исходит уже из максимальной скорости парусного торгового корабля, который мог при очень хорошем попутном ветре развивать ход до шести узлов, при такой скорости за сутки можно было пройти 266,83 км.

Настоящий пример показывает, как составлялся перипл. Его автор, очевидно, собирал фактический материал путем расспроса моряков и прежде всего капитанов кораблей. Естественно, что при этом те или иные индивидуальные случаи, касающиеся скорости прохождения судов на отдельных отрезках маршрута, могли получить отражение в перипле в виде некоего правила.

Очень важно зафиксировать следующее, не вызывающее сомнений обстоятельство. В первой половине IV в. до н. э. в Черноморье практиковались не только рейсы вдоль береговой линии. Каботажное плавание сочеталось — и это убедительнейшим образом доказывает перипл Псевдо-Скилака — с переходами в открытом море достаточно больших расстояний — до 400 км. Последнее было сопряжено с длительным плаванием в полном отрыве от береговых зон, при отсутствии каких-либо ориентиров в поле видимости корабля.

Очевидно, опыт плавания греческих кораблей в Черном море к IV в. до н. э. накопился столь большой, что перипл Псевдо-Скилака уже мог указывать кораблям рейс от Истра до Южного Крыма не каботажный, а прямой. В перипле весьма выразительно отмечена невыгодность каботажного

курса, так как он удлинял здесь путь вдвое, что вполне отвечает действительности. Автор перипла при этом столь пренебрежительно относился к каботажному маршруту (на трассе Истр — Таврика), считая его явно нецелесообразным, что даже не счел нужным более подробно его описать. В результате из перипла выпало упоминание об Ольвии, которая при каботажном ходе корабля от Истра к Крыму, несомненно, использовалась в качестве промежуточного порта. Прямой путь, рекомендованный Псевдо-Скилаком, представлял собой линию, строго соответствующую направлению запад — восток. Это показывает, что древнегреческие мореходы в состоянии были выдерживать заданный курс при плавании в открытом море, если он четко соответствовал или широтному (запад — восток), или, как увидим несколько позднее, меридиональному (север — юг) направлениям. При отсутствии компаса такие направления определялись днем по солнцу, ночью — по звездам.

Засвидетельствованная Псевдо-Скилаком способность греческих кораблей преодолевать в открытом море расстояния, равные 400 км, делает совершенно несомненной возможность плавания по более короткому маршруту из Малой Азии в Крым, между мысами Карамбий и Крию метопон (263 км). Почему же, спрашивается, у Псевдо-Скилака все-таки отдано предпочтение плаванию вдоль западного берега до Истра, а не вдоль южного берега до мыса Карамбия? Ведь второй путь позволял сократить расстояние до Пантикапея почти на 200 км и тем самым сэкономить время пребывания в пути примерно на одни сутки.

Ответить на поставленный вопрос, пожалуй, не так уж трудно. Для кораблей, шедших в гавани Боспора из Эгейского моря, путь, предусмотренный в перипле Псевдо-Скилака, был целесообразнее по двум причинам. Следование вдоль западного берега представляло существенные удобства прежде всего благодаря наличию там достаточного количества хороших гаваней. Последнее облегчало кораблям заход в порты для временной стоянки в случае необходимости. Южный берег Черного моря в данном отношении гораздо менее благоприятен. Но еще важнее другое. По прибытии корабля в Истр ему, в конце концов, представлялись на выбор две возможности — или идти прямо в сторону Крыма (рейс наиболее благоразумный с точки зрения Псевдо-Скилака), или продолжить каботажное плавание параллельно берегу с выходом к Крыму с севера. Правда, при этом втором варианте рейс удлинялся почти на 380 км, но для не очень опытных или недостаточно отважных капитанов такой маршрут мог казаться все же более приемлемым. Состояние моря и метеорологические условия порой могли склонить даже весьма смелых кибернетов к тому, чтобы воспользоваться каботажным вариантом.

В случае же плавания вдоль малоазийского берега с расчетом на кратчайший путь к Крыму (мыс Карамбий — мыс Крию метопон) при неблагоприятных условиях продвижение корабля крайне осложнялось. Переход на каботажный курс, параллельный всему кавказскому побережью, очень сильно удлинял путь.

Для кораблей, направлявшихся из Боспора Фракийского в Боспор Киммерийский, южный путь с пересечением моря между анатолийским побережьем и Крымом, хотя и давал некоторые преимущества (в сравнении с кратким маршрутом Псевдо-Скилака), укорачивая рейс на 150—200 км, но выгода была не слишком уж значительна. При всем этом, как было сказано выше, движение вдоль южного Черноморского побережья было чревато и определенными затруднениями, которые всегда могли возникнуть при выходе на линию меридионального пересечения моря.

Совсем по другому, конечно, обстояло дело при взаимных морских сношениях между северочерноморскими и южнопричерноморскими городами. Для кораблей, которые, например, из Херсонеса шли в такие южные порты, как Гераклея, Синопа, Амис (или наоборот), неизмеримо выгоднее было

плыть прямо от южного берега Таврики к берегу Пафлагонии, чем идти туда каботажным путем. Равным образом это относилось и к судоходству между гаванями Боспора и гаванями Южного Черноморья. Любой каботажный вариант прохождения корабля удлинял здесь рейс во много раз. Наконец, и для кораблей, плывших из Боспора Фракийского в крымские порты и гавани Азиатского Боспора, но транзитом через южнопонтийские гавани, разумеется, было выгоднее воспользоваться меридиональным путем, нежели следовать каботажным вдоль кавказского побережья.

Когда же были освоены греческими мореплавателями эти меридиональные пути между южным и северным берегами Черного моря? Упоминание мысов Карамбий и Крию метопон как пунктов, между которыми ходили корабли, обнаруживается лишь в сравнительно поздних литературных источниках — в стихотворной перигесе Псевдо-Скимна (сткк. 953—955), относящейся к рубежу II—I вв. до н. э., у Страбона (VII, 4, 3), а также в стихотворном географическом сочинении Дионисия, написанном во II в. н. э. (сткк. 150—155). Но мы поступили бы, конечно, очень опрометчиво, если бы стали приписывать освоение прямого пути между Таврикой и Пафлагонией позднеэллинистическому времени на том основании, что самое раннее свидетельство о существовании такого пути имеется в сочинении Псевдо-Скимна. Торговые связи между греческими городами северного и южного побережий Черного моря, развернувшиеся с первой половины IV в. до н. э. и подтверждаемые обширным археологическим материалом, а также надписями, дают полное право считать, что в то время были широко налажены морские сообщения по кратчайшим меридиональным маршрутам через Черное море, особенно на трассе Карамбий — Мыс Крию метопон.

М. И. Максимова проанализировала все исторические данные, прямо или косвенно относящиеся к вопросу о времени освоения древнегреческими мореплавателями кратких путей в Черном море, и это дало ей возможность отстаивать положение о функционировании краткого пути в первой половине IV в. до н. э. Такой вывод не может вызвать никаких возражений. Более того, мы полагаем, что, пожалуй, нет даже особой необходимости прибегать к слишком большому числу косвенных доводов в подтверждение тезиса об использовании краткого пути между Малой Азией и Крымом в IV в. до н. э. Достаточно было бы сослаться на перипл Псевдо-Скилака, удостоверяющий плавание кораблей в первой половине IV в. до н. э. между Истром и юго-западной оконечностью Крыма, где расстояние достигало почти 400 км. В самом деле, что могло препятствовать плаванию грузовых кораблей между мысом Карамбием и мысом Крию метопон (263 км), если такие же корабли были в состоянии совершать переходы в открытом море — в том же Черноморском бассейне — на расстояние в полтора раза больше, чем трассы южного краткого пути?

Но встает вопрос, следует ли считать, что древнегреческие мореходы не совершали прямых меридиональных переходов через Черное море ранее IV в. до н. э.? По мнению М. И. Максимовой, плавание кораблей по краткому (север — юг) пути до конца V в. до н. э. опровергается отсутствием у Геродота надлежащего представления о географии Крыма, а это, как пишет М. И. Максимова, исключает знакомство Геродота с прямым путем⁴. Какие же ошибки допустил Геродот при описании Крыма? Как утверждает М. И. Максимова, согласно описанию Геродота, горная часть Крыма якобы «вдвается в море по направлению не к югу, как это есть на самом деле, а к востоку»⁵.

Действительно ли повинен Геродот в столь серьезном искажении географического облика Крыма? Посмотрим соответствующий текст. Отметив, что сразу же за Истром (т. е. за Дунаем) начинается *ἡ ἀρχαία Σουθία* (ста-

⁴ М. И. Максимова. Античные города, стр. 150

⁵ Там же.

рая Скифия), простирающаяся до города Каркинитиды (μέχρι πόλιος Καρκινίτιδος), Геродот далее пишет: τὸ δὲ ἀπὸ ταύτης τὴν μὲν ἐπὶ θάλασσαν τὴν αὐτὴν φερούσαν, εὐθεῖαν, ὄρεινὴν τε χώραν καὶ προκειμένην τὸ ἐς Πόντον, νέμεται, τὸ Ταυρικὸν ἔθνος μέχρι Χερσονήσου τῆς τροχέης καλεομένης· αὕτη δὲ ἐς θάλασσαν τὴν πρὸς ἀπληιώτην ἄνεμον κατήξει — «Начиная от этого (города Каркинитиды) следует область, обращенная к тому же морю; являясь местностью горной и вдающейся в Понт, она заселена племенем тавров — вплоть до полуострова, называемого Трахейским. Этот (Трахейский полуостров) простирается в сторону моря, которое расположено с востока» (буквально: по направлению к восточному ветру) (Herod., IV, 99).

Стало быть, согласно Геродоту, за городом Каркинитидой (Καρκινίτις), который, как мы знаем, был на месте современного города Евпатории, начинается горная область, т. е. южный горный Крым. Она, как говорит Геродот, вдаётся в Понт, ее населяют тавры. Здесь все показано правильно. Из дальнейших слов Геродота следует, что занятая таврами горная территория доходила до так называемого Трахейского полуострова. Несомненно, тут подразумевается Керченский полуостров: как известно, он начинается сразу же за горной частью Крыма, что и зафиксировано у Геродота. Трахейский полуостров, — говорит Геродот, — простирается в восточном направлении в сторону моря. Какие же могут быть возражения? Керченский полуостров, действительно, тянется на восток — к морю, проливу, являющемуся продолжением Азовского моря. Таким образом, вывод М. И. Максимовой, будто Геродот считал, что горный Крым обращен на восток, представляется неубедительным. Горный Крым у Геродота врезается в море с севера на юг, и это совершенно верно, как столь же безошибочно отмечена и ориентировка Трахейского — Керченского полуострова: с запада на восток.

Описание Геродота не включает в себе ничего, что противоречило бы реальной географии данной территории. Тем самым отпадает и довод, на основании которого отрицалась возможность прямых морских сношений между Малой Азией и Северным Причерноморьем конца V в. до н. э.

Но вправе ли мы все-таки считать, что подобного рода прямые рейсы во времена Геродота практически применялись? Предположения М. И. Максимовой, что Геродот неправильно описал Крым и значит прямого поперечного пути через Черное море греческие мореплаватели еще не знали, не убедительны. Выше мы пытались показать, что Геродотом описание сделано правильно. И вместе с тем едва ли будет правильным противоположное утверждение: Геродот верно описал Крым, следовательно, греческие корабли уже плавали между северным и южным берегами Черного моря по прямому пути. Для подобного заключения необходимо иметь более веские доказательства, и у того же Геродота такие данные имеются.

Рассказывая о том, как персидский царь Дарий, начав войну против скифов, прибыл к мосту, который был наведен через Боспор Фракийский в районе Колхедона, а затем отправился в Кианеи и там с мыса любовался Понтом Эвксинским, Геродот сообщает читателю наиболее важные сведения об этом море, в частности его наибольшую длину и наибольшую ширину (Herod., IV, 86). Геродот счел при этом нужным объяснить, как он высчитал наибольшую длину и ширину Понта. Исходными данными для расчетов, как оказывается, послужили сведения о том, сколько времени тратили корабли при плавании по Черному морю в продольном и поперечном направлениях. Источником осведомления Геродота, возможно, были непосредственно сами моряки; не исключено, однако, что необходимые сведения он почерпнул из какого-нибудь перипла, существовавшего в то время. По словам Геродота, плавание от Боспора Фракийского («устье Понта») до Фасиса занимало девять дней и восемь ночей. Опираясь на эти цифры, Геродот теоретически вычислил наибольшую длину Понта Эвксинского,

учитывая, какое расстояние мог проходить корабль в течение дня и в течение ночи⁶.

Для нас в данном случае представляет особенный интерес вычисление наибольшей ширины моря. Геродот и в данном случае применил аналогичный метод расчета, положив в его основу время, требовавшееся кораблю, выполнявшему рейс поперек моря,— с севера на юг. Он пишет: «До Фемискиры, находящейся на реке Фермодонте, от Синдики... 3 дня и 2 ночи плавания». Это показывает, что уже в середине V в. до н. э. был хорошо известен поперечный краткий путь через Черное море, т. е. прямой путь между северным и южным побережьями.

От устья реки Фермодонт (теперь река носит название Ешил—Ирмак) до Синдики, т. е. до современной Анапы, расстояние равняется примерно 400 км. Чтобы покрыть его, кораблю нужно было три дня и две ночи, т. е. приблизительно 60 часов (2½ суток). Следовательно, корабль шел по этому курсу со скоростью около четырех узлов, т. е. приблизительно 7 км в час. Это и есть нормальная скорость, с которой обычно курсировали древнегреческие торговые суда. Как известно, средняя скорость их плавания составляла четыре узла, т. е. 7, 408 км в час⁷.

Геродот сообщил о плавании кораблей по трассе Синдика — Фемискира совсем не потому, что он хотел дать читателю представление о современных ему маршрутах судоходства в Понте. Он упомянул указанный путь лишь в связи с необходимостью выяснить наибольшую ширину моря. И нельзя думать, что это был единственный в то время поперечный маршрут через Черное море. Здесь приходится повторить то же, что говорилось в связи с плаванием кораблей в первой половине IV в. до н. э. по прямому пути Истр — Криу метопон. Если во времена Геродота практиковались рейсы на трассе Синдика — Фемискира, где протяженность пути составляла почти 400 км, то, тем более, корабли могли плавать по маршруту мыс Карамбий (Пафлагония) — мыс Криу метопон. Было бы неправильно возможность плавания греческих кораблей по прямому пути Пафлагония — Крым ставить в прямую связь с основанием Херсонеса в 20-х годах V в. до н. э. Еще и до того, как гераклейцы организовали свою колонию в Крыму возле Карантинной бухты, последняя, несомненно, использовалась в качестве морской стоянки или эмпория, куда могли заходить суда. Разумеется, морские сношения с Крымом и плавание вдоль его побережья стали значительно удобнее, когда в юго-западной части Крыма появился порт Херсонес.

Весьма возможно, что в ранний период, до основания Херсонеса, сношения между городами Малой Азии и Боспора осуществлялись преимущественно по трассе, отмеченной у Геродота. Здесь, правда, плавание в открытом море было несколько продолжительнее (примерно на 140 км), чем на линии мыс Карамбий — мыс Криу метопон, но зато корабль, пройдя около 400 км, сразу достигал Боспора. При втором же варианте, хотя плавание в открытом море и сокращалось, но в целом путь удлинялся (при-

⁶ Для доказательства недостаточной осведомленности Геродота относительно географического облика Крыма обычно ссылаются на сообщаемые им сведения, почти вдвое превышающие действительные, о наибольшей протяженности Черного моря в длину и ширину. В своих вычислениях Геродот, согласно его собственному разъяснению, исходил из того, что в длинный день корабль обыкновенно проходит не более 70 000 оргий, а в ночь 60 000 оргий. Однако при сопоставлении этих данных обнаруживается, что продолжительность ночи относится к продолжительности дня, как 6 : 7, т. е. ночь почти равна дню. Получается противоречие. Ведь Геродот говорит о длинном дне, следовательно, — о летнем времени года, когда ночь соответственно гораздо короче дня. Исходя из предположения, что Геродот воспользовался при своих теоретических вычислениях сведениями какого-то перипла о максимальных расстояниях, покрывавшихся кораблем в течение длинного дня и длинной ночи, Г. Штейн полагает необходимым в приведенных Геродотом расчетах суточного хода корабля вдвое уменьшить отрезок ночного пути. Следовательно, за сутки корабль проходил не 130 000 а 100 000 оргий (см.: Herodotos. Eklärt von H. Stein, Bd 1. Berlin, 1877, стр. 82).

⁷ K. Michałowski. Technika grecka. Warszawa, 1939, str. 89.

близительно на 160 км), так как, пройдя путь между названными мысами (263 км), потом надлежало до Пантикапея плыть вдоль берега еще около 300 км. К тому же геродотовский маршрут позволял миновать южный берег Крыма, где греческие корабли попадали в сферу пиратской деятельности, столь выразительно описанной Геродотом (IV., 103). Позже, в IV в. до н. э., когда уже существовал Херсонес и когда владения Боспора продвинулись до Крымских гор (после присоединения Феодосии), активность таврских пиратов, вероятно, весьма серьезно сдерживалась с обеих сторон, что создавало более безопасные условия для кораблей, проходивших мимо южного берега Крыма.

Все приведенные соображения заставляют признать дискуссионным мнение, согласно которому греческие корабли якобы не ранее рубежа V—IV вв. стали пользоваться сокращенными прямыми маршрутами поперек Черного моря. Зарегистрированный Геродотом путь Синдика — Фемискира свидетельствует о том, что уже в V в. до н. э. греческие мореходы не удовлетворялись только каботажными рейсами. Они бороздили Понт Эвксинский и по более кратким путям, не боясь плавания в открытом море на трассах значительной протяженности.

Сказанное ранее по поводу маршрута Истр — мыс Крию метопон, описанного в перипле Псевдо-Скилака, надлежит теперь сопоставить с маршрутом Синдика — Фемискира, отмеченным у Геродота. Если в первом случае путь строго соответствовал направлению запад — восток, то во втором случае он почти с абсолютной точностью проходил по линии север — юг.

С первого взгляда может показаться, что выяснение путей плавания греческих кораблей в Черном море не выходит за рамки вопросов, связанных с историей древней навигации. На самом деле это совсем не так. Выдвинутый М. И. Максимовой тезис об отсутствии в практике черноморского судоходства до конца V в. до н. э. некаботажных маршрутов, т. е. рейсов поперек моря, явился основанием для выводов достаточно широкого исторического характера. Так, например, оказалась взятой под сомнение гипотеза о посещении Периклом северного побережья Черного моря, ибо «его корабли, видимо, не могли воспользоваться кратким морским путем»⁸. Разделивший эту точку зрения И. Б. Брашинский также утверждает, что коль скоро краткий путь не был еще известен, то эскадра Перикла, дойдя вдоль черноморского южного берега до Амиса, была уже не в состоянии достигнуть северного побережья⁹.

Здесь, конечно, не место входить в подробное рассмотрение вопроса о походе афинской эскадры, совершившей под главенством Перикла рейд по Черному морю в начале 30-х годов V в. до н. э. с целью укрепления политических позиций Афин в этом районе. Не затрагивая деталей, отметим лишь, что с нашей точки зрения понтийская экспедиция Перикла вообще лишена была бы реального смысла, если бы она не имела в виду утверждение афинского влияния прежде всего в Северном Причерноморье, имевшем первостепенное значение для Афин как источник самого главного — хлеба. В связи с изложенным, мнение о том, что эскадра Перикла якобы не достигла Северного Причерноморья, представляется нам мало убедительной гипотезой. Что касается технических трудностей, которые будто должны были встать перед экспедицией Перикла, если бы последняя пожелала продвинуться к северным берегам Понта, то они, безусловно, носят необоснованный характер¹⁰.

⁸ М. И. Максимова. Античные города, стр. 151.

⁹ И. Б. Брашинский. Понтийская экспедиция Перикла. ВДИ, 1958, № 3, стр. 116.

¹⁰ Военные корабли, у которых двигателями были паруса и весла, могли развивать скорость до 7—8 узлов, т. е. 12,9—14,4 км в час (см.: A. Köster. Das antike Seewesen. Berlin, 1923, S. 177 и сл.; ср.: B. Labaree. How the Greeks sailed into the Black Sea. AJA, 61, 1957, № 1, p. 31; L. Casson. The Ancient Mariners. New York, 1959, p. 94).

Главным поводом для сомнений в возможности достигнуть северного побережья эскадрой Перикла, как мы знаем, является предполагаемое отсутствие в то время краткого пути через Черное море. Но этот довод теперь должен полностью отпасть, поскольку устанавливается, что во времена Геродота такие пути наперерез моря были известны. Дойдя вдоль южного побережья, через Синопу, до Амиса, эскадра Перикла могла воспользоваться маршрутом, о котором сообщает Геродот. Двинувшись от устья реки Фермодонт прямо на север, корабли афинской военной флотилии имели возможность при благоприятных условиях плавания примерно через 30 часов уже оказаться в районе Синдики (теперь Анапа).

Время, когда впервые греческие мореходы стали прибегать к прямым переходам через Черное море, пересекая его в поперечном направлении (север — юг), едва ли мы сможем когда-нибудь точно установить. Ясно лишь одно — уже во времена Геродота греческие корабли отнюдь не ограничивались только каботажным плаванием. Они уже умели совершать смелые прямые рейсы между малоазийским и северочерноморским берегами. Все это показывает, что предприимчивые и отважные древнегреческие мореходы по мере накопления ими опыта плавания в Черноморском бассейне, чему способствовали оживленные торговые морские сношения, очень рано (во всяком случае гораздо раньше середины V в. до н. э.) стали успешно изыскивать и осуществлять более короткие рейсы для кораблей, направлявшихся к северным берегам. В результате наряду с каботажным плаванием стали использоваться сокращенные трассы, связанные с переходом в открытом море довольно значительных расстояний. Эти трассы, как показывают наши источники, имели всегда строго широтное или меридиональное направления, а рейсы по таким трассам не превышали, как правило, 400 км.

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Т. Н. КНИПОВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГРЕЧЕСКОГО ЛАПИДАРНОГО ПИСЬМА В НОВЫХ НАДПИСЯХ ОЛЬВИИ

Цель настоящей статьи — дать представление об особенностях греческого письма в надписях, издаваемых в сборнике «Надписи Ольвии (1917—1965)». Значение работ, посвященных выяснению истории греческого лапидарного письма той или иной области, признается давно, оно нашло отражение в ряде специальных публикаций, среди которых имеется и специальная статья о письме Ольвии¹. Здесь мы ограничимся рассмотрением тех групп надписей, для представления о которых существенное значение имеют некоторые надписи, вошедшие в упомянутый сборник.

Первую группу составляют самые ранние из ольвийских лапидарных надписей, относящиеся к V в. до н. э. Присутствие в Ольвии надписей V в. до н. э. известно давно, значительное количество их упоминается и у В. В. Латышева (IPE 1²), но лишь единичным из них была дана более точная датировка. Раскопки Ольвии советского времени существенно увеличили их количество и дали основу для интересных наблюдений.

Ряд таких наблюдений может быть сделан по отношению к надписям V в. до н. э.

Группа надписей, относящихся еще к первой половине V в. до н. э., даже к первым десятилетиям этого века, содержит детали, определяемые обычно как «архаические», так как они свойственны времени, еще предшествующему V в. до н. э. Давно замечено исследователями, что наличие упомянутых деталей (особенно, если одна надпись содержит их сразу несколько) характерно для времени, близкому к 500 г. до н. э.² Очевидно, в эпиграфике Ольвии может быть установлено присутствие группы, принадлежащей времени не более позднему, чем первые десятилетия V в. до н. э. Среди издаваемых в настоящем сборнике надписей особенно характерны две, значащиеся в сборнике под № 1 и 167. У обеих надписей имеются архаические детали, как, например, косые перекладки и альфы, также ню с наклонными, а не вертикальными боковыми линиями; эти детали сочетаются с формами букв, встречающимися аналогии с ранее найденными надписями с твердой датой³. Ранние надписи, содержащие некоторые «архаичес-

¹ Из таких работ отметим: О. Kern. Die Geschichte der Steinschrift in Magnesia am Maeander. Berlin, 1900, стр. XXIX—XXXVIII, У; А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, М., 1962, стр. 3—31; Т. Н. Книпович. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. НЭ, VI, М., 1966, стр. 3—30.

² Ср., например, А. G. Woodhead. The Study of Greek Inscriptions, Cambridge, 1959, стр. 21, рис. 3.

³ Ср., например, надпись № 167 с надписью IPE, I² № 270, датируемой издателями временем 475—460 гг. до н. э.

Рис. 1. Надпись из Ольвии

кие» детали, встречались в Ольвии и раньше; несколько таких надписей издано и в ИРЕ, ¹²; но их очень немного и большинство их — надгробия на известняковых плитах. Между тем среди новых ольвийских надписей первой половины V в. мы встречаем и проксению в честь синопейца (в сборнике «Надписи Ольвии» — № 1), и ряд фрагментов плит с посвятельными надписями.

Интересны и более поздние надписи V в. Среди них ряд прекрасных экземпляров, выполненных в системе стойхедон (в сборнике «Надписи Ольвии» — № 2, 55, 56, 57, 58); особого внимания заслуживает фрагмент надписи (в том же сборнике — № 55) с сохранившейся сеткой из перекрещивающихся двойных линий, обеспечивающей правильность расположения букв. Итак, мы вновь встречаемся с фактом увеличения количества надписей группы, представляющей бесспорный интерес. Интерес к этому факту тем более значителен, что при выраженном распространении в Ольвии системы стойхедон на Боспоре не встречается настоящего применения этой системы там мы можем говорить лишь о случаях приближения к системе стойхедон и то единичных ⁴.

Остановимся еще на одном вопросе. Если сопоставить специфические черты, наблюдаемые в первой половине V в. в надписях различных областей античного мира, бросаются в глаза наибольшие совпадения у Ольвии с ионийскими центрами. Сопоставления эти сказываются в наличии в ольвийских надписях тех же «архаизмов», которые типичны для Ионии, а не для Аттики или Коринфа (см. табличку на рис. 3 у Вудхэда, указанную нами в примечании 2). Сделанные наблюдения отражают, очевидно, особенности Ольвии как милетской колонии.

Итак, новые надписи Ольвии не только увеличивают известное нам количество ольвийских лапидарных надписей V в. до н. э., но и знакомят нас с новыми чертами эпиграфики Ольвии указанного времени.

⁴ См. НЭ, III, рис. 3 на стр. 7; об этой надписи см. стр. 8.

В публикуемых нами эпиграфических материалах следующего за V в. времени — IV в. до н. э., а также первой половины III в. до н. э. мы едва ли найдем что-либо существенно новое в отношении особенностей письма. Есть ряд весьма показательных, частью прекрасных материалов, но в письме их нет чего-либо отличающего его от письма бывших нам и ранее известных эпиграфических памятников. Другое дело — период более позднего эллинизма: на некоторых группах надписей этого времени необходимо специально задержаться.

Наиболее интересным фактом является возможность проследить в ольвийской эпиграфике особой группы: это — надписи эллинистического времени, выполненные курсивным шрифтом. До недавнего времени группа эта была представлена одной надписью так называемым «списком граждан», изданным в *IRE*,¹² № 201. После открытия надписей, найденных в недавнее время, главным образом при раскопках агоры и теменоса, стало возможным говорить уже не об единичных случаях, а об определенной группе или направлении в эпиграфике⁵. Дата надписей, выполненных в данном стиле, не может вызывать сомнений: разновидность альфы с ломаной перекладиной, тэты с поперечной черточкой, а не точкой в центре, мю с вертикальными боковыми линиями — все это свойственно времени не ранее последних десятилетий III в. до н. э., скорее — уже II в. до н. э. Не могут они относиться и ко времени после II в. до н. э. Против этого говорят прежде всего находки на ольвийской агоре, где такие надписи встречались в слоях III—II вв. до н. э.

Рассмотренное явление представляет большой интерес. В других центрах Северного Причерноморья, в частности на Боспоре, курсивный шрифт получает обычно значительное распространение только в первые века н. э., главным образом во II и III вв.; в Ольвии же мы встречаем обратное явление — курсивный шрифт входит в употребление в эллинистическое время, причем мы имеем дело не с включением в текст отдельных курсивных букв, а с постоянным применением ряда таких букв, сохраняющих постоянно определенную форму, определенные размеры. Что касается более позднего времени (первых веков н. э.), то в это время в ольвийских надписях встречается только включение отдельных курсивных букв в шрифт иного характера⁶.

Следует не забывать и того, что лапидарное письмо Ольвии и более раннего времени (IV — первая половина III в. до н. э.) часто содержит отдельные курсивные буквы, особенно сигму. Следует вспомнить также хорошо известную надпись, отличающуюся своеобразным письмом — декрет в честь Протогена. Непосредственного отношения к издаваемым новым надписям последняя надпись не имеет: однако именно в числе новых надписей встречаются такие, которые по всем особенностям письма относятся уже к первым векам н. э., но содержат омегу, правда, не идентичную омеге декрета в честь Протогена, но, бесспорно, представляющую собой дальнейшее развитие этой формы (№ 95, рис. 1). Рассматривать подробнее эти новые своеобразные формы мы не будем; обратим лишь внимание на бесспорные своеобразные черты в лапидарном письме Ольвии, указывающие на необходимость дальнейшей работы по изучению этого письма.

⁵ В сборнике «Надписи Ольвии» к числу надписей эллинистического времени, выполненных курсивным шрифтом, относятся № 35—38, 128.

⁶ Среди изданных в *IRE*,¹² надписей с курсивным шрифтом есть одна, отнесенная В. В. Латышевым к первым векам н. э. — *IRE*,¹² № 192. Но эта датировка — несомненное недоразумение. В. В. Латышев дает ее «по характеру письма», а шрифт — бесспорно тот же, как у перечисленных в примечании пяти надписей «эллинистического времени».

Г. М. МЕЛЕНТЬЕВА

ОЛЬВИЙСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.¹

Для изучения ольвийской керамики первых веков н. э. большое значение имеют материалы зернохранилища II, открытого на территории агоры до гетского периода². В настоящее время определены южная и западная границы зернохранилища и раскрито около 60 ям, в которых найдено большое количество керамики. Особый интерес представляет комплекс из ямы 57³.

В яме на глубине 1,45—1,50 м компактно лежали фрагменты пяти амфор, двух кувшинов и краснолакового светильника. На разных глубинах найдены две краснолаковые чашки, лепная миска и лепной горшок⁴. Кроме того, засыпь ямы содержала большое количество обломков амфор, черепиц и единичные маловыразительные обломки красноглиняной и сероглиняной посуды.

Амфоры из ямы 57 принадлежат четырем типам:

Тип 1. Светлоглиняные амфоры, найденные в 2 экз., для которых характерно узкое горло, плавно расширяющееся к плечикам, с венчиком в виде валика, нечетко профилированного. Тулово — яйцевидное, со слабо выраженной желобчатой поверхностью, заканчивается невысокой цилиндрической ножкой (рис. 2, 1). Ручки овальные в сечении, с одним продольным ребром, смещенным к краю. На горле — следы знака, нанесенного красной краской.

В Ольвии подобные амфоры неоднократно встречались и ранее как в ямах этого же зернохранилища, так и в культурных напластованиях первых веков н. э.⁵ Близкие по форме амфоры найдены и на городище у с. Козырка в помещении, разрушенном в середине III в. н. э.⁶; известны они и по раскопкам боспорских городов⁷, а также донских городищ (Недвиговское,

¹ Доклад, прочитанный на заседании Группы античной археологии ЛОИА в июне 1965 г.

² Зернохранилище I находилось на территории теменоса (см.: Е. И. Леви. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры. 1951—1960 гг. Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 16—17).

³ Яма 57 раскрывалась в 1963—1964 гг. Глубина ее—1,95 м, верхний диаметр 1,80 м, диаметр дна—1,90 м; верхняя часть ямы вырыта в культурном слое, нижняя (с глубины 1,20 м) врезана в материк; стенки ямы были обмазаны глиной.

⁴ Большинство перечисленных сосудов удалось реставрировать.

⁵ В качестве примера укажем на яму 4, раскрытую в 1963 г., в которой в большом количестве найдены фрагменты аналогичных амфор. На многих из них — буквенные знаки красной краской, на некоторых — клейма (см. также: Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 23, рис. 19).

⁶ А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвии. «Археологічні пам'ятки УРСР», XI, 1962, стр. 58, табл. I, 14.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 96, рис. 114, 4; он же. Илурат. МИА, № 85, 1959, стр. 36, рис. 20, 2.

Рис. 2. Ольвия. Амфоры из ямы 57

Кобяковское, Правобережное Мокро-Чалтырское, Нижнегниловское)⁸. Эти амфоры датируются II—III, преимущественно III в. н. э., что дает основание и амфору рассматриваемого типа датировать тем же временем.

Тип 2. Красноглиняная узкогорлая амфора с высоко поднятыми руч-

⁸ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 72, рис. 28; Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.). МИА, № 127, 1965, стр. 13, рис. 6; И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 32, рис. 6, 20—32; С. И. Братченко. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону. СА, 1957, № 2, стр. 190, рис. 2.

ками. Высокое желобчатое горло расширяется книзу. Массивные широкие реберчатые ручки подняты над краем сосуда. Стройное конусовидное тулово заканчивается полой цилиндрической желобчатой ножкой (рис. 2, 2).

Фрагменты амфор этого типа были найдены в ямах того же зернохранилища⁹; известны они и по раскопкам Ольвии предшествующих лет¹⁰, но находки их сравнительно редки. Аналогичные амфоры встречались и в других центрах Северного Причерноморья: Тире¹¹, Илурате, Тиритаке¹². По условиям находки и сопровождающему материалу они датируются III в. н. э. Амфоры, подобные ольвийским, представлены также среди материалов афинской агоры. Они охватывают период с середины III в. н. э. до V в. н. э.¹³ Амфоры, сходные по форме, найдены и в некрополе Герасы, в могильном комплексе III в. н. э.¹⁴ Приведенные аналогии дают основание считать, что амфоры интересующего нас типа появляются не ранее III в. н. э.

Тип 3. Большая красноглиняная амфора со светлым покрытием¹⁵, с коротким широким горлом, от края которого отходят массивные реберчатые ручки. Тулово амфоры, судя по единственной аналогии, имело, вероятно, яйцевидную форму и заканчивалось маленьким коническим выступом¹⁶. Наружная поверхность горла желобчатая, на тулове желобчатость выражена очень слабо. На горле красной краской нанесены четыре буквы — лунарные эпсилон, одна из них — в горизонтальном положении; такая же буква помещена на тулове у основания ручки (рис. 2, 3). Форма такой амфоры необычна для Ольвии и встречается здесь впервые. Среди опубликованных амфор римского времени подобный тип также отсутствует¹⁷. Две амфоры, очень близкие ольвийской, найдены в Инкерманской долине (совхоз 10), в позднеантичном могильнике III—IV вв. н. э.¹⁸

Тип 4. Небольшая красноглиняная амфора с прямым горлом, заканчивающимся валикообразным венчиком, горизонтально срезанным. Поверхность горла желобчатая. Ручки овальные в сечении, с одним ребром посредине. Тулово конической формы, на плечиках — знаки красной краской (рис. 2, 4). В Ольвии подобные амфоры до сих пор также не встречались. Аналогии им пока указать не можем.

Наряду с амфорами в яме 57, как говорилось, найдены два совершенно идентичных тонкостенных кувшина с относительно непропорционально маленьким узким горлышком и ручкой и темным покрытием; горлышко имеет утолщенный край, слегка отогнутый наружу. Одна вертикальная петлеобразная ручка с неглубокой бороздкой посредине прикреплена непосредственно у горлышка. Бороздчатое тулово по форме приближается к яйцевид-

⁹ Ямы 41 и 46 (0/63—3317; 0/63—2900).

¹⁰ Р. И. Ветштейн. Керамическое производство Ольвии первых веков н. э. (канд. дис.), стр. 131. Автор предположительно датирует амфоры III—IV вв. н. э.

¹¹ А. І. Фурманьска. Розкопки Тіри в 1958 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. XI, 1962, стр. 131.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки 1946—1958 гг. МИА, № 85, 1959, стр. 168, рис. 20.

¹³ Henri S. Robinson. Athenian Agora. Pottery of the roman period Princeton, V. 1959, табл. 15, 16, 28, 31; V. Grace. Amphoras and the Nine Trade. Princeton, 1961, рис. 37.

¹⁴ Carl H. Kraeling. Gerasa City of the Decapolis. 1938, стр. 565, рис. 43, стр. 567, рис. 45.

¹⁵ Амфора сохранилась не полностью, отсутствует ее нижняя часть.

¹⁶ Наибольший диаметр тулова—44,5 см, высота горла—10 см, диаметр горла—8,5 см, ширина ручек—6 см.

¹⁷ Горло аналогичной амфоры из раскопок Мирмекия опубликовано В. Ф. Гайдукевичем, но ввиду того, что оно было найдено в средневековом слое, автор соответственно отнес его к средневековью (см.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 180, рис. 82).

¹⁸ С. Ф. Стрелецкий. Отчет о раскопках позднеантичного могильника III—IV вв. н. э. в Инкерманской долине (совхоз 10) в 1956 г. рис. 130; он же. Отчет о раскопках позднеантичного могильника III—IV вв. н. э. в Инкерманской долине (совхоз 10) в 1962 г. рис. 359 (Отчеты хранятся в архиве ИА АН УССР).

Рис. 3. Ольвия. Керамика из ямы 57

ному и заканчивается высокой цилиндрической ножкой, расширяющейся к основанию¹⁹ (рис. 3, 1, 2).

Весьма близкие по форме кувшины найдены на афинской агоре²⁰. М. Ланг в специальной работе выделяет среди них три типа и прослеживает их эволюцию с I по III в. н. э.²¹ Ближайшие к ольвийским кувшины из Афин датируются II и II—III вв. н. э.²²

¹⁹ Высота кувшинов—48,5 см, высота горла 3,5 см.

²⁰ Henri S. Robinson. Указ. соч., табл. 11, 21, 23, 28, 29.

²¹ Mabel Lang. Dated jars of early imperial times *Hesperia*, XXIV, 4, 1955, стр. 277—282.

²² Там же, табл. 79 (о, д).

Притом сходны они не только по форме, но и по глине²³. Кувшины эти важны и интересны тем, что ни в Ольвии, ни в других античных центрах Северного Причерноморья они до сих пор не встречались, по крайней мере в целом виде²⁴.

Краснолаковый светильник, найденный вместе с описанными сосудами, фрагментирован; отбит рожок и часть корпуса. Светильник имеет округлую форму и покатые плечики с рубчиками. На плечиках прикреплена ленточная ручка. Гладкий щиток отделен от плечиков рельефным ободком. Слегка приплюснутое дно украшено многолепестковой розеткой (рис. 3, 3). Подобные светильники находились в некрополе и на городище Херсонеса²⁵, в Илурате²⁶, в некрополе Тиритаки²⁷ и в Танаисе²⁸. Близкий по типу светильник опубликован М. П. Бернадом²⁹. Все они датируются III в. н. э.

К этому же времени относятся и две краснолаковые чашки из ямы 57. Одна из них, с округлыми стенками и слегка загнутым внутрь краем, имеет низкую кольцеобразную подставку (рис. 3, 4). Форма таких чашек, широко распространенная в более раннее время, была весьма устойчивой и бытовала еще и в первые века н. э. Чашки такого типа встречались в Ольвии³⁰, Мирмекии и Тиритаке³¹, довольно часто находят их и в Илурате³².

Вторая краснолаковая чашка, с вертикальным бортиком, на низкой кольцеобразной подставке (рис. 3, 5), также находит аналогии среди античных памятников римского времени; близкие по форме чашки найдены в Херсонесе³³ и Тиритаке³⁴.

Лепные сосуды представлены миской и фрагментированным горшком. Миска — грубой работы, глубокая, с загнутыми внутрь краями; стенки в верхней части выпуклые, округлые и скошенные при переходе к плоскому дну. Поверхность миски шероховатая (рис. 3, 6).

От горшка сохранилась только верхняя часть, позволяющая, однако, представить его форму в целом. Горшок имел округлое тулово и плоское дно. Отогнутый наружу венчик по краю орнаментирован косыми насечками. Плечики с трех сторон украшены орнаментом в виде овальных ямок, расположенных группами, по три в каждой (рис. 3, 7). Форма горшка и орнаментация венчика обычны для лепной посуды первых веков н. э. Значительно реже встречается мотив орнамента плечиков, аналогию которым дает орнамент горшка из сарматского кургана 19 близ с. Ново-Филипповка, в долине р. Молочной³⁵.

²³ Глина коричневого цвета, содержит большое количество мельчайших блесток слюды: тесто хорошо отмучено.

²⁴ В 1963 г. в одной из ям зернохранилища II был найден обломок горла с частью ручки от такого же кувшина.

²⁵ А. Н. Щеглов. Светильники с клеймом ХРУСОУ. СХМ, II, стр. 50, рис. 3 (слева); Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII, раскопки 1941, 1947, 1948 гг. МИА, № 34, 1953, стр. 178, рис. 21; стр. 192, рис. 41.

²⁶ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 40, рис. 24.

²⁷ М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 81, рис. 119.

²⁸ М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). МИА, № 127, 1965, стр. 146, рис. 18.

²⁹ M. L. Bernhard. Lampku starozithe. Warszawa, 1955, табл. XCIV, № 332.

³⁰ Т. Книпович. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Frankfurt-a-M., 1929, табл. II, рис. 32с.

³¹ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИН, № 25, 1952, стр. 301, рис. 3, 6; стр. 315, рис. 11, 4.

³² Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, 1958, стр. 287, рис. 4.

³³ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 187, рис. 36 (средний).

³⁴ Т. Н. Книпович. Указ. соч. МИА, № 25, 1952, стр. 316, рис. 116.

³⁵ М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська, О. І. Те-

Детальное ознакомление с керамикой из ямы 57 показало, что большинство сосудов относится к III в. н. э., а отдельные экземпляры — ко II—III в. н. э. Более поздний материал в яме отсутствует. Это дает основание датировать комплекс в целом концом II—III вв. н. э.

Керамический материал из ямы 57 получает, таким образом, определенную дату и вводит в научный оборот новые типы сосудов, впервые наблюдаемые не только в Ольвии, но и в других местах Северного Причерноморья.

реножкин, Г. Т. Ковпаненко. Курганы біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Акермень». АП, VIII, 1960, стр. 79, рис. 65, 19.

В. И. ПРУГЛО

ГРУППА ФАСОССКИХ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ ИЗ МИРМЕКИЯ

Основной задачей работ Боспорской экспедиции в последние годы являлось изучение открытого в центральной части Мирмекия интересного археологического комплекса, связанного с религиозной сферой жизни этого боспорского города. В северном секторе участка *И* выявлены остатки сооружений культового характера, относящихся к различным строительным периодам — к V и к первой половине IV в. до н. э., и подвергнуты исследованию курганообразные насыпи двух алтарей-эсхар¹.

Четко выраженная хронологическая характеристика обоих зольных алтарей позволяет надежно датировать найденные в них группы вещевого материала, еще не имеющие твердых дат. В первую очередь это относится к некоторым сериям амфорных клейм, обнаруженных в насыпи зольника-эсхары II.

Массив курганообразной насыпи зольника-эсхары II, состоящий из золы сожженных жертвоприношений и остатков ритуальных трапез, а также из вотивных даров в виде различных терракотовых изображений, чернолаковых и красноглиняных сосудов, орудий труда, достигает мощности до 2—2,5 м, а местами — до 3 м. Самые верхние горизонты зольника II, начавшего формироваться в 20-е годы IV в., образовались не позже 250—230 гг. до н. э.²

За годы раскопок зольного алтаря (1958—1966) найдено 979 клейм, оттиснутых на ручках и горлах амфор. По центрам производства они распределяются следующим образом: Синопа — 604, Гераклея (энглифические) — 168, Фасос — 48, Хиос — 15, Родос — 16, Книд — 10, Херсонес — 14, Парос — 1, неизвестных центров — 103.

В настоящей статье публикуется часть фасосских клейм — те, в надписях которых удастся прочесть собственные имена³.

Как известно, разработка хронологической систематизации клейменной керамической тары Фасоса еще не завершена, однако в классификации отдельных типов фасосских клейм и в установлении их абсолютной и относительной хронологии ряд основных вех намечен уже достаточно твердо. Начало этой работе в свое время было положено Б. Н. Граковым⁴; в насто-

¹ В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 28 и сл.; он же. Работы на Боспоре. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 100 и сл.

² В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары, стр. 31 и сл.

³ В общем числе упомянутых 48 фасосских клейм включены так называемые колесные клейма (8 экз.), которые большинство исследователей в настоящее время относят к Фасосу (см.: И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 294 и сл.).

⁴ Б. Н. Граков. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в древней Греции. ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 176. Хронология фасосских клейм Б. Н. Гра-

ящее время она успешно осуществляется В. Грейс⁵. Используя показания хорошо датированных сопутствующими находками археологических комплексов, в которых были фрагменты клейменных фасосских амфор, а также широко пользуясь другими методами хронологического определения клейм, В. Грейс выделила несколько групп ранних фасосских штемпелей и пришла к заключению, что обычай снабжать амфоры клеймами с греческими именами возник на Фасосе около 425 г. до н. э., причем эту дату она считает самой ранней вообще для амфорных клейм, содержащих греческие имена⁶.

Согласно наблюдениям В. Грейс, наиболее ранними являются две небольшие серии прямоугольных клейм, на которых вдоль длинных сторон прямоугольника представлены собственное имя и этникон, а среднюю часть занимают две эмблемы, одна из которых является постоянной⁷.

Возникновение на Фасосе практики маркирования амфор штемпелями с именами двух лиц В. Грейс относит к последнему десятилетию V в. до н. э. Этому времени принадлежат небольшие круглые клейма с надписью ἐπί αὐτοῦ, обычно сопровождающие отдельно оттиснутое клеймо с именем эргастериарха и профильным изображением сатира. Примерно концом V в. до н. э. датирует В. Грейс безэмблемные трехстрочные клейма с этником в средней строке и с двумя именами в верхней и нижней строках, а также несколько групп прямоугольных клейм с эмблемой в центральном поле, окруженной надписью по трем или четырем сторонам⁸.

В результате изучения фасосских клейм из раскопок афинской агоры В. Грейс пришла к убедительному выводу, что появление типа фасосского клейма в виде четырехугольника с эмблемой в центре и надписью из двух собственных имен и этникона, располагавшейся по трем или четырем сторонам прямоугольника, относится к концу V в. до н. э.; тип этот господствовал на Фасосе в течение первой половины IV в. до н. э.⁹

Клейма, типологически сходные, но содержащие только одно имя, В. Грейс выделила в качестве следующего этапа фасосского клеймения, который она приурочивает ко времени после 340 г. до н. э.¹⁰

Если хронология фасосских клейм конца V — первой половины IV в. разработана, как видим, уже достаточно твердо и выделены имена эпонимов и эргастериархов, деятельность которых протекала в указанный период, то в отношении фасосских клейм второй половины IV и III в. до н. э. такую работу еще предстоит произвести. Тем больший интерес представля-

---

кова, изложенная в неопубликованном труде (Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара как источник для истории производства и торговли), известна нам по работам: Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 203 и сл.; он же. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 130 и сл.; И. Б. Зеевст. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 83.

⁵ V. Grase. Stamped Amphora-Handles Found in 1931—1932. *Hesperia*, III, 1934, стр. 117 и сл.; она же. Stamped Wine Jar Fragments. *Hesperia*, Supplement X, 1956, стр. 117 и сл. (в дальнейшем цитируется: V. Grase. Рпух).

⁶ V. Grase. Early Thasian Stamped Amphoras. *AJA*, L, № 1, 1946, стр. 30.

⁷ Для клейм первой из этих серий такой постоянной эмблемой является фиала; для клейм серии второй, хронологически близкой, но все же несколько более поздней, — звезда (см. V. Grase. Early Thasian Stamped Amphoras, стр. 35; ср.: она же. Рпух, стр. 127, 129).

⁸ К последним относятся клейма Аристомена, которым свойственна эмблема в виде стреляющего из лука коленопреклоненного Геракла; клейма Герофона, несущие профильное изображение головы Геракла в лвином скальпе, и клейма Мегона с юношеской головой в профиль (см. там же, стр. 123, 125, 130).

⁹ Д. Б. Шелов выделил еще одну группу прямоугольных фасосских клейм середины IV в. до н. э. Надписи, содержащие в сокращениях имена Μεθ (— — —), Μεγ (— — —), Μεγα (— — —), идут вдоль коротких сторон клейма, над или под эмблемой, занимающей в таких клеймах почти все поле четырехугольника (см.: Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, стр. 204, табл. I, 4; он же. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 130, 131).

¹⁰ V. Grase. Early Thasian Stamped Amphoras, стр. 35; она же. Рпух, стр. 122 и сл.

ет публикуемая группа фасосских клейм из Мирмекия, поскольку эти клейма обнаружены в слоях зольника II, формирование которого происходило в раннеэллинистическое время.

Как уже отмечалось, массовый археологический материал зольного алтаря охватывает период от 20-х годов IV в. до 230 г. н. э. На основании показаний монетных находок и с учетом уровня их залегания оказалось возможным расчленить напластования зольного алтаря на два яруса. Нижние напластования (от +7,30 до +8,40 м) сформировались примерно в 320—280 гг.; верхний ярус отложений (от +8,40 до +10,20 м) относится к 280—230 гг.¹¹ Разумеется, не все амфорные клейма одновременны соответствующим горизонтам; действительно, в мирмекийском комплексе фасосских клейм присутствует небольшая группа раннего материала, для которого приведенные даты следует рассматривать только как *terminus ante quem* попадания его в зольник. Однако для самых поздних из обнаруженных фасосских клейм хронология напластований зольного алтаря может служить объективным критерием в определении их даты.

Из мирмекийского комплекса фасосских клейм (рис. 4) легко выделить ранние экземпляры конца V — начала IV в. до н. э. К таковым относится круглое клеймо с именем эргастериарха Сатира (№ 1)¹², восходящее, по видимому, еще к концу V в.¹³, и три клейма (№ 2—5) четырехугольной формы с эмблемой в центре и надписью из двух личных имен и этника.

Для клейма эпонима Аристиды и эргастериарха Левкона (№ 2) характерно следующее размещение надписи. Вдоль верхней длинной стороны прямоугольника в обычном порядке — слева направо — читается имя — Аристид. Этника и имя эргастериарха представлены ретроградно: по короткой правой стороне расположен этника в форме ΘΑΣΙ, имя эргастериарха — Левкон идет параллельно нижней длинной стороне и одной буквой заходит на короткую левую сторону. Аналогично размещены надписи на нескольких клеймах из раскопок афинской агоры. На одном из них эпоним Аристид фигурирует с эргастериархом Главкомом, на втором — тот же эпоним с эргастериархом Пиладом¹⁴. Деятельность Аристиды относится ко времени не позднее начала IV в. до н. э.¹⁵ Тем самым дата мирмекийского клейма этого эпонима устанавливается достаточно надежно.

В клейме Сатира и Фрасонида (№ 4) окружающая эмблему ретроградная надпись начинается в правом верхнем углу и идет вдоль всех четырех сторон клейма. Имена даны в сокращении — ΣΑΤΥ и ΘΡΑΣΩ этника — в форме ΘΑΣΙ. Имя эргастериарха Фрасонида известно по ранним фасосским клеймам конца V — начала IV в. Самыми поздними из них являются клейма эпонима Мегона II, которые, однако, не могут быть позднее первой четверти IV в. до н. э.¹⁶ Поэтому наше клеймо надлежит датировать самое позднее первой четвертью IV в. до н. э.

Отличительный признак клейма эпонима Аристократа и эргастериарха Пилада (№ 3) — ретроградное изображение собственных имен, размещенных параллельно длинным сторонам прямоугольника, и отсутствие в надписи обозначения этника. Аналогичное расположение надписи и отсутствие этника свойственны найденному на афинской агоре клейму, в котором эпоним Аристократ представлен с эргастериархом Носсом. Это

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсары, стр. 31. В течение раскопочных работ 1958—1964 гг. основание зольного алтаря II было выявлено на уровне отметки +7,60. После раскопок 1965—1966 гг. стало очевидным, что основание западной оконечности зольного алтаря лежит на горизонте +7,30/45. Все замеры глубин произведены от нулевого горизонта, соответствующего уровню моря.

¹² Номера относятся к списку клейм, приложенному в конце статьи.

¹³ V. G r a s e. Early Thasian Stamped Amphoras, стр. 35; она же. Рнх, стр. 123 и сл.

¹⁴ V. G r a s e. Рнх, стр. 126, 134 табл. 54, 20.

¹⁵ Там же, стр. 131, табл. 54, 21.

¹⁶ Там же, стр. 124, прим. 8; 134, табл. 56, 43.

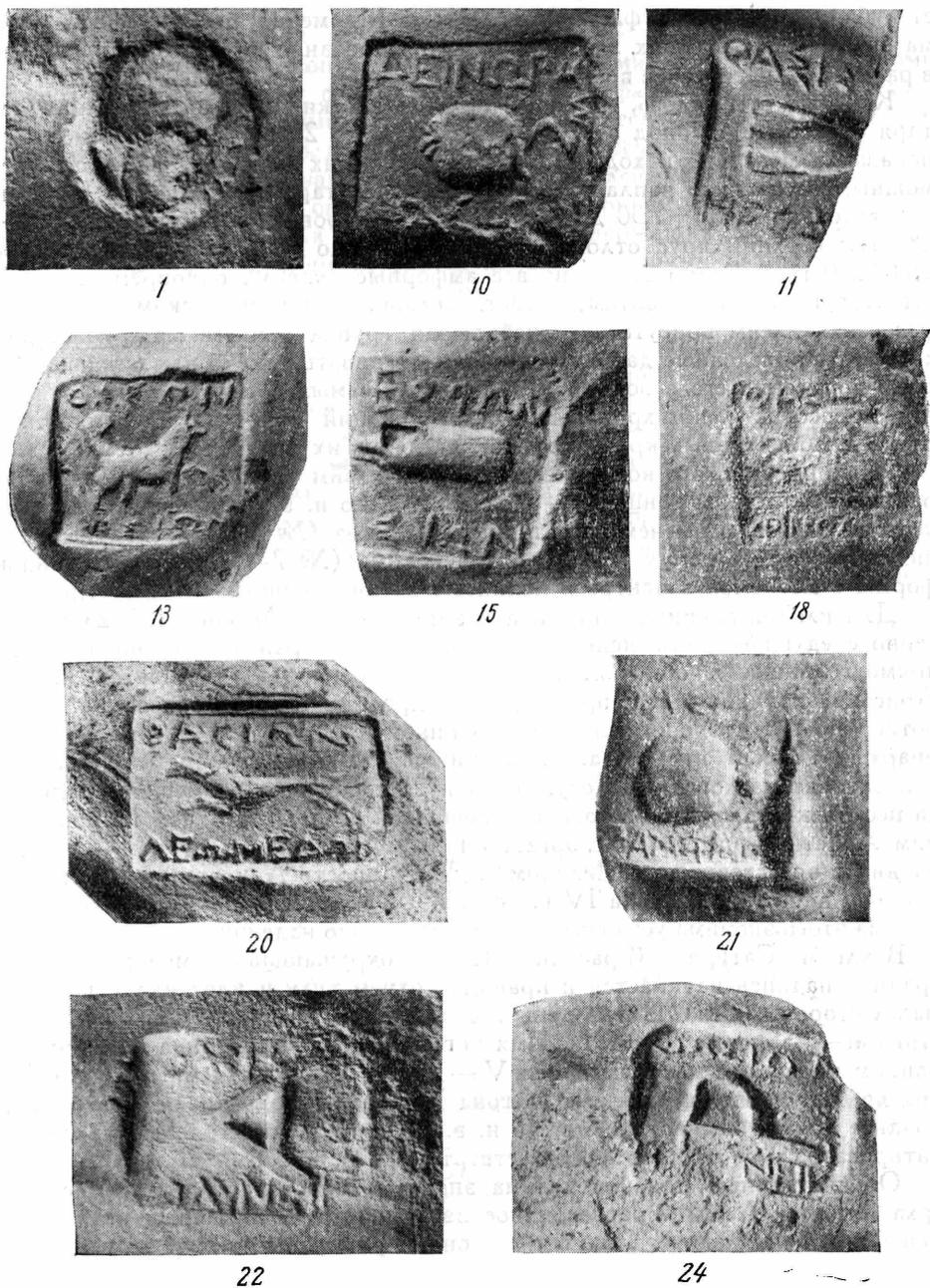

Рис. 4. Мирмекий. Фасосские клейма

клеймо В. Грейс датирует концом V — началом IV в. до н. э.¹⁷ Ту же дату мы вправе распространить и на мирмекийское клеймо.

Перейдем к мирмекийским клеймам последующего периода, хронология которого еще не вполне выяснена. Основные типологические признаки этих клейм: 1) среднее поле клейма занимает эмблема; 2) надпись в две строки

¹⁷ V. Gase. Рух, стр. 131, табл. 54, 21.

идет вдоль противоположных сторон прямоугольника; 3) кроме этника, в ней фигурирует только имя эргастериарха.

В мирмекийском зольнике клейм такого типа найдено 25, на пяти из них имена восстановить не удалось, поэтому они здесь не рассматриваются.

Изучение этой группы начнем с клейм, найденных в нижних ярусах зольного алтаря (от +7,30 до +8,40 м). Таковы клейма эргастериархов Алкида (№ 7), Аристотеля (№ 8), Аристофона (№ 9), Геродота (№ 11), Фасона (№ 12, 13), Исодика (№ 14), Клеофона (№ 15—17), Леомеда (№ 20). Напомним, что формирование нижнего яруса зольного алтаря происходило в 320—280 гг.; следовательно, верхняя хронологическая граница этого яруса, т. е. 280-е годы, является для клейм этой группы *terminus ante quem*. Путем привлечения данных археологических комплексов, в которых были обнаружены фрагменты клейменных фасосских амфор, оказывается возможным уточнить дату ряда фасосских клейм из Мирмекия. Несколько таких комплексов найдено недавно на Фасосе¹⁸. Среди них существенный интерес представляет прежде всего группа клейм из слоя конца IV в. до н. э.¹⁹ Эти клейма идентичны по своей композиционной схеме мирмекийским фасосским клеймам рассматриваемой группы, и, что особенно важно, ряд клейм содержит уже знакомые нам имена — Фасон, Исодик, Клеофон²⁰. Таким образом, устанавливается бесспорная принадлежность еще к концу IV в. до н. э. мирмекийского клейма с именем эргастериарха Исодика (№ 14); тем же временем надлежит датировать имеющиеся в нашей коллекции клейма эргастериархов Фасона (№ 11, 12) и Клеофона (№ 15—17), причем по времени клейма Исодика и Клеофона, вероятно, предшествуют клеймам Фасона²¹.

К концу IV в. до н. э. относится и клеймо Геродота (№ 11). Этот вывод подтверждает находка на Фасосе аналогичного клейма в слое последней четверти IV в. до н. э.²²

Для клейм с именами Алкида (№ 7) и Леомеда (№ 20) единственным датировочным показателем является то, что эти клейма найдены в самых нижних горизонтах зольного алтаря. Следовательно, они никак не могут быть позднее конца IV в. до н. э.²³

Аналогичное клейму № 9 клеймо эргастериарха Аристофона найдено на Фасосе в слое конца IV—начала III в.²⁴ Вероятнее всего, этим временем следует датировать два мирмекийских клейма: одно — с именем Аристофона (№ 9), второе — эргастериарха Аристотеля (№ 8), чрезвычайно сходное по расположению надписи с первым. Попутно отметим, что клейма

¹⁸ J. Garlan. Contribution à une étude stratigraphique de l'enceinte thasienne. BCH, XC, 1966, II, стр. 586 и сл.

¹⁹ При датировке слоев, в которых находились ручки фасосских амфор с клеймами, И. Гарлян использует показания сопутствовавшего археологического материала, главным образом, фрагментов античной чернолаковой керамики, подкрепляя свои выводы анализом стратиграфии напластований.

²⁰ Там же, стр. 592, 593, приложение I, $\theta\acute{\alpha}\sigma\omega\nu$ —24, 25; $\iota\sigma\acute{o}\delta\iota\kappa\omicron\varsigma$ 26; $\kappa\lambda\epsilon\omicron\varphi\omega\nu$ —27.

²¹ Клейма Исодика и Клеофона имеются также в комплексе амфорных клейм, найденных на Фасосе при раскопках к востоку от агоры — в слое, содержащем обломки аттической чернолаковой керамики второй половины IV в. до н. э. (там же, стр. 595, прим. 1). Клеймо Клеофона, аналогичное нашему 15, найдено на афинской агоре в цистерне, заполнение которой произошло в конце IV в. до н. э. (там же, стр. 593). Кроме того, зарегистрированы находки клейм Клеофона в руинах афинской городской стены конца IV в. до н. э. и в Смирне — в комплексе примерно третьей четверти IV в. до н. э. (V. Grase. Рлух, стр. 137, 57).

²² J. Garlan. Указ. соч., приложение I, 23.

²³ В клейме Леомеда этникон написан через лунарную сигму. Однако присутствие в надписи лунарной сигмы не должно рассматриваться в качестве позднего датировочного признака. Как известно, уже в древнегреческих надписях конца V в. до н. э. встречается лунарная сигма (см.: А.-М. Bonet A. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos. Etudes thasiennes, IV, 1957, стр. 40; в дальнейшем цитируется: Bon, с указанием номера соответствующего клейма).

²⁴ Там же, приложение II, 29.

Аристотеля и Аристофона выделяются среди всех клейм рассматриваемой группы по одному признаку — буквы обеих строк обращены своими основаниями к центральному полю клейма.

Перейдем к клеймам из второго стратиграфического яруса зольного алтаря (от +8,40 до +10,20 м), относящегося примерно к 280—230 гг. В этом случае встречены клейма эргастериархов Айнея, Дейнопы, Криномена, Памфая, Полинейка. Однако сличение этих клейм с клеймами привлекавшихся комплексов Фасоса показывает, что клейма, заключающие имена Дейнопы (№ 10), Криномена (№ 18, 19), Памфая (№ 21), Полинейка (№ 22—24), относятся ко времени не позднее конца IV в.²⁵, причем клейма Дейнопы, Криномена и Полинейка выделяются как более ранние, по-видимому, их следует датировать еще последней четвертью IV в.²⁶

Более поздние в этой группе — клейма Айнея (№ 5, 6); они находят аналогии в фасосском комплексе клейм конца IV — начала III в.²⁷

К каким же результатам приводит изучение группы фасосских клейм из раскопок мирмекийского зольного алтаря? Как уже отмечалось, В. Грейс предположила, что клеймение амфор прямоугольными штемпелями с эмблемой в центральном поле и надписью, состоящей из одного имени и этника, идущих в две строки вдоль противоположных сторон четырехугольника, началось на Фасосе после 340 г. до н. э., причем указанное изменение в фасосском клеймени она связывает с теми изменениями политического и экономического характера, которые последовали после завоевания острова Филиппом Македонским. Эти выводы В. Грейс, построенные на исторических свидетельствах, теперь получают подтверждение на археологическом материале. Основываясь на хронологических показаниях мирмекийского зольного алтаря, надлежит заключить, что рассмотренный тип фасосского клейма возник до 320 г. до н. э. Чрезвычайно важно и другое. Мирмекийские клейма позволяют выделить 13 эргастериархов, деятельность которых охватывала последнюю четверть IV — начала III в. до н. э.

СПИСОК ФАСОССКИХ КЛЕЙМ ИЗ МИРМЕКИЯ²⁸

1	M/59—944	Σάτυρος	гроздь ←
	+ 9,27	голова сатира	см.: Вон, 955
	рис. 4	в профиль вправо	
		см.: Вон, 2130	
2	M/62—121	[Ἀρ]ισ [τείδης]	5 M/59—991
	+ 9.10	треножник ←	+ 8.87
		[Θα/σί(·ν)Λ] εὐχ [ω/ν]	Θασίω [ν]
		см.: Вон, 299.	герма ←
			[Αἰν]έας
			см.: Вон, 100
3	M/64—607	Ἀρι [στοκράτης]	6 M/58—972
	+ 8,05	палица ←	+ 8,63
		Πυ [λάδης]	Θασίων
		см.: Вон, 341	сосуд ←
			Αἰνέας
			см.: Вон, 104
4	M/59—661	Θρα [σωνί(δης) Θασ[ί]](ν)	7 M/62—578
	+ 8,83	Σάτυ(ρος)	+ 7,45
			Θασίων
			сосуд ←
			Ἀλκείδης
			см.: Вон, 167

²⁵ J. Carlan. Указ. соч., стр. 593, 595, приложение I, Δευνόλαξ —13—19; Κρινομένης —37—38; Παμφάης Πολυνεΐκης 48—55.

²⁶ Там же, стр. 595, прим. 1. — Обломок верхней части фасосской амфоры, на ручке которой оттиснуто клеймо с именем Дейнопы, было найдено при раскопках афинской агоры в засыпи цистерны конца IV в. до н. э. см.: Вон, стр. 179, 594.

²⁷ J. Carlan. Указ. соч., стр. 594, приложение II, 63. Клейма Айнея с эмблемой в виде украшенного тирса и второе клеймо того же эргастериарха с неясной эмблемой найдены в Коринфе, в комплексе 310—280 гг. до н. э., см.: H. R. Robinson. Excavation at Corinth, 1960; Hesperia, XXXI, 1962, № 2, стр. 117 и сл.

²⁸ После порядкового номера указаны инвентарный номер каждого клейма и урвенная отметка, на которой клеймо найдено.

- 8 M/62—731 [Θα]σί[ων]
+ 7,60 шлем ←
Ἄριστο [τέλης]
см.: Вон, 368
- 9 M/62—713 [Θα]σίων
+ 7,55 плуг ←
Ἄρι [στοφῶν]
см.: Вон, 415
- 10 M/60—732 Δεινόπα|ς
+ 9,04 гранат ←
рис. 4 [Θ]ασίων
см.: Вон, 571
- 11 M/60—390 Θασίω[ν]
+ 8,45 амфора ←
рис. 4 Ἡρόδ[отος]
см.: Вон, 727
- 12 M/64—992 Θασίω
+ 8,26 молния ↔
Θάσω
см.: Вон, 787
- 13 M/63—313 Θάσω
+ 8,30 собака, идущая
рис. 4 вправо ↑
Θασίων
см.: Вон, 781
- 14 M/66—444 Θασίων
+ 7,30 курильница ←
Ἰσίδιχος
- 15 M/59—1294 [Κ]λεοφῶν
+ 8,43 алабастр ←
рис. 4 [Θα]σίω
см.: Вон, 986
- 16 M/64—597 Θασίων
+ 8,25 птица влево ↑
[Κλ]εοφῶ(ν)
см.: Вон, 970
- 17 M/62—19 [Κλε]οφῶν
+ 7,95 украшенный тирс ←
[Θασι]ών
см.: Вон, 980
- 18 M/62—462 Θασίων
+ 8,50 гранат ←
рис. 4 Κρινομέν[ης]
см.: Вон, 1042
- 19 M/59—1276 [Θ]ασίων
+ 8,83 двойной топор ←
[Κριν]ομέ[νης]
см.: Вон, 1038
- 20 M/65—466 Θασίων
+ 7,83 собака, бегущая
рис. 4 влево ↑
Λεομέδων
- 21 M/59—1275 Θασίω[ν]
+ 8,83 гранат ←
рис. 4 Παμφάη[ς]
- 22 M/59—578 Θασίω[ν]
+ 9,33 буква Α ←
рис. 4 Πολυνείκ[ης]
см.: Вон, 1354
- 23 M/59—138 [Θα]σίω
10,03 лигатура Ε и Υ ←
[Πολυ]νείκ[ης]
см.: Вон, 1361
- 24 M/64—358 Θασίων
+ 7,94 буква Ρ ←
рис. 4 Πολυνείκ[ης]
см.: Вон, 1375

М. А. ТИХАНОВА

О НАХОДКЕ РИМСКОГО ОРУЖИЯ
НА ЮЖНОЙ ВОЛЫНИ

В 1961 г. при раскопках поселения у с. Лепесовка Белогорского р-на Хмельницкой обл. УССР в культурном слое на глубине 0,35 м над остатками какого-то сооружения, сохранившегося в виде глиняной вымостки, было найдено изделие из кости. По первому впечатлению оно представляло собой плоскую округлую полую «коробочку» со срезанными сегментами и одним сквозным отверстием, на которой сохранились следы ржавчины; размеры «коробочки» 5,8 × 5,1 × 1,1 см.

Как показало дальнейшее изучение предмета, это был наконечник ножен римского меча коробочковидного типа (*dosenförmig*), находка совершенно уникальная для наших территорий¹. Сделан наконечник из рога благородного оленя²; сохранился он в дефектном состоянии, часть его обломана (рис. 5).

Наконечники ножен мечей такой коробочковидной формы известны уже на надгробных стелах римских воинов II в. н. э. в Паппонии и Норике. Они принадлежат длинным римским двулезвийным мечам типа *spatha*. Появление таких наконечников в виде изделий из металла — железа, реже бронзы и серебра, а также из слоновой кости относится всеми исследователями к концу II и началу III в.; в употреблении же они находились и в первой половине III в. Как предполагают, наконечники эти изготовлялись в мастерских западных провинций империи. За рубежами империи они могли появиться только в середине — второй половине III в. в условиях разгрома германцами римской пограничной линии (*limes*), в 50-х годах III в. (256—260)³. Почти все до сих пор известные их экземпляры, к тому же немногочисленные, происходят из находок на территории римских лагерей⁴. За пределами империи они известны в болотных «кладах» Дании, в частности в *Vimose*⁵, где встречаются и их местные подражания.

¹ Определение это было дано проф. Иоахимом Вернером (Мюнхен) во время пребывания его в Ленинграде в мае-июне 1963 г.

² Определение Н. М. Ермоловой.

³ См.: Н. Hundt. Die spätromischen eisernen Dosenortbändern. Saalburg — Jahrbuch, XII, S. 66—79; он же. Nachträge zu den römischen Ringknaufschwertern, Dosenortbändern und Miniatürschwertanhängern. Saalburg — Jahrbuch; XIV, 1955, S. 50—59. K. Raddatz. Anhänger in Form von Ringknaufschwertern. Saalburg — Jahrbuch, XII, 1953, S. 60—65. Berta Stjernquist. Simris on cultural connections of Scania in the Roman Iron age. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4° № 2. Lund, 1955, p. 114, 115; J. Brondsted. Nordische Vorzeit. Bd. III. Eisenzeit in Dänemark, Neumünster, 1963, S. 257 и др.

⁴ См. вышеуказанные работы: Н. J. Hundt, K. Raddatz и Stjernquist, а также W. Holmquist. Tauschierte Metallarbeiten des Nordens aus Römerzeit und Völkerwanderung. Stockholm, 1951, S. 18—35.

⁵ C. Engelhardt. Vimose-fundet Kjobenhavn. 1869, табл. IX, X.

Коробочковидные наконечники ножен мечей, сделанные из кости (слоновой или простой), были найдены всего в восьми пунктах — в Майнце и его окрестностях. Хеддерихейме, Вельсе (древняя Обилава), Карнунте, Цугмантеле, Вимосе и Дура-Европос (на Евфрате) (см. таблицу). Среди них ближайшими аналогиями обнаруженному в Лепесовке наконечнику по

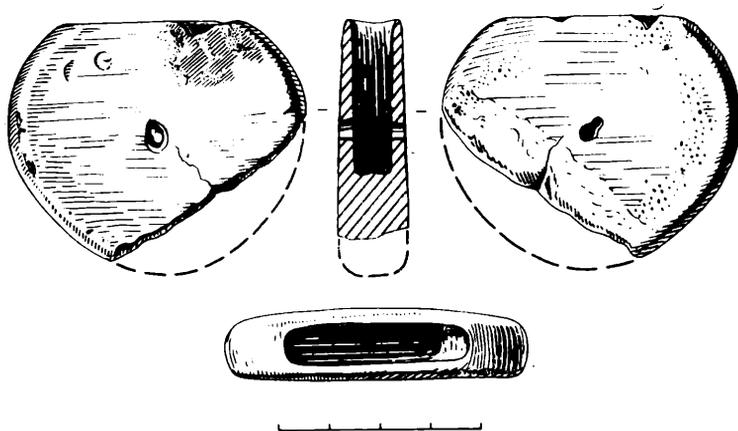

Рис. 5. Наконечник ножен римского меча

форме, хотя и больших размеров, является наконечник, хранящийся в музее г. Велоса, на Дунае, сделанный из кости (рога? М. Т.) (табл. 5)⁶, а также наконечник из Карнунта, равный лепесовскому и по размерам (табл. 6); несколько более отдаленными аналогиями являются наконечники, найденные в Майнце и Хеддерихейме (табл. 1—3).

Находки коробочковидных наконечников ножен мечей такой формы, сделанных из кости, даже слоновой, достаточно редки и в самих пограничных лагерях⁷. Тем большую редкость представляет такая находка на столь отдаленной от границ империи территории, как Южная Волянь. Однако нет сомнения, что наш экземпляр был в употреблении по своему прямому назначению — об этом говорят следы железной ржавчины на его наружной и внутренней поверхностях, не говоря уже об его форме и всех его деталях. Где именно был сделан найденный в Лепесовке наконечник, остается неизвестным. Попал он сюда, надо думать, с каким-нибудь возвращавшимся из далекого похода воином. Отметим, что если в самой Лепесовке был найден только обломок двулезвийного меча, то недалеко от Лепесовки, в погребении у с. Громовка Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл., был положен меч, украшенный, несомненно, римским изображением бога войны Марса и легионарным знаком, датируемый временем не позже самого конца II в. или рубежа II—III вв. н. э.⁸ Меч этот — скорее всего военный тро-

⁶ Не опубликован. Известен мне по схематическому рисунку, любезно присланному проф. И. Вернером. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность проф. Вернеру как за помощь при определении данного предмета, так и за постоянные консультации при исследовании материалов Лепесовки.

⁷ В Скандинавии — Швеции, Норвегии, на Готланде костяные наконечники неизвестные вовсе — все они из бронзы (см.: В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114).

⁸ См.: J. Piaskowski. Niektóre dziwne miecze rzymskie na ziemiach Polski. ZOW, XXXI, 1965, z. I, str. 38, 39, рис. 3 на стр. 38; он же. Rozwój met aloznawczych dawań dawnych przedmiotów żelaznych w Polsce i ich zastosowanie w archeologii. «Archeologia Polski», t. 10, 1966, z. 2, str. 729, рис. 6. Ср. совершенно аналогичную находку в Англии (South Shield) (см. H. I. Pleinerleith. The Conservation of Antiquities and Works of Art: Treatment, repair and restoration. London — New York — Toronto, 1957, p. 283, pl. 46), a

Место находки	Условия находки	Материал	Форма
Майнц ¹⁾ , римский лагерь	В культурном слое римских построек III в.	Слоновая кость	С выпуклой наружной частью и тремя отверстиями
Майнц	Условия находки неизвестны	Слоновая (?) кость	Плоский, украшен двумя небольшими concentрическими кружками в центре
Хеддерихейм, римский лагерь	То же	Кость (или рог?)	Плоский с одним отверстием
Цугмантель, римский лагерь	То же	То же	Плоский
Велье (древняя Обилава), римский лагерь	То же	То же	Плоский с одним отверстием и бронзовой накладкой
Карнунт, римский город	В культурном слое на участке E	Слоновая кость	Плоский с одним отверстием
Дура-Европос на Евфрате	В постройке III в. на мече	Кость (или рог?)	Плоский
Вимосе ²⁾	Болотный клад	Слоновая кость	Плоский с бронзовыми накладками
Вимосе	То же	То же	То же
Вимосе	То же	Кость (или рог?)	Плоский орнаментированный
Лепесовка	На Поселении черняховской культуры	Рог благородного оленя	Плоский с одним отверстием

Примечания:

¹⁾ За сообщение сведений о наконечниках ножен меча из Майнца и Хеддерихейма, а также за присылку их фотографий приношу проф. Г. Клаумбаху большую благодарность.

фей, попавший в руки погребенного, как об этом свидетельствует весь остальной погребальный инвентарь, не ранее середины — второй половины III в. н. э. ⁹⁾

также недавнюю находку меча с изображением Виктории и Марса на мече в погребении III в Подлодове на р. Гучве (Польша) (Jan Gurbai Zygmunt Słusarski. Bogato wyposażony grób z III wieku z Podłodowa w pow. Tomaszowsko-Lubeckim. «Przegląd archeologiczny», t. XVII, Rocznik 39/40, 1964—1965. Wrocław, 1966, стр. 202, рис. 2).

⁹⁾ См.: О. О с с о в с к и. Wykopalini z kurhanu w Hromówce (Powiat Starokonstantynowski). «Wiad. numizm.—archeol.», I, 1892, str. 185—196.

ножен мечей из кости и рога

Размеры	Место хранения	Литература
3,5 × 8,3 см	Майнц. Римско-Германский Центральный Музей, инв. № 21935. В настоящее время утерян	Behrens. Ausgrabung römischer Gebäude im Kastellgebiet in den Jahren 1901 und 1903. Mainzer Zeitschrift, 12, 1917, S. 66 und Abb 32, II. В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114. Дополн. сведения от проф. Г. Клумбаха.
д. 6,9 см	Майнц. Римско-Германский Центральный музей, инв. № 21934. В настоящее время утерян	В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114. Дополн. сведения от проф. Г. Клумбаха.
7,4 × 7,5 см	Франкфурт-на-Майне. Музей доистории и ранней истории, инв. № 9879	В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114 со ссылкой на ORL, В, № 8, р. 181, 6, Taf. XX и 85 — в Ленинграде отсутствует.
?	?	
8,2 × 6,7 см	г. Вельс. Музей, инв. № 618	Не опубликован. Сообщение и рис. проф. И. Вернера.
5,7 × 5,1 см высота 1,2 см	?	Der Römische Limes in Oesterreich, 1908, VIII, S. 47—48. Abb. 26, 5. M., v. Groller Übersicht der im Jahre 1905 ausgeführten Grabungen. В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114.
д. 7,5 см	?	The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of Sixth Session of Work October 1932 — March 1933. Edited by M. Y. Rostovtzeff, A. R. Bellinger, C. Hopkins and C. B. Welles. New Haven, 1936, p. 82—83, pl. XXVI, 2; В. Stjernquist. Указ. соч., стр. 114.
д. 7,5 см	Копенгаген. Национальный музей	C. Engelhardt Fynske Mosefund II. Vimosefundet, Kjobenhavn, 1869, табл. IX, 84
д. 7,5 см	Копенгаген. Национальный музей	C. Engelhardt. Указ. соч., табл. IX, 85
длина 7,2 см	Копенгаген. Национальный музей	C. Engelhardt. Указ. соч., табл. IX, 86
5,8 × 5,1 вы- сота 1,1 см	Государственный Эрмитаж, инв. ДВ-61 Леп. 130	Не опубликован; упоминание — М. А. Тиханова. Раскопки поселения у с. Лепесовка. Сб. «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 210

² Среди 150 наконечников ножен мечей из Вимосе до 40 коробочковидных, часть которых (около 20) из кости, среди них, видимо, есть и местного изготовления. См.: В. Stjernquist. Указ. соч., а также сообщения проф. И. Вернера. К сожалению, при написании настоящей заметки мне были недоступны статья К. Радаца (K. Radatz. Ringknaufschwerter aus germanischen Kriegsgräbern. Offa, 17/18, 1959/1961. Neumünster, 1961, S. 26—35), в которой говорится о вероятности более раннего (во время маркоманских войн) попадания римских мечей, в том числе и с коробочковидными наконечниками ножен, на территорию «Вольной Германии», а также статья проф. И. Вернера (J. Wegert. Spätromische Schwertortbändern vom Typ Gudremmingen. «Baye-rische Vorgeschichtsblätter». Jahrgang 31, H. 1/. München, 1966, S. 137).

И. Б. ЗЕЕСТ

АРХАИЧЕСКАЯ ИМПОРТНАЯ ЧЕРЕПИЦА ПАНТИКАПЕЯ

В строительном деле Пантикапея черепица использовалась на протяжении почти всего периода жизни города.

В архаический период потребность в черепице была незначительной, так как только некоторые наиболее богатые здания покрывались ею. Остальная часть жилых домов того времени представляла собою весьма примитивные небольшие постройки, часть которых, вероятно, не имела черепичных крыш. Поэтому остатки архаической черепицы встречаются в Пантикапее крайне редко.

Черепица VI—V вв. до н. э. известна в небольшом количестве, мало изучена, в основном поступала из разных греческих городов Средиземноморья и Южного Причерноморья. Лишь в конце V в. до н. э. в Пантикапее развивается собственное производство черепицы, о чем свидетельствуют единичные находки, в том числе находка формы для изготовления антефиксов, сделанной из красной пантикапейской глины¹.

Следует упомянуть о находке обломка антефикса с изображением Гелиоса, производство которого И. Д. Марченко предположительно связывает с Самосом².

Новые данные о ввозе в Пантикапей средиземноморской строительной керамики в VI—V вв. до н. э. дают находки коринфской черепицы, обломки которой неоднократно встречались в раскопках этого города.

Коринфская черепица сделана из светлой желтоватой или зеленоватой очень тонкой пластичной глины, которая содержит большое количество отщущающей примеси: крупных частиц песка и шамота. Такими же свойствами глины отличаются и другие крупные керамические изделия этого центра, в том числе декоративные расписные архитектурные терракоты Коринфа, хорошо известные в Средиземноморье.

Светлая глина коринфской черепицы придавала ей сходство с мраморной и могла служить заменой этого дорогого строительного материала. Сходство с мраморной черепицей достигалось и покрытием тонким слоем жидкой глины с хорошо сглаженной, почти зеркальной поверхностью.

Плоская коринфская черепица архаического времени отличается очень большими размерами и значительной толщиной плиты.

Найденные в Пантикапее обломки принадлежат черепице разного назначения: это обломки плоской черепицы, торцовой и калиптеров. Их светлая глина насыщена грубыми включениями и характерна для простой и толстостенной керамики Коринфа.

¹ Н. П. Сорокина. Архитектурная терракота из Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 173, рис. 3.

² И. Д. Марченко. Античные антефиксы из Пантикапея. АИБ. Симферополь, 1962, стр. 173, 174, рис. 3.

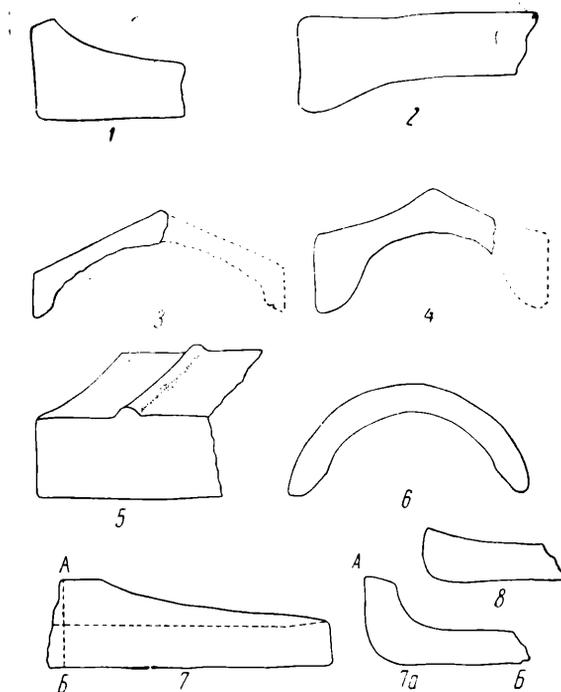

Рис. 6. Импортная черепица из раскопок Пантикапея

1—5 — коринфская: 1 — плоская, 2 — торцовая, 3—4 — калиптеры, 5 — часть калиптера с валиком; 6—8 — южнопричерноморская: 6 — калиптер, 7, 7а — угол плоской черепицы со скошенным бортиком; 8 — край плоской черепицы

Среди этих находок имеется часть плоской черепицы с продольным бортиком (рис. 6), найденная в смешанном слое³.

Толщина плиты равна 4 см, что значительно превышает толщину боспорской черепицы, толщина которой не превышает 2—2,5 см.

Наружная боковая сторона бортика образует вертикальную плоскость, высота которой достигает 6,5 см. Противоположная сторона бортика образует вогнутую поверхность и постепенно сливается с поверхностью плиты. Верхняя часть бортика скошена к наружному краю и гладко залощена, а ее ширина не превышает 1,5 см.

В отличие от хорошо сглаженной лицевой поверхности черепицы ее нижняя сторона обработана грубо и не имеет облицовки

Обломок торцовой черепицы (рис. 6, 2) имеет утолщенный передний край и выдается книзу. Вертикальная плоскость этого края составляет фронтальную часть черепицы высотой 6,5 см. Толщина плиты равна 4 см. Наружные части черепицы хорошо сглажены. Нижняя поверхность шероховатая и грубо обработана. Особенности глины соответствуют коринфским образцам. Обломок найден в слое VI—V вв. до н. э.⁴

Аналогичную форму фронтальной части имеет черепица, найденная в Олимпии, торцовая поверхность которой украшена расписным орнаментом. На стыке двух смежных черепиц укладывали крайний калиптер с антефиксом⁵.

³ ГМИИ, М 53, ВМ XVIII/2с (76), № 703.

⁴ ГМИИ, М 56, НЭ IV/10, № 3402.

⁵ J. D u r m. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 199, рис. 173.

Черепица аналогичного устройства, но высеченная из мрамора, известна на Коркире⁶. Она относится ко времени ремонта храма Артемиды, производившегося в конце VI — начале V в. до н. э.

Коркирская черепица дает полное представление о форме и размере крайней черепицы. Длина ее равна 81,5 см, ширина 59,4 см. Толщина плиты 5 см. Высота скошенной торцовой части достигает 10 см.

Среди других находок из раскопок Пантикапея имеются три обломка калиптеров, сделанных из такой же светлой зеленоватой глины с характерными грубыми включениями, как и описанные выше части плоской черепицы. Все они найдены в поздних смешанных слоях⁷.

Обнаруженные обломки принадлежат к типу двускатных калиптеров, форма которых известна среди образцов архаической коринфской черепицы по находкам в Олимпии и других местах. Эта же форма продолжала существовать в Коринфе и в более позднее время. Поэтому можно датировать найденные в Пантикапее двускатные калиптеры от VI в. до IV в. до н. э.

Один из найденных обломков калиптера (рис. 6, 3) имеет широкие пологие и очень низкие боковые вертикальные стенки. Общая высота калиптера равна 7 см при наибольшей ширине его 17 см. Наружная поверхность калиптера покрыта обмазкой с гладкой поверхностью, напоминающей лощение. Два других обломка калиптеров существенно отличаются от первого своими пропорциями.

Форма этих калиптеров сравнительно узкая и высокая (рис. 6, 4). Наибольшая высота равна 8 см, высота боковых стенок 5 см при ширине 16 см. На одном из этих обломков сохранился валик, проходящий по скосу (рис. 6, 5). Конец калиптера, отделенный валиком, имеет одинаковую высоту с основной частью черепицы в отличие от двускатных калиптеров «пергамского» типа, у которых муфта всегда уже основного корпуса. Обращает внимание массивность боковых вертикальных стенок при тонкой стенке верхних скосов. На поверхности калиптеров местами сохранилась светлая обмазка высокого качества с очень гладкой поверхностью.

Одновременно с импортом черепицы из Средиземноморья некоторое количество строительных материалов привозили из городов Южного Причерноморья. Засвидетельствован ввоз синопской черепицы в Пантикапей в VI—V вв. до н. э. находками антефиксов синопского производства. Четыре антефикса, аналогичных по размерам и типу, с изображением головы Горгонны, были найдены в разное время в Керчи⁸.

В связи с этими находками нужно учесть и синопские архитектурные терракоты V в. до н. э., которые были найдены в Нимфее⁹.

Новые находки дают основание считать, что в архаический период в Пантикапей привозили черепицу не только из Синоп, но и еще из одного центра Южного Причерноморья, который предположительно можно связать с Амисом.

Несколько обломков было обнаружено на полу помещений архаических домов, открытых в Пантикапее¹⁰. Обломок черепицы того же типа был найден в Гермонассе в слое позднего VI в. до н. э. Таким образом, дата этих находок определяется достаточно точно — VI—V вв. до н. э.

Среди найденных остатков этой черепицы имеются обломки калиптеров и плоской черепицы. Все калиптеры имеют в разрезе полусферическую фор-

⁶ G. Rodenwaldt. *Korkyra*. Bd I. Berlin, 1940, рис. 27.

⁷ ГМИИ, М 61, НЭ (из выкида); М 47, Б IX/7, № 2233; ГМИИ, М 47, Б VIII/14, № 554.

⁸ Н. П. Сорокина. *Античная архитектурная терракота*. 1953 г. (канд. дис.) Архив ИА Н. Архив. 1130.

⁹ М. М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, стр. 27, табл. 23, 1.

¹⁰ ГМИИ, М 61, НЭ, Дом № 10, оп. 9; М 52, ВМ, Дом «Коя», пом. 1/19, № 927, инв. М 519.

му и принадлежат к широко распространенному типу «круглых» калиптеров с несколько расширенным нижним концом, накрывавшим верхний конец нижележащего калиптера.

В раскопках найдены два нижних края таких калиптеров шириной 16 см, высотой 7 см. Поверхность калиптеров гладкая и покрыта темно-бурой тусклой краской. Снизу свод калиптера шероховатый и покрыт песчаной подсыпкой. Края с внутренней стороны слегка скошены, и поверхность скосов залощена. Толщина стенок достигает 1,6—1,7 см (рис. 6, 6).

Глина, из которой сделаны эти калиптеры, напоминает гераклейскую оранжеватую глину по обилию примеси мелкого кварцевого песка, по несколько рыхлой консистенции и по красно-коричневому цвету. Но в отличие от гераклейской глина этих калиптеров содержит значительно больше крупных золотистых блесток слюды.

Из такой же глины сделана и плоская черепица, поверхность которой тоже покрыта бурой, почти черной тусклой краской. Обратная сторона плоской черепицы, как и калиптеров, покрыта песчаной подсыпкой, препятствовавшей сползанию черепицы, уложенной на покатой кровле.

О форме плоской черепицы этого типа дает представление обломок, найденный на полу архаического дома 10. Это обломок правого верхнего угла (согласно расположению черепицы на кровле) с частью бортика (рис. 6, 7, 7а). Толщина плиты 2 см, у края — 2,5 см. Общая высота боковой плоскости черепицы достигает 5,5 см. Конец бортика плавно срезан почти до уровня поверхности плиты в длину на 15 см. Нижняя боковая часть плиты слегка округлена. Судя по устройству срезов борта, можно с уверенностью сказать, что несохранившийся нижний конец плоской черепицы, налегавший на скосы, имел сильно округленную поверхность нижних боковых частей.

По своим конструктивным особенностям плоская черепица и калиптеры интересующей нас группы относятся к тому же типу, к которому принадлежит синопская и гераклейская черепица, известная по образцам эллинистического времени, а также черепицы Херсонеса и Колхиды, формы которых появились под воздействием образцов черепицы Южного Причерноморья¹¹.

Черепица такого типа укладывалась путем простого наложения одна на другую и при таком устройстве обычно применялась песчаная подсыпка, имеющаяся у гераклейской, синопской и у пантикапейской группы черепиц. Общий тип южнопричерноморской черепицы существенно отличается от черепицы, имевшей специальные конструктивные приспособления для соединения верхней черепицы с нижней, изготовлявшейся в Коринфе, в некоторых центрах Адриатики, в Афинах, Пергаме, Приене и многих других городах Средиземноморья и Причерноморья.

Знакомство с новыми группами импортной черепицы позволило несколько расширить имеющиеся у нас сведения о ввозе товаров в Пантикапей в VI—V вв. до н. э. О поступлении импорта из Коринфа до последнего времени можно было судить главным образом на основании находок расписной керамики этого центра, ввоз которой на Боспор был нерегулярным и сравнительно небольшим. В раскопках последних лет были обнаружены новые находки коринфских керамических изделий VI—IV вв. до н. э.: глиняный алтарь¹², коринфское клейменое конусовидное грузило¹³, обломки ко-

¹¹ В. В. Борисова. Строительные керамические материалы. Херсонес. САИ, вып. Г 1—20, 1966, стр. 46; О. Д. Лордкипанидзе. Античный мир и древняя Колхида, стр. 172, табл. XXVII.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 80, 81, рис. 99.

¹³ Об этой находке сообщил В. Ф. Гайдукевич в докладе на пленарном заседании ИА АН СССР в 1961 г.

ринфских амфор¹⁴ и лутериев¹⁵. К этим новым материалам можно присоединить и находки коринфской черепицы.

Вторая группа архаической черепицы по ряду признаков является продукцией одного из центров Южного Причерноморья. По своему устройству она полностью совпадает с типом черепицы, широко распространенным в этом районе античного мира. Мы не располагаем достаточными данными для более точной локализации центра, в котором изготовлялась эта черепица, но предположительно связываем его с Амисом, где надежно засвидетельствовано производство архитектурной терракоты и черепицы¹⁶.

Выделение этой группы архаической черепицы несколько дополняет имеющиеся скудные сведения об экономических связях Боспора с Южным Причерноморьем в архаический период.

---

¹⁴ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 71, табл. I, 5а, б.

¹⁵ И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 153, рис. 5.

¹⁶ М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, 1956, стр. 56—65.

Е. Г. КАСТАНАЯ

СТЕННАЯ РОСПИСЬ СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЫ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ ПАНТИКАПЕЯ
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В настоящей статье предлагается реконструкция росписи стен боспорской загородной усадьбы III — первой половины I в. до н. э., раскопанной Боспорской археологической экспедицией в 1955 г.¹ Материалом для реконструкции послужили фрагменты штукатурки, однотонной и расписной, найденные при раскопках двух комнат усадьбы. Материал этот, однако, настолько фрагментарный, что дать на основании его сколько-нибудь полную картину росписи хотя бы одной из стен не представляется возможным. Можно восстановить лишь характер росписи отдельных частей стен, что мы и пытаемся сделать в данной статье.

Штукатурка найдена в комнате Г (возле стены 4, на вымостке) и в комнате И (здесь куски штукатурки были разбросаны по всему полу; следовательно, фрагменты могли принадлежать всем четырем стенам). Судя по найденным фрагментам, роспись стен обеих комнат состояла из фриза и гладких панелей, а также из подражания облицовке стен, состоящей из квадров разноцветного мрамора. Богатство стеной росписи вполне соответствовало характеру вещественного материала, найденного при раскопках усадьбы, — серии прекрасных терракот, нарядной рельефной посуде и художественно выполненным архитектурным деталям, свидетельствующим об имущественном достатке владельцев усадьбы — крупных виноделов.

При реконструкции стеной росписи двух указанных комнат усадьбы мы исходим из фрагментов штукатурки с сохранившимися на них частями росписи различных, идущих один над другим поясов, а также из аналогий, которые дают росписи различных центров античного мира.

Основной схемой стеной росписей эллинистического времени является горизонтальное членение их на отдельные зоны, которые следовали структуре стен, сложенных из камня и облицованных мрамором, яшмой и другими ценными породами. Соответственно этому роспись делится на цоколь, ортостаты, полосу горизонтальных пестрых квадров, далее следуют одноцветное поле и карниз². Схема эта варьирует в разных местах и усложняется дополнительными элементами, как-то: имитацией пластически выполненных орнаментов, окаймляющих ряды горизонтальных пестрых квадров в нижней части стен и введением архитектурных элементов в верхней их части, но основной принцип декорировки не меняется. Этому принципу сле-

¹ В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских аргастериях. СА, XXVIII, 1958, стр. 124.

² Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись Северного Причерноморья. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 256.

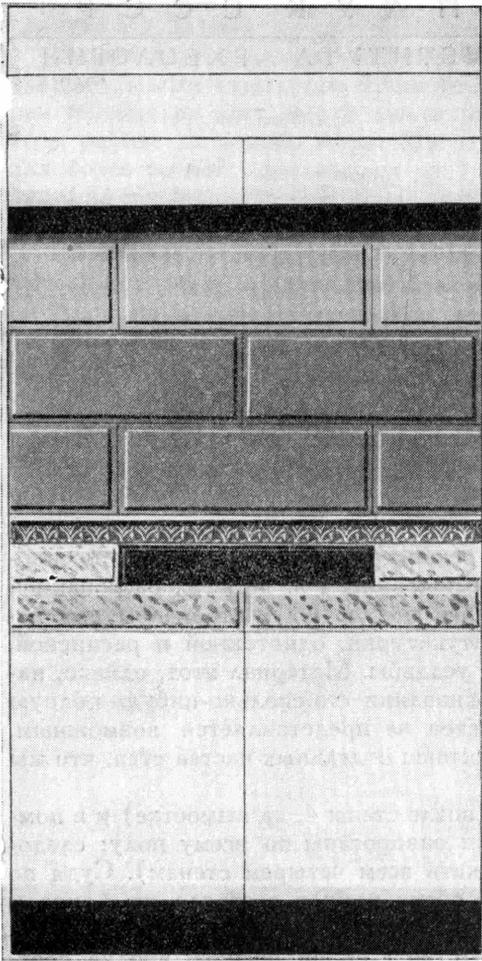

Рис. 7. Реконструкция стеной росписи комнаты И

Над ортостатами шла полоса из двух рядов мраморированных квадров, чередующихся в верхнем ряду с квадрами черного цвета. Сохранились части квадров с мраморировкой, выполненной темно-оранжевыми, голубовато-сиреневыми и красными пятнами и прожилками на белом фоне, и квадры с подобной же мраморировкой на желтом фоне. Квадры в каждом ряду окаймлены «веревочкой». Такая реконструкция полосы мраморированных квадров исходит из находок фрагментов с соответствующим чередованием частей росписи.

Выше полосы мраморированных квадров шел фриз шириной 5,5 см, представляющий собой лесбийский киматий, выполненный голубовато-белой краской, с голубой и красной подцветкой на черном фоне коричневатого оттенка. По верхнему краю этого фриза тянется черная полоска шириной 1,2 см, на которую частично заходит орнамент. Вверху эта полоса орнамента окаймлена белой полоской шириной 1,1 см.

Над полосой лесбийского киматия находилось красное блестящее поле, разделенное на квадры прочерченными в стуке полосами; о таком чередовании росписи свидетельствуют фрагменты, на которых уцелели оба ее вида.

дует и роспись на фрагментах штукатурки из двух комнат усадьбы. Трудность реконструкции их стеной живописи осложнена тем, что на стенах совершенно не сохранилось штукатуренного пространства, наличие которого позволило бы с уверенностью судить о чередовании поясов росписи. Уверенно можно говорить лишь о чередовании некоторых поясов, части которых сохранились на одних и тех же фрагментах или на фрагментах, которые удалось склеить.

Обратимся к реконструируемой нами росписи и обоснованию реконструкции, где это возможно (рис. 7)³.

Роспись комнаты И. Внизу шла полоса цоколя черного цвета, на что указывает находка в помещении массивных кусков черной штукатурки (толщина 5 см), края которых слегка вогнуты и представляют, очевидно, стык нижней части стены с полом.

Выше цоколя располагались белые блестящие ортостаты, разделенные прочерченными по сырому стуку линиями, окрашенными в розовый цвет. На то, что куски такой штукатурки принадлежат к ортостатам, указывает их количество, превосходящее количество фрагментов с росписью другого рода, а также наличие фрагментов подобных ортостат с частью черного цоколя.

³ Реконструкции выполнены художником Т. Трошкиной.

Выше красного поля шел пояс из желтых квадров, на что указывают фрагменты с росписью в виде квадров обоих цветов. Над поясом желтых квадров располагались полосы красного и черного цвета. Выше шло поле простой белой штукатурки, которое заканчивалось, по-видимому, профилированным карнизом, но от него сохранились лишь незначительные фрагменты, не позволяющие судить о форме самого карниза.

Роспись комнаты Г (рис. 8) стилистически напоминает роспись комнаты И. Имеющиеся фрагменты этой росписи позволяют дать следующую реконструкцию.

Внизу тянулся сплошной черный цоколь. Над ним шли белые ортостаты, разделенные вдавленными линиями, окрашенными в розовый цвет, аналогичные ортостатам в помещении И. Над ортостатами шел ряд ярко-желтых и коричневых квадров, над ними — полоса лесбийского киматия. О таком чередовании декоративных элементов свидетельствуют фрагменты с обоими элементами росписи. Рисунок этого фриза исполнен небрежнее, чем тот же рисунок росписи в комнате И, и напоминает в этом отношении роспись одного из пантикапейских домов на горе Митридат⁴. Орнамент нанесен голубоватыми линиями на белом фоне с

заполнением черной и красной краской. Ширина фриза 2,3 см. Он окаймлен вверху черной полоской шириной 5 см, над которой протянута белая полоска шириной 0,8—1,1 см. Выше фриза шел ряд красных квадров, над ними — полоса мраморированных квадров с нанесенными на них разноцветными мазками на белом и желтом фоне. Между красными и мраморированными квадратами тянулись две черные полосы, а между ними — белая. Над полосой мраморированных квадров помещено поле красных квадров.

На многих фрагментах росписи сохранились граффити в виде непонятных знаков, напоминающих отдельные части геометрических фигур, рисунок «елочки» и буквы, которые, однако, не поддаются чтению.

По всей вероятности, описанные пояса росписи принадлежали нижней части стены. Об этом говорит то обстоятельство, что самые верхние сохранившиеся части росписи представлены рядом горизонтально расположенных разноцветных квадров, имитирующих облицовку стен плитками ценных пород камня. Такая облицовка стен применялась в эллинистическое время обычно для нижних, более монументальных частей эллинистических зданий и вместе с тем для предохранения стен, наиболее пачкающихся и

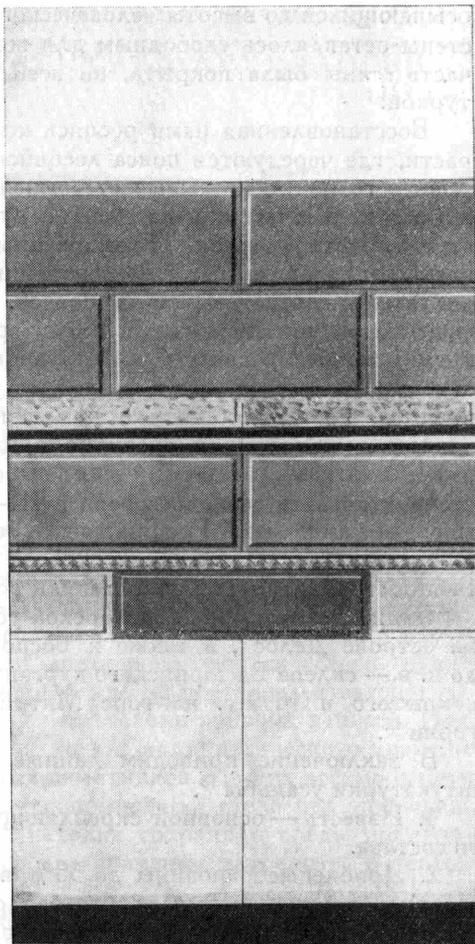

Рис. 8. Реконструкция стеной росписи комнаты Г

⁴ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. X, 2.

осыпающихся до высоты человеческого роста. К тому же часто верхнее поле стены оставалось свободным для живописи⁵. В помещении же Г верхняя часть стены была покрыта, по всей вероятности, простой белой штукатуркой.

Восстановленная нами роспись комнаты Г в средней (по высоте) своей части, где чередуются пояса лесбийского киматия и квадры желтого и коричневого цвета, не вызывает сомнений, ибо штукатурка с этими поясами лежала целым пластом на стене 4, рухнув с какой-то другой близлежащей стены. Части росписи, расположенные выше и ниже упомянутых поясов, восстанавливаются нами на основании фрагментов, сохранивших следы чередования соответствующих поясов. Роспись, к которой относятся эти фрагменты, принадлежит к кругу распространенных в эллинистическое время стеновых росписей, имитирующих облицовку стен камнем, деревом и стуком. В этом убеждают фрагменты с росписью в виде мраморированных квадров, полос лесбийского киматия и красного поля, разделенного на квадры, имитирующих, очевидно, квадратную кладку с облицовкой мраморными плитками и пластически выполненным орнаментом⁶. Такого рода стеновая роспись господствовала в III—II вв. до н. э. во всем Средиземноморье — как в самой Греции и на ее островах, так и в городах Малой Азии, в Александрии, Помпеях, на Делосе и в других местах античного мира⁷. Распространена была такая стеновая роспись и в Северном Причерноморье⁸.

Ближе всего роспись боспорской усадьбы к росписям домов II в. до н. э. на острове Делос⁹, а также к боспорским стеновым росписям III—II вв. до н. э. — склепа Васюринского кургана¹⁰, пантикапейского дома II в. до н. э., открытого в 1899 г. на горе Митридат¹¹, и дома II в. до н. э. в Фанагории¹².

В заключение приводим данные микроскопического анализа стеновой штукатурки усадьбы¹³.

1. Известь — основной скрепляющий материал — около 30—35% общего состава.

2. Дробленые раковины до 50% всей массы штукатурки. Окатанность частиц раковин показывает, что раздроблены они в результате деятельности моря. По-видимому, строители пользовались для изготовления штукатурки морским песком, насыщенным частицами раковин.

3. Крупный песок (гравий), состоящий из зерен кварца, кварцита, глинистого сланца, полевого шпата, известняка и других пород, сильно окатанных, — около 15%.

С наружной стороны штукатурка сильно уплотнена выглаживанием.

⁵ А. Мар. *Wandschirm und Bildtraeger in der Wandmalerei*. RM, XVII, 1902, стр. 179 сл.; М. Булард. *Peintures murales et mosaïques de Délos*. «Monument Piot», v. XIV, 1908, стр. 130; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 128.

⁶ А. Мау. *Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji*. Berlin, 1882, стр. 109 сл.; М. Булард. *Peintures murales et mosaïques de Délos*. «Manumens Pilot», v. XIV, Paris, 1908, стр. 91; сл.; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 123 и сл.

⁷ А. Мау. Указ. соч., стр. 10 и сл.; М. Булард. Указ. соч., W. Dörpfeld. *Zu den Bauwerken Athens*. AM, Bd. XXXVI, 1911, стр. 51 и сл.; и 87 и сл.; L. Heuzey et H. Daumet. *Missions archéologiques de Macédoine*. Paris, 1877, табл. XVIII; Th. Wiegand und H. Schröder. *Priene*. Berlin, 1904, стр. 134 и сл.; 191 и сл. и рис. 351; K. Thiersch. *Zwei antiken Grabanlagen bei Alexandria*. Berlin, 1904 табл. XVIII; см. также: М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 125 и приведенную там литературу.

⁸ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 30—69, 125 и сл.; Е. В. Ернштедт. Указ. соч., стр. 248 и сл., 254 и сл.

⁹ М. Булард. Указ. соч., табл. XIV, а, с.

¹⁰ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 34 и сл.; табл. XIII, XIV; Е. В. Ернштедт. Указ. соч., стр. 251.

¹¹ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 118 и сл.; Е. В. Ернштедт. Указ. соч., стр. 256 и сл.

¹² В. Д. Блаватский. Фанагорийская стеновая роспись. МИА, № 57, 1958, стр. 168 и сл.

¹³ Анализ произведен старшим научным сотрудником ЛОИА С. А. Семеновым.

А. И. БОЛТУНОВА

НЕИЗДАННЫЕ НАДГРОБИЯ ИЗ ПАНТИКАПЕЙСКОГО
НЕКРОПОЛЯ

Весной 1961 г. в Керчи (по улице Кирова) велись земляные работы для закладки фундаментов жилых домов. На глубине 2 м были обнаружены остатки разрушенного античного некрополя. Наблюдать за земляными работами и извлечением из земли археологических материалов было поручено научной сотруднице Керченского историко-археологического музея В. П. Азаровой, которая любезно сообщила мне об обстоятельствах находки издаваемых надписей и предоставила часть своих рабочих записей. Под ее наблюдением была вскрыта грунтовая могила эллинистического времени и извлечено девять античных надгробных памятников. Из них восемь имеют греческие надписи, а одно — простая антропоморфная стела без эпитафии. Некоторые из надгробий в момент их находки сохраняли следы полихромии; краски, к сожалению, не удалось своевременно закрепить, и теперь они полностью исчезли.

Памятники хранятся в Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина, где были мною осмотрены и описаны в ноябре 1961 г. Здесь публикуются шесть из этих надгробий.

1. Прямоугольная плита из белого крупнозернистого известняка (рис. 9) была обнаружена 21 апреля в траншее для укладки труб водопровода против дома № 13 по улице Кирова. Плита разбита на две части. Выступ для установки в постамент отбит. Высота 1,07 м, ширина 0,49 м, толщина 0,17 м. В верхних углах стелы — по пятилепестковой розетке. Углубленное поле рельефа обрамлено аркой, опирающейся на анты с профилированными капителями. В центре изображена стоящая лицом к зрителю женщина в траурной позе, одетая в длинный хитон (видны лишь носки ступней) и плащ, накинутый на высокий калаф. В левой стороне рельефа — стоящая служанка с короткими пышными волосами, одетая в длинный хитон с рукавами и держащая пиксиду. Под рельефом — надпись, вырезанная ровно и тщательно по очень тонким линейкам. Высота букв 3,8—3 см.

Ψυχάριον γυνή

Μασα, χαῖρε.

Как по особенностям архитектурного оформления стелы и стилю рельефа, так и по характеру письма надписи памятник следует отнести к I в. н. э., скорее к первой его половине.

Интересно отметить, что имя Психарион, жены Маса, уже встречалось в надгробных надписях Пантикапея. Это — надгробная надпись Маса, сына Стратоника и его жены Психарион (КБН, № 462). На камне — Ψυχάρην,

Рис. 9. Пантикапей. Надгробие

как отмечает В. В. Латышев¹, — по обычному в римские времена произношению — ις вместо —ιος и —ιv вместо —ιου. Рельеф на памятнике Маса, сына Стратоника, и его жены Психарион изображает стоящих мужчину (в куртке, сапогах и плаще) и женщину в хитоне и плаще, накинутом на голову. По сторонам их стоят слуга с полотенцем и служанка с сосудом. По характеру оформления стелы и форме букв, очень близкой к форме букв издаваемого памятника², надгробие Маса и Психарион также должно быть отнесено к I в. н. э. Возможно, что публикуемое здесь надгробие, установленное после смерти Психарион ее мужем, впоследствии, после смерти самого Маса, похороненного в общей могиле с женой, родственники заменили другим памятником, на котором были начертаны имена обоих супругов. Но возможно также, что совпадение имен мужа и жены на обоих памятниках случайно.

Имя мужа Психарион Μασας Λ. Эгуста считает иранским³. Однако не исключено и его греческое происхождение (от μαζάριαι, как отмечено в комментарии к надписи Маса и Психарион. КБН, 462). В таком случае оно должно иметь ударение — Μασᾶς (род. пад. Μασᾶ).

2. Нижняя часть очень крупной известняковой плиты (рис. 10) найдена 21 апреля, примерно в 50 м к северо-западу от дома № 43 по улице Кирова, на дне котлована площадью 35 × 13 м, на глубине 2 м. У плиты отбита вся верхняя часть с рельефом и выступ для установки в постамент. Высота 0,93 м, ширина 0,59 м, толщина 0,175 м. На лицевой стороне, где вырезана надпись, следы отески оставлены почти не сглаженными; лишь в верхней части, занятой надписью, поверхность более или менее выровнена. Вдоль боковых граней, на расстоянии 4 м от края, прочерчены вертикальные линейки, которыми отмечены поля. Надпись в две строки выполнена по тонким линейкам крупными (высота 4 см) буквами, вырезанными тщательно и глубоко. Судя по тому, что ниже надписи оставлена большая незаполненная площадь, не сглаженная после отески, различимый тонкий след линейки ниже второй строки и, наконец, слабые следы стесанных букв перед началом первой строки и более отчетливо заметные перед началом второй строки, можно думать, что надпись начертана по вновь проведенным линейкам на месте многострочной сбитой.

Χηματα γυνή
 Πρωτογένου, χαίρε.

Характер письма заставляет относить надпись к I в. н. э., скорее к первой его половине.

Женское имя Χηματα Λ. Эгуста относит к числу имен, происхождение которых остается неясным⁴.

¹ В. В. Латышев. Неизданные Боспорские надписи. ИРАИМК, II. Пг., 1922, стр. 100.

² Форма букв передана в издании В. В. Латышева маюскулами.

³ L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 115, §145.

⁴ L. Zgusta. Указ. соч., стр. 317, § 725.

Рис. 10. Пантикапей. Надгробие

3. Прямоугольная плита из мелкозернистого известняка (рис. 11) была найдена вместе с № 2. Внизу плиты выступ для установки в постамент образован срезом только левого нижнего угла. Высота плиты 1,34 м, ширина 0,51 м, толщина 0,16 м. Вверху стела украшена узким карнизом и рельефным фронтоном с тремя круглыми акротериями и щитком в тимпане. Над фронтоном две шестилепестковые розетки. Под фронтоном в четырехугольном углублении рельеф: слева изображена сидящая в кресле на двух подушках женщина в траурной позе, одетая в хитон и плащ, накинутый на голову. Кресло с точеными ножками; под ногами у женщины — скамеечка. В левом углу маленькая фигурка служанки, закутанной в плащ и держащей какой-то предмет. Справа стоит обращенный к зрителю мужчина в хитоне и плаще, обутый в сапоги. Лица всех трех фигур большей частью сбиты. Поврежден также левый край плиты; обломом уничтожены концы первой и второй строк надписи, помещенной под рельефом. На рельефе хорошо сохранились следы раскраски: фон рельефа и тимпан фронтона были окрашены голубой краской, плащ женщины — синей, хитон — розовой, плащ мужчины — черной, лица всех фигур — светло-розовой. Надгробие было использовано дважды: надпись под рельефом, вырезанная по очень четко проведенным линейкам, начертана на месте уничтоженной. Древнейшая надпись была сбита косыми насечками, сделанными ровными горизонтальными полосами по направ-

Рис. 11. Пантикапей. Надгробие

Рис. 12. Пантикапей. Надгробие

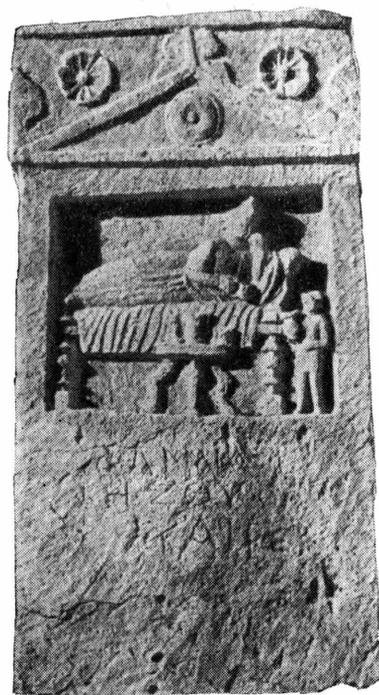

Рис. 13. Пантикапей. Надгробие

лению строк. Следы насечек сглажены не полностью. Новая надпись в три строки вырезана очень тщательно. Высота букв 3 см.

Στέφανε Ἡρ[ω]τ[ος]
καὶ γυναῖκα Γαστ[ε]ιν
χαίρετε.

В строке второй в женском имени Γαστ[ε]ιν утраченное окончание дополнено —ειν вместо —ιον как более употребительное в боспорских надписях I—II вв. н. э. Удвоение σ перед τ встречалось на Боспоре в написании личных имен с IV в. до н. э. по II в. н. э.⁵ Имена мужское Γαστεῖς и женское Γαστεῖν (и Γαστίον) Л. Згуста считает иранскими⁶.

По характеру письма надпись следует отнести ко времени конца I — начала II в. н. э.

4. Прямоугольная известняковая плита (рис. 12) найдена в том же котловане, где № 2 и 3. Плита сохранилась целиком, но сильно выветрилась и повреждена сколами и врезами от ударов острым инструментом. Внизу — выступ для установки в постамент. Высота 0,82 м, ширина 0,38—0,40 м, толщина 0,12 м. Стела украшена высоким рельефным фронтоном с тремя акротериями в виде пальметт и щитком в тимпане. Под фронтоном в прямоугольном углублении изваян рельеф: изображен стоящий лицом к зрителю мужчина, закутанный в плащ и обутый в сапоги. Справа — играющая с ним собака. Лицо мужчины отбито. Под рельефом — двустрочная надпись, вырезанная несколько небрежно без линеек на месте

⁵ См.: КБН, стр. 809, § 4.

⁶ L. Zgusta. Указ. соч., стр. 90, § 94.

сбитой многострочной, остатки которой в виде следов отдельных букв местами видны на камне: на левом крае плиты перед началом строки первой и особенно второй, где можно различить очертания букв X и P, и ниже строки второй под буквой O — A или Л. Высота букв позднейшей надписи — 3 см.

Τιρανῆ Του—
τακου, χαῖρε.

По характеру письма надпись следует отнести к I в. н. э.

Имена *Τιρανῆς* (= *Τειρανῆς*) и *Τιραμιος*, встречавшиеся на Боспоре с IV в. до н. э. до второй половины III в. н. э.⁷, Л. Згуста, а также Юсти и Хюбшман считают иранскими, образованными от имени иранского божества *Tir*, осложненного суффиксом *an*⁸. Имя *Ταυτακος* также не греческое, в надписях Северного Причерноморья оно встречается впервые.

5. Прямоугольная известняковая плита (рис. 13) была обнаружена там же, где № 2, 3 и 4. Внизу плиты — выступ для установки в постамент. Высота плиты 1,09 м, ширина сверху 0,49, внизу 0,52 м, толщина 0,17 м. Вверху стела украшена узким карнизом и рельефным фронтоном с тремя круглыми акротериями и щитком в тимпане. Над фронтоном две четырехлепестковые розетки. Под фронтоном в четырехугольном углублении рельеф, изображающий заgrabную трапезу: на покрытом тканью ложе с точеными ножками возлежит мужчина в хитоне и плаще, облокотившийся на левую руку; в правой руке он держит канфар. Перед ложем — пиршественный столик на трех изогнутых ножках в виде звериных лап. На столике стоят два сосуда и черпак. Справа у изголовья — слуга с кувшином. На стеле довольно хорошо сохранилась раскраска: поле над рельефом, тимпан и фон рельефа были покрыты ярко-голубой краской, одежда возлежащего мужчины сохранила следы темно-синей и красной краски. Под рельефом надпись, начертанная довольно грубо и небрежно на месте сбитой, следы которой местами видны: слева, перед началом второй строки, видны следы буквы Φ. Буквы надписи довольно крупны, высота их 4—5 см. Первая строка вырезана по линейкам, две остальные — без линеек.

Φάννα
Ηζοϑ
χαῖρε.

Судя по стилю рельефа, памятник был изготовлен во II в. н. э., что же касается сохранившейся на камне надписи, то ее следует отнести ко времени не ранее конца II в. н. э.

Неоднократно встречавшееся на Боспоре имя *Ηζους*, которое В. Томашек считает фракийским⁹, Л. Згуста связывает со скифским этнонимом *Ἡδοί* (Steph. Byz., s. v.)¹⁰.

⁷ КБН, № 36, 226, 638 и 781.

⁸ L. Zgusta. Указ. соч., стр. 152, 153, § 260.

⁹ W. Tomaschek. Die alten Thraker. Bd. II, T. 2. Wien, 1894, стр. 9.

¹⁰ L. Zgusta. Указ. соч., стр. 192, § 291.

Рис. 14. Пантикапей. Надгробие

6. Нижняя часть плиты из очень крупнозернистого известняка (рис. 14). Внизу — выступ для установки в постамент. Высота 0,93 м, ширина 0,53 м, толщина 0,165 м. Трехстрочная надпись вырезана довольно небрежно по тонким, слабо заметным линейкам на месте сбитой. Следы сбитой надписи в виде линеек и остатков букв можно проследить почти по всей поверхности сохранившейся части плиты. В самом низу плиты, на 5 см выше срезов, для устройства выступа можно различить буквы ΑΙΡΕ ([χ] αἶρε) . Сохранившаяся позднейшая надпись читается с трудом из-за неровной поверхности плиты благодаря выветриванию и крупнозернистой пористой структуре камня. Высота букв 4,5 см.

Ἀρετή γυνή
Χρηστίωνος
χαῖρε

По характеру письма надпись не ранее конца II в. н. э., скорее III в. н. э.

М. И. МАКСИМОВА

ЗАМЕТКА ОБ АХТАНИЗОВСКОМ КЛАДЕ

Прошло уже более полувека с тех пор, как А. А. Спицын издал памятники, известные в науке под наименованием Ахтанизовского клада¹. Сразу после опубликования они получили широкую известность и завоевали себе прочное место в литературе по истории и археологии Боспора. Тем не менее, подобно почти всем изданным в XIX и в начале XX в. знаменитым погребальным комплексам Боспора, этот клад в настоящее время нуждается в повторной обработке соответственно новым требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, да и выводы ученых того времени не могли не устареть за столь длительный срок. Между тем самые памятники при новом к ним подходе могут дать много свежих и очень ценных данных для истории нашего Юга и истории античного мира вообще.

В настоящей краткой заметке нам хотелось бы обратить внимание на несколько еще не изданных фрагментов, происходящих из Ахтанизовского клада. Они находятся в очень плохой сохранности, но памятники, от которых они происходят, могут быть до известной степени восстановлены, благодаря чему расширяются наши знания об этом интересном комплексе.

История случайной находки близ Ахтанизовской станицы на Тамани каменной гробницы с богатым инвентарем и все перипетии частичного расхищения его местными жителями и последующего «собираания» пропавших предметов изложена в официальном отчете Думберга. Ценным дополнением к нему служат документы по этому делу, хранящиеся в Архиве ЛОИА².

Археологической комиссии все же удалось собрать значительное количество вещей из Ахтанизовского клада, однако их состав ясно говорит о том, что перед нами лишь часть погребального инвентаря богатой усыпальницы. Местные жители, в течение нескольких дней бесконтрольно хозяйничавшие в гробнице, интересовались только такими вещами, которые они могли выгодно сбить с рук, — золотом и серебром; изделия из простых материалов они, видимо, просто выбрасывали или уничтожали, а потому эти предметы, за немногими исключениями, до нас не дошли, что сильно снижает научную ценность комплекса.

В настоящее время, по-видимому, открывается возможность внести некоторые коррективы в такое положение вещей. Просматривая в указанной статье А. А. Спицына список предметов, входящих в состав Ахтанизовского клада, мы замечаем, что на странице 22 под № 24 дано лишь суммарное перечисление ряда фрагментов и вещей, без указания на рисунки в тексте и даже без сколько-нибудь подробного описания. Здесь значит: «Обрывок какой-то тонкой серебряной оправы, разбитые медные и железные обломки. Железные наконечники стрел».

¹ А. А. Спицын. Фалары Юга России. ИАК, вып. 29, 1909.

² ОАК за 1900 г., стр. 104—109; Дело АК, 1900 г., № 194.

Таким образом, в годы, когда А. А. Спицын работал над Ахтанизовским кладом, в Археологической комиссии находилось какое-то количество обломков различных предметов, принадлежавших к интересовавшему его комплексу. В 1906 г. все они вместе с другими вещами, найденными в Ахтанизовке, были переданы в Эрмитаж по особой «перечневой» описи, подписанной В. В. Латышевым³. Там под № 10 мы находим «серебряную пластинку», а под № 27 «медные и железные обломки». Это показывает, что принадлежность данных фрагментов к ахтанизовской находке наиболее вероятна⁴. А. А. Спицын не определил, от каких предметов они происходят. А между тем работа в этом направлении, частично предпринятая уже при занесении некоторых фрагментов в инвентарь Эрмитажа, приводит к определенным результатам и дает дополнительные сведения о составе инвентаря Ахтанизовского погребения. Обратимся к упомянутым «медным и железным обломкам».

1. Большую часть предметов, называемых А. Спицыным «разбитые медные и железные обломки»⁵, составляют сохранившиеся в большом числе мелкие фрагменты гладких, довольно тонких бронзовых пластин. Они различаются только размерами (от 6 × 2 см до совсем крошечных) и, несомненно, происходят от одного изделия. У крупного обломка (рис. 15, б) отбиты оба конца, так что первоначальная его длина неопределима. Один из ее боковых краев прямой и ровный, другой — зубчатый, причем вдоль зубчатого края, повторяя его рисунок, идет пунктирная линия. Лицевая сторона пластины сглажена. На другом фрагменте такой же пластины (рис. 15, а) сохранилось три круглых отверстия, в одно из которых продет бронзовый штифтик; конец этого штифтика проходит сквозь такое же отверстие в обломке другой пластины и прижат к последней. В настоящее время оба обломка и штифт спеклись друг с другом, а первоначально они подвижно сцеплялись. Эти наблюдения показывают, что перед нами остатки не панциря, а набора чешуйчатого пояса — особого вида скифского оборонительного вооружения, состоявшего из большого числа сцепленных между собой, подвижных металлических пластин, нашитых в вертикальном положении на ремennую основу. Такие пояса заменяли собой панцирь и в то же время были приспособлены для подвешивания к ним оружия и других предметов воинского снаряжения.

На чешуйчатые наборные пояса впервые обратила внимание А. П. Манцевич⁶, давшая подробное описание их структуры и функциональных особенностей. В настоящее время, как это явствует из работы А. И. Мелюковой⁷, известно более 60 экземпляров подобных поясов. Больше всего они были распространены в Приднепровье, но известны были и на Кубани⁸.

2. Три железных наконечника стрел (рис. 16, 1), вероятно, находились сперва среди «разбитых медных и железных обломков». Отдельного инвентарного музейного номера у них нет. Они плохо сохранились; верхние их части отбиты, железо сильно разложилось, стрелки а и б, возможно,

³ Дело АК, 1900 г., № 194, л. 99.

⁴ Вряд ли можно сомневаться в этом на том основании, что «обломки» не упомянуты в описях, сопровождавших посылку ахтанизовских вещей в Петербурге из Тамани. Скорее всего фрагменты могли попасть в первую и самую крупную партию вещей, отобранную у местных казаков сразу после открытия ими клада и переданных ахтанизовскому станичному атаману Темрюкского отдела вместе с описью, составленной им самим и археологически столь безграмотной, что отождествление по ней вещей не всегда возможно. А между тем вещи затем были отправлены в Петербург с приложением к ним этой же описи (см. Дело АК, 1900 г., № 194, лл. 11, 12 и 13).

⁵ ГЭ, инв. № Ахт. 32.

⁶ А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941, стр. 19 и сл.

⁷ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. «Свод Археологических памятников», вып. Д 1—4. М., 1964, стр. 74 и сл.

⁸ Среди фрагментов пластин от пояса имеется и несколько бронзовых и железных обломков другой формы, как-то: узкие смятые полоски с отверстиями на концах, маленькие трубочки, железная палочка со шрифтом и др. Возможно, что некоторые из них также принадлежали к поясу.

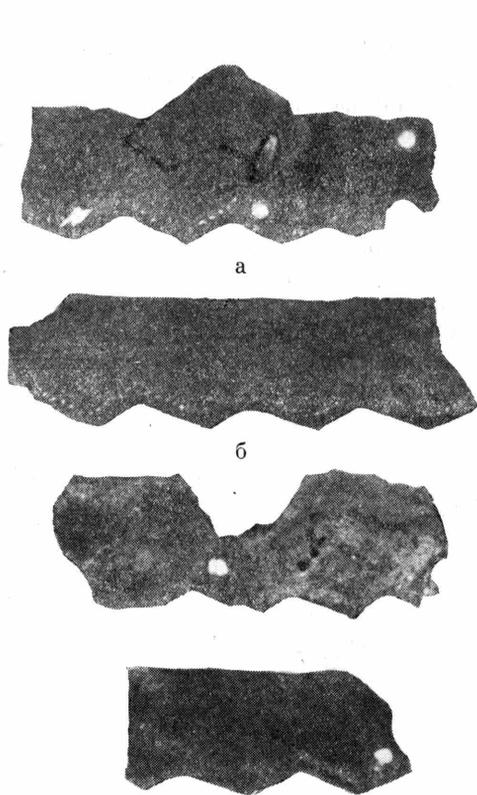

Рис. 15. Фрагменты бронзовых пластин от наборного чешуйчатого пояса

Рис. 16. 1 — железные наконечники стрел; 2 — серебряная обкладка ножен меча или кинжала; 3 — фрагменты железной псаали, обтянутой серебряной проволокой

имели одинаковую форму. У стрелы б (длина 2 см) сохранилась втулка и небольшой кусок трехлопастной верхней части; у стрелы а (длина 1,6 см) от втулки уцелел только небольшой отрезок; поломанная верхняя часть — трехлопастная. Возможно, что обе стрелки имели форму стрелок из Мастюгина⁹, но не исключено, что стрелка а представляла несколько иной тип с короткой втулкой¹⁰. Железо наконечника стрелки в (длина 1,8 см) особенно сильно разложилось. Видимо, она была трехлопастная, но черенковая. Следует упомянуть, что вместе с металлическими обломками в Эрмитаж были переданы многочисленные бесформенные куски какого-то предмета из кости. Встает вопрос, не являются ли они остатками горита?

3. К вооружению война относится, по-видимому, и тонкая гладкая серебряная пластина со следами позолоты (рис. 16, 2)¹¹. Длина 6,4 см. Ширина наверху 2 см, внизу 1 см. Пластика покороблена и во многих местах надорвана; не хватает большого куска верхней части. Она сужается книзу, боковые ее края примерно на 0,5 см загнуты назад. Верхние и нижние ее срезы ровные. Весьма вероятно, что эта пластина служила обкладкой нижнего конца ножен меча или кинжала¹². У скифов и сарматов, как известно, ножны делались из дерева и покрывались затем кожей или материей. С ли-

⁹ А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. табл. 9, 1.

¹⁰ Там же, табл. 8., С. 2.

¹¹ ГЭ, инв. № Ахт. 29.

¹² О ножнах мечей и кинжалов см.: М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918; W. Ginters. Das Schwert der Skytten und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928; А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 60 и сл.; М. И. Ростовцев. Указ. соч., табл. III, 4, стр. 46 и сл.

цевой стороны они затем иногда обкладывались бронзой, серебром или золотом, причем, если судить по хорошо сохранившемуся мечу из Буеровой могилы, металлические пластинки покрывали ножны только частично. Наша пластина, имеющая сужающуюся книзу форму и загнутые назад боковые края, вполне подходит для украшения нижней части ножен, скорее всего, судя по ее размерам, кинжала, а не меча.

4. Последний фрагментированный предмет из Ахтанизовского клада, частично поддающийся реконструкции, это железная дужка, плотно обвитая серебряной проволокой — часть псалии (рис. 16, 3)¹³. Длина 7,5 см. Дужка разбита в настоящее время на четыре части. На одном конце дужки находится шишка в виде конуса, другой отбитый конец дужки также несколько утолщается: здесь находилась обычная у псалий такой формы пара петель. Обращает внимание редкая техника изделия. В этом отношении особенно интересно отметить, что ближайшую аналогию ахтанизовской псалии — как по технике, так и по форме — мы находим в инвентаре кургана, тесно связанного с ахтанизовской находкой территориально и хронологически. Это прекрасно сохранившаяся пара псалий, найденная Забелиным в 1870 г. в южной поле Буеровой могилы¹⁴ — почти точное повторение фрагментированной псалии из Ахтанизовского кургана (рис. 17).

Рис. 17. Псалии из Буеровой могилы

Итак, если правильны предлагаемые реконструкции к нашим сведениям о вооружении и экипировке знатного воина, похороненного в Ахтанизовской гробнице, можно сделать следующие добавления. Прежде известен был только бронзовый шлем этого воина, многократно издававшийся и изученный Б. Э. Рабиновичем¹⁵. Теперь мы можем прибавить чешуйчатый пояс, меч или кинжал, стрелы, а следовательно, лук и, может быть, горит. Богатые и разнообразные украшения конской сбруи дополняют псалии.

Следует добавить, что обогащение инвентаря, возможно, вновь оживит вопрос о дате Ахтанизовского клада. К этой теме мы надеемся вернуться в другой работе. Здесь скажем только, что наблюдения и выводы, высказанные недавно К. Ф. Смирновым при издании им Северского кургана, кажутся нам вполне убедительными¹⁶. Мы разделяем его мнение о том, что Ахтанизовская гробница относится скорее всего к последним годам II в. до н. э., в чем, помимо аргументов, приведенных К. Ф. Смирновым, нас убеждают и некоторые наблюдения над серебряными сосудами клада и их несомненное родство с торевтикой Артюховского кургана.

¹³ ГЭ, инв. № Ахт. 30.

¹⁴ ГЭ, инв. № Бум. 50.

¹⁵ Б. Э. Рабинович. Шлемы скифского периода. «Труды Отдела истории первобытной культуры». ГЭ, т. I, 1941, стр. 160 и сл. и табл. 33 IV; см. также А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 77.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Северский курган. «Труды ГИМ. Памятники культуры» вып. XI. М., 1953, особ. стр. 20 и 40.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

О ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ БОСПОРА

Изучение керамического производства в античных городах Северного Причерноморья является всецело заслугой археологов советского времени. До революции этот вопрос в широком плане вообще не ставился и прежде всего потому, что главный источник по этому вопросу, остатки керамических печей, были мало известны.

Внимание советских археологов к изучению вопросов экономики и производства, новые археологические открытия привели к появлению ряда работ о керамическом производстве и, в частности, о керамических печах. В работе В. Ф. Гайдукевича «Античные керамические обжигательные печи» (1934) на широком фоне сравнительного материала античной эпохи были подробно изучены две исследованные самим автором позднеантичные (пантикапейская и фанагорийская) гончарные печи. Эта книга привлекла внимание археологов к такого рода памятникам и стала ключом к их пониманию. За последние пятнадцать лет открытия следовали одно за другим.

Большая группа печей открыта в Ольвии, замечательные комплексы мастерских, занимавших целые кварталы, в Херсонесе и Фанагории, а также других пунктах античного Северного Причерноморья.

В 1966 г. вышел из печати свод археологических источников о керамическом производстве в античных государствах Северного Причерноморья¹, в котором собраны основные данные по этому вопросу и прежде всего о гончарных печах, дающих в руки исследователей, наряду с работой В. Ф. Гайдукевича, прочную базу для дальнейшей разработки проблемы. В нашей статье мы прежде всего приведем новые материалы, добытые Таманской экспедицией и не отраженные в своде, и сделаем некоторые выводы о керамическом производстве в городах и поселениях азиатской части Боспора.

В 1955 г. на поселении, расположенном под Лысой горой в 1,5 км к западу от станицы Таманской, открыты остатки трех последовательно сменявших друг друга печей конца IV — начала III в. до н. э. (рис. 18). От печей сохранились лишь их основания. Судя по размерам, форме и большому количеству найденных вокруг фрагментов простой керамики, изготовленной на гончарном круге (кувшинов, кастрюль, чашек, тарелок), в том числе от бракованных сосудов, эти печи, не связанные с остатками здания, служили для обжига простой домашней посуды небольших размеров².

¹ «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ, вып. Г 1—20, 1966, стр. 7—34.

² Н. И. Соколовский. Раскопки античного поселения около станицы Таманской. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 54—56, рис. 20, 2.

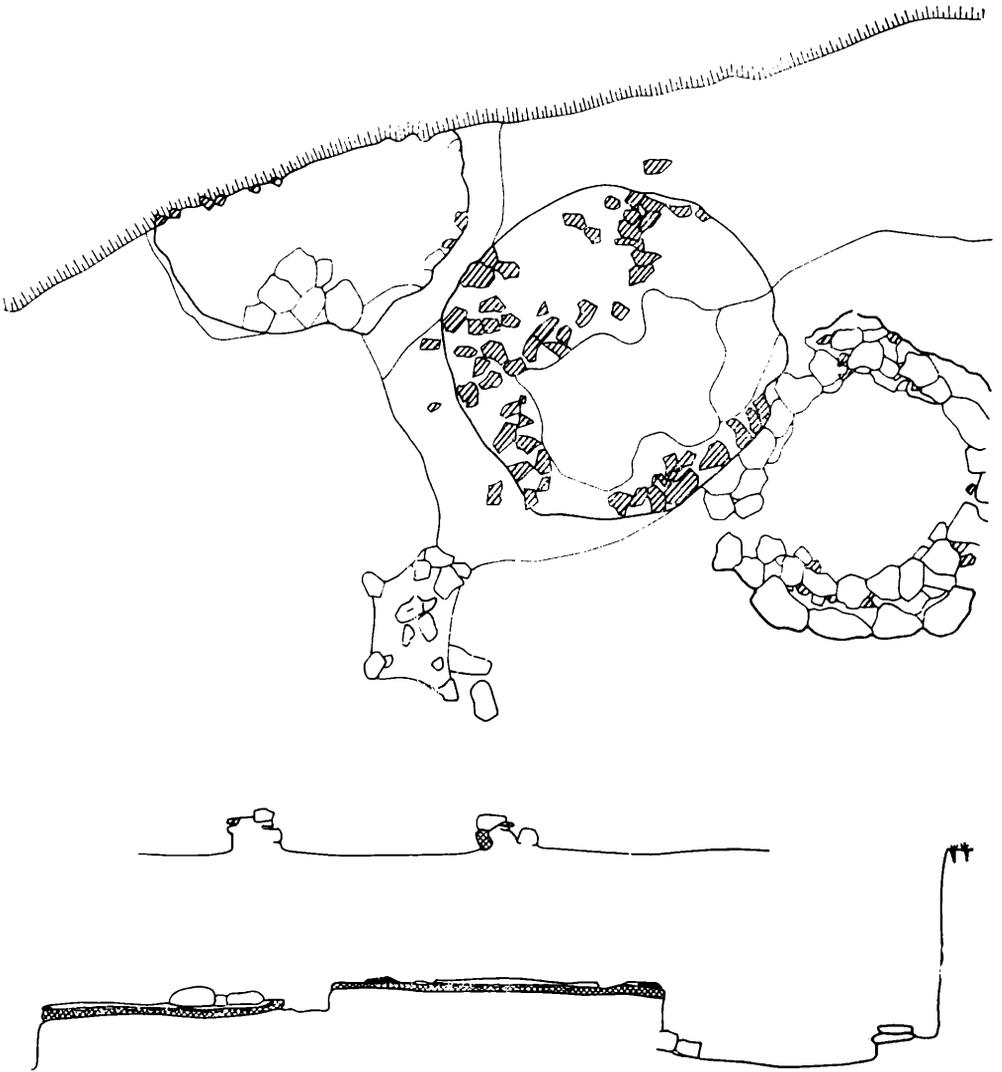

Рис. 18. Остатки трех печей IV—III вв. до н. э. у поселения под Лысой горой

Печи были глинобитными. В плане они представляли круг, внешним диаметром каждый 2,12 м; 2,05 м и 2,10 м. Ранняя печь в основании стенок имела каменное кольцо; другие две печи такого кольца не имели; и стенки их от основания были глиняными. В основании всех печей обнаружена сплошная желтоглиняная горизонтальная подушка. Внутри печи эта подушка выложена была амфорными черепками, сверху покрытыми глиняной обмазкой толщиной 0,09—0,05 м, составлявшей собственно под печи. Как под, так и глиняная подушка сильно прокалились. Центральных опорных столбов у печей не обнаружено.

Достаточно яркие свидетельства керамического производства обнаружены в Кечах³. Для III—II вв. до н. э. они представлены находками форм для оттиска терракот. Эти формы и вышедшие из них терракоты⁴ говорят

³ САИ, вып. ГІ—20, 1966, стр. 21, 33.

⁴ Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кечах. СА, 1964, № 4, стр. 107, 108, рис. 7.

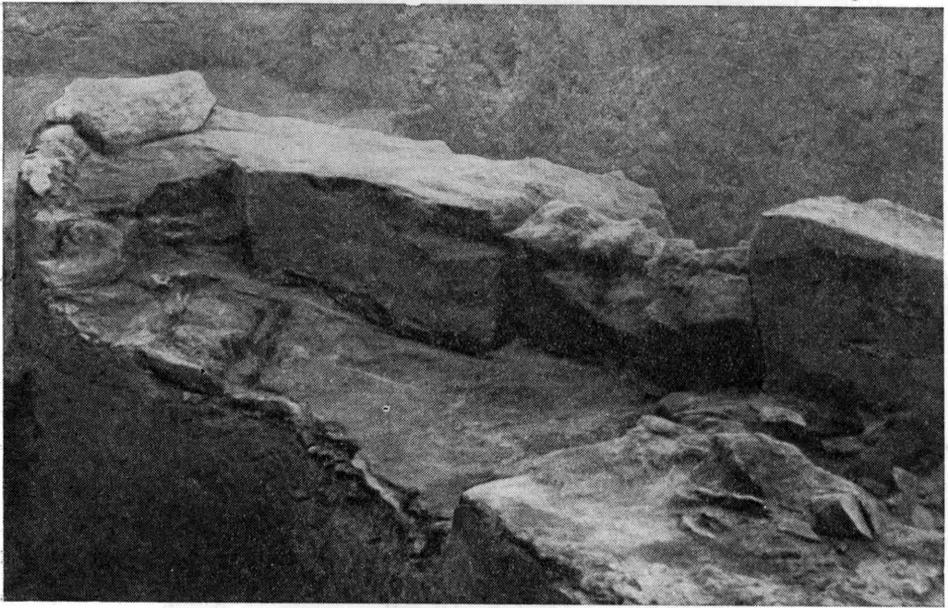

Рис. 19. Остатки печи I в. н. э. в Кепях

о мастерской коропласта, видимо, расположенной на восточной окраине Кеп, в районе святилища Афродиты, поскольку все они были найдены на этом участке.

О существовании в Кепях того же времени мастерской, изготовлявшей посуду, говорят многочисленные находки фрагментов различных сосудов (тарелки, блюда, чашки, кувшины, тазики, светильники) с характерным клеймом⁵. Кепская мастерская, видимо, обеспечивала только внутригородские потребности, поскольку сосуды с такими клеймами в других местах не обнаружены. Произведенный О. Н. Круг анализ глины фрагментов клейменной и неклеяемой кепской посуды III—II вв. до н. э. показал, что глина их аналогична по составу, из чего можно сделать вывод о значительном гончарном производстве в Кепях. Наличие нескольких вариантов клейм позволяет предположить, что существовало несколько мастерских.

Часть гончарной мастерской, относящейся к I в. н. э., открыта в Кепях, в западной части городища⁶; от мастерской сохранилась половина нижней части гончарной печи⁷ и мощеная рабочая площадка перед ней (рис. 19). В плане печь приближалась к кругу; ее внутренний диаметр равен 1,90 м. Стенки печи сложены из кирпичей толщиной 0,07—0,08 м, толщина стенок 0,50 м. К основанию она увеличивалась до 0,70 м за счет обмазки глиной с внешней стороны. Обжигательная камера не сохранилась. Особенности конструкции этой печи является расположение опорного столба не в центре, а ближе к стенке, что предполагает другой подобный, но несохранившийся столб; устье печи (с западной стороны) было оформлено в виде двух параллельных стенок, из которых сохранилась только одна; они сложены были из продолговатых кирпичей, образуя ложный свод. При устройстве печи был вырыт котлован глубиной 0,35 м; под печи составляла чере-

⁵ Н. И. Сокольский. Работы в Кепях в 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 71, рис. 25, 2.

⁶ Н. И. Сокольский. Указ. соч., стр. 66—68, рис. 26, 1.

⁷ «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы», стр. 33.

Рис. 20. Остатки печи IV в. н. э. и обжигавшиеся в ней грузила на городище Батарейка I

пiano-галечная вымостка, покрытая глиняной обмазкой. На противоположной от устья стороне прослежены остатки загрузочного отверстия шириной 0,50 м, закрывавшегося каменной плитой.

О керамическом производстве в поселении Батарейка II на Фанталовском полуострове можно судить по большому количеству крупных и мелких кусков шлаков, прокаленных кирпичей и кускам глиняной обмазки, найденным в фундаментах строений крепости III—IV вв. н. э. Это позволяет относить время функционирования печей к периоду, предшествующему постройке позднеантичных домов, т. е. в I—II вв. н. э. Эти печи находились за пределами укрепления, вероятно, к северу от него, на расстоянии 60—70 м, там, где найдено большое количество шлаков и печин, рядом с большим зольником, по всей вероятности, образовавшимся в результате деятельности печей. Гончарные печи пока не открыты, но о наличии местного гончарного производства наряду с отходами производства, шлаками говорят фрагменты муфтообразных подставок, употреблявшихся при просушке и обжиге остродонных амфор. Эта керамика, хорошо выделяемая по составу глины (красно-оранжевой с большой примесью песка, иногда слоистой структуры), в больших количествах обнаружена в погибших от пожара помещениях крепости I—II вв. н. э. и на других ближайших городищах, в радиусе 10 км. В числе продукции гончарной мастерской на Батарейке II были пифосы и амфоры. Вся эта керамика носит чисто локальный облик.

Остатки позднеантичной печи обнаружены и на соседнем городище Батарейка I⁸. Здесь в помещении, погибшем в IV в. н. э. при пожаре, у берегового обрыва обнаружена часть прямой стенки печи (рис. 20), сложенной из равномерных продолговатых кирпичей, образующих ложный свод. Длина стенки 1,30 м, высота 0,50 м. Судить о полном устройстве печи и ее размерах данных оказалось недостаточно. Однако несомненным является тот факт, что эта печь была производственной. Об этом говорят ее размеры, система устройства стенки, полное отличие от глинобитных кухонных печей в соседних помещениях этого же и соседних позднеантичных поселков, сде-

⁸ Н. И. Соколовский. Крепость на городище у хутора Батарейка. СА, 1963, № 1, стр. 184—186, рис. 5.

Рис. 21. Патрейская гончарная печь II—III вв. н. э.

ланных по единому образцу. Вокруг остатков разрушенной печи городища Батарейка I обнаружено около 100 массивных лепешкообразных грузил-подвесок⁹, часть из них хорошо обожжена и даже перекалена, другая — полубожежена, третья представляла собой полуфабрикат, приготовленный для обжига. Видимо, гунский разгром застал печь в период ее действия.

В 1965 г. на городище «Патрей» раскопана относительно хорошо сохранившаяся гончарная печь (рис. 21). Она обнаружена на раскопе «Восточном», расположенном на равнинной части городища, у берегового обрыва, в 80 м к востоку от холма — «батарейки», где находилась крепость. Основание печи врезано в материк, стратиграфически печь связана со слоем конца II—III в. н. э.

Вся верхняя часть печи разрушена еще до IV в. н. э., северная стена срезана почти до основания огромным современным перекопом, таким образом, от печи сохранилась только нижняя часть топочной камеры. Печь в плане круглая, диаметр 3 м, в центре — квадрат основания подпорного столба. Между стенками и столбом полностью сохранился горизонтальный, сильно прокаленный под. При устройстве печи был вырыт котлован, прослеженный на глубину 0,80 м, прорезавший культурные слои I и II вв. н. э. и вошедший на глубину до 0,30 м в материк. Нужно думать, что первоначальная глубина котлована составляла примерно 1,10 м, что определяется

⁹ Н. И. Соколовский. Крепость на городище у хутора Батарейка, стр. 185, 186, рис. 6, 1—4.

расчетом горизонта III в. н. э., и одновременно близка высоте топочной камеры, которая обычно в такого рода печах погружалась в землю, а обжигательная камера возвышалась над окружающей поверхностью¹⁰. Выровненная горизонтальная площадка в плотной коричневой материковой глине, без какой-либо дополнительной субструкции, стала основанием для стен центрального столба и пода. Собственно подом служила глиняная обмазка толщиной 0,05 м.

Стены топочной камеры печи были сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей, изготовленных из желтой глины с примесью песка и мелко-расщепленной морской травы — камки. Узкое пространство (0,05—0,10 м) между стенкой котлована и стеной печи было заполнено гуммированным грунтом. Размер кирпичей колеблется (0,53 × 0,47 м), толщина всех кирпичей 0,08 м. Они положены длинной стороной вдоль стены, так что в целом ширина стены равнялась ширине кирпича и составляла 0,47 м, а вместе с обмазкой — около 0,50 м и положена в переплет, швы заполнены желто-глиняным раствором.

Стенки сохранились на высоту от 0,12 м до 0,64 м. Изнутри топки они были покрыты глиняной обмазкой толщиной 0,01—0,02 м. Они сильно и равномерно прокалились на толщину до 0,15 м, а поверхность их ошлаковалась и превратилась местами в стекловидную массу. Наружный пояс рыхлый, прокаленный на 0,05—0,07 м, имел черно-бурый цвет.

В наиболее хорошо сохранившемся участке стена до высоты 0,40 м была вертикальная, а выше сохранились три ряда кирпичей, положенных ложным сводом. Эта деталь указывает на то, что перекрытие между топочной и обжигательной камерами было сводчатым. На вершине свода пространство между стенами и центральным столбом шириной примерно 0,50 м было перекрыто глиняными валиками. От центрального столба сохранилось только основание до высоты 0,12 м; размеры его сторон 0,80 × 0,80 м. Столб был сложен также из сырцовых кирпичей размером 0,53 × 0,47 м и их частей.

При разрушении печи часть глиняных валиков была сброшена в западную сторону: к устью печи и яме перед ним. Они сформированы руками из грубой глины с примесью соломы; размеры стандартны: длина 0,60—0,65 м, ширина 0,26—0,28 м, толщина 0,12—0,18 м. Резко различаются плоская нижняя сторона и округленный верх. Характер прокаленности валиков дает возможность понять систему укладки валиков по кольцу перекрытия. У каждого валика один край продольной стороны подвергался особо сильному воздействию высокой температуры и был ошлакован, а также нередко покрыт сажей. Нижняя плоскость всех валиков также прокалена особенно сильно, а у большинства ошлаковалась. Однако по концам торцовых сторон сохранились неошлакованные, более светлой прокали ранты шириной в 0,06—0,10 м. Все это показывает, что валики были положены парами плоской стороной вниз, концами опираясь на края стенки и край центрального столба. Каждая пара валиков тесно примыкала друг к другу и, видимо, была скреплена глиняной обмазкой, но между двумя парами оставался промежуток — продух, через который проходили горячие газы, пламя и дым в обжигательную камеру. Вследствие этого один из краев и нижняя плоскость каждого валика оказались ошлакованными. Верхняя часть обжигательной камеры не сохранилась, но можно предположить, что она имела вид купола с отверстиями для дымохода, а также для загрузки и выгрузки продукции.

Устье печи расположено с западной стороны; ширина его 0,70 м. С обеих сторон (северной и южной) устье обрамлено прямыми стенками длиной 1,50 м, сложенными из сырцовых кирпичей. Эти стенки крыльями расходятся под тупым углом друг к другу. Несомненно, они создавали преграду от ветров и обеспечивали равномерность тяги воздуха в устье.

¹⁰ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 76, 110.

Пол устья представлял собой пологий глиняный желоб, наклоненный во внешнюю сторону; он доходил до большой ямы перед топкой, расположенной между крыльями боковых стенок. Эта яма размером $1,70 \times 1,36$ м, со скругленными углами, заплечиками и дном имеет глубину 0,85 м от горизонта пода топочной камеры. С западной стороны в нее вел покатый спуск-проход, к сожалению, разрушенный перекопом. Между ямой и крыльями-стенками оставались заплечики, обмазанные, как и пол устья, глиной. Назначение ямы вполне ясно — она служила для удобства работы истопника при подбрасывании топлива и выгребании золы. Яма заполнена была золой вперемешку с обломками сырцовых кирпичей от стенок, а также значительным количеством фрагментов керамики, обжигающейся в печи. Отметим, что печь разрушена сознательно, а не пришла постепенно в негодность вследствие ветхости. Об этом говорят сброшенные в одном направлении валики. Гибель печи связана была с какими-то трагическими событиями, вероятно, вражеским нашествием, о чем свидетельствуют обнаруженные в верхнем горизонте ямы под завалом валиков и среди него три человеческих черепа.

Западнее ямы найдены остатки рабочего помещения с земляным полом, лежащим на горизонте пода печи. От него сохранилась часть южной стены и юго-западного угла, в котором обнаружены остатки небольшой глинобитной печи, видимо, служившей для приготовления пищи работникам, обслуживавшим производство. Подошва стены лежала на горизонте подошвы стен печи и сложена из таких же сырцовых кирпичей, что и стены печи. Это рабочее помещение, включая яму около устья, не было обширным, длина его составляла около 5 м, ширина — около 4 м. Вероятно, это было не закрытое помещение, а род ограждения. Между концом южной стенки, обрамляющей устье, и южной стеной рабочего помещения обнаружена цилиндрическая яма диаметром 0,95 м и глубиной 0,90 м, заполненная полностью чистой желтой глиной. Скопление такой же глины обнаружено в углублении в центре рабочего помещения перед спуском в яму кочагаров. Вряд ли эти заготовки глины служили для формования сосудов — для этого здесь не было места. Они использовались, видимо, для других целей, как то: подмазка пода и стенок, закупорка устья перед концом обжига и т. д.

Патрейская печь имеет много общего с пантикапейской и фанагорийскими печами IV в. н. э., однако есть и отличительные черты. Отметим отсутствие искусственного основания или субструкции для печи и систему завершения перекрытия топочной и обжигательной камер посредством глиняных валиков, создававших продольные продухи, в отличие от трубчатых продухов и иной системы перекрытия в фанагорийской и пантикапейской печах, исследованных В. Ф. Гайдукевичем. Подобное перекрытие из валиков имелось у небольшой печи I в. н. э. в Гермонассе¹¹ и в небольших печах эллинистического времени на кубанском Елизаветинском городище¹². Вполне возможно, что этот конструктивный прием распространился на Боспоре от прикубанских племен, получил развитие и был применен уже в сооружении патрейской печи.

Интерес представляет и обрамление устья печи двумя расходящимися стенками; такое устройство устья зафиксировано в 1965 г. в одной из фанагорийских печей; только в фанагорийской печи крылья-стенки имеют каменные основания. Но совершенно новым элементом для северопричерноморских печей является устройство ямы истопника. Патрейская печь дает новые данные и по устройству рабочего помещения перед печью. На Боспоре эти помещения мало известны. Только в Кепях обнаружена обширная

¹¹ И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 120.

¹² В. П. Шилов. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. СА, ХХIII, стр. 228; САИ, вып. Г 1—20, стр. 33, табл. 25, 2—3.

рабочая площадка перед печью. В Херсонесе же сохранились не только площадки перед печью, но и части зданий гончарных мастерских¹³.

Среди 500 фрагментов керамики, обнаруженных в яме истопника, только небольшое число (15—20 фрагментов) относится к импортным сосудам (от краснолаковых чашек, светлоглиняных узкогорлых амфор и некоторых других); они попали сюда случайно. Остальная масса фрагментов, хотя и от разных форм сосудов, сходна по составу глины (красно-коричневой с белыми включениями, различающейся оттенками в зависимости от обжига). Среди них много частей бракованных сосудов (треснувших от перегрева, вздувшихся), обжигавшихся в печи. Среди них подавляющее количество (75 профилированных частей и 350 осколков стенок) принадлежит остродонным амфорам, фрагменты которых в большом количестве встречаются в других местах городища. Амфоры эти были средних размеров, их горло менее широко, чем у амфор IV в. н. э., и имеет отогнутый наружу венеч, варьирующий деталями профилировки; округлые и плосковатые ручки немного профилированы. Фрагменты подобных амфор нередко встречаются на городищах Фанталовского полуострова.

Теперь можно твердо говорить об их патрейском производстве. Помимо амфор, здесь обнаружены фрагменты крупных кувшинов и несколько обломков пифосов и кастрюль, а также части огромной широкогорлой амфоры с круглыми ручками, аналогичной глины. В печи обжигались в основном амфоры и крупные кувшины.

На Таманском полуострове остатки гончарных печей для обжига керамических изделий известны в девяти пунктах: 1) Фанагория, 2) Гермонасса, 3) Горгиппия, 4) Кепы, 5) поселение под Лысой горой, 6) поселение Западно-Цукурское, 7) Патрей, 8) городище Батарейка I, 9) городище Батарейка II. Самыми ранними печами являются одна из печей Фанагории и печи в поселении у Лысой горы, относящиеся к IV и III вв. до н. э. В дальнейшем фанагорийские печи, сменяя одна другую, непрерывно действовали вплоть до конца античной эпохи, что можно заключить по двум десяткам уже открытых печей в фанагорийском Керамике. Помимо фанагорийских, к I в. до н. э.—I в. н. э. относились известные нам печи Гермонассы, Западно-Цукурского поселения, Кеп и Батарейки II; ко II—III вв. н. э.—печи Горгиппии, Патрея; к IV в. н. э.—печь на поселении Батарейка I.

Во все периоды истории античного города обжигательные печи были разных размеров, прежде всего в зависимости от размеров и характера изготавливаемых изделий¹⁴. Однако известные нам печи приводят к выводу о том, что размеры их начиная с IV в. до н. э. постепенно увеличиваются или во всяком случае количество больших печей на Боспоре возрастает к концу античной эпохи. И это не случайно. На Боспоре, как нам представляется, это связано со все большим развитием собственного керамического производства и постепенным ограничением импорта не только керамической тары и посуды, но и других товаров¹⁵. Кроме того, габариты местной амфорной тары (пифосов, амфор и кувшинов), постепенно возрастая, в период II—IV вв. н. э. достигают максимальных размеров. Хозяйственное значение керамической тары собственного производства в позднеантичную эпоху становится несравненно большим. Такого широкого распространения крупных пифосов и огромных амфор III—IV вв. н. э. история Боспора прежде не знала. Это связано с изменением в способе хранения зерна. Если в ранний период истории Боспора главным хранилищем зерна были земляные ямы, то в первые века н. э. и особенно в III—IV вв. наряду с ямами не меньшую роль стали играть пифосы и большие амфоры. В Кепях в домах III—

¹³ В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 1, стр. 144.

¹⁴ Так, в херсонесской мастерской эллинистического времени все пять печей были разных размеров (В. В. Борисова. Указ. соч., рис. 1, стр. 145—150, 152).

¹⁵ В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 45.

IV вв. н. э. встречаются кладовые, содержащие два, три или четыре пифоса, помимо крупно-габаритных амфор и кувшинов. Точно такое же положение мы наблюдаем на поселениях Фанталовского полуострова. В помещениях крепостей I—II вв. н. э. обязательно имеется один или несколько пифосов; в домах поселков III—IV вв. н. э. в этом районе пифосы являются обязательными. Излишне подробно говорить о том, что импортировались пифосы в редких случаях, а в первые столетия н. э. по существу мы не можем указать примеров импортных пифосов. Значительную роль в расширении производства местных амфор и отчасти пифосов сыграло усиленное развитие боспорского виноделия, в частности в азиатской части Боспора, начиная с эпохи эллинизма. Еще в период до I в. до н. э. среди огромного количества амфорных фрагментов, находимых при раскопках боспорских городов и поселений, фрагменты импортных амфор из различных центров Средиземноморья и Причерноморья абсолютно подавляют, а местные амфоры с трудом выделяются. Положение радикально изменяется от I в. н. э. к IV в. н. э. При сохранении импорта некоторых типов амфор, преимущественно из южнопричерноморских центров, подавляющим оказывается количество фрагментов местных амфор, как правило, крупногабаритных.

С точки зрения распределения и организации производства важно отметить теперь ставший бесспорным факт, что производство керамики на Боспоре, в частности на его азиатской стороне, не было сосредоточено только в крупных городах, оно существовало во всех городах, крупных и даже отдельных небольших поселениях, основой экономики которых было сельское хозяйство. Мы не думаем, что в технике керамического производства крупных городов, с одной стороны, и поселений, с другой — была большая разница, но в масштабах, характере реализации и ассортименте изделий были различия. Естественно, что целых кварталов керамических печей, подобных фанагорийскому, мы в мелких городах и сельскохозяйственных поселениях, вероятно, не встретим. В городах керамическое производство было рассчитано не только на удовлетворение потребностей большого населения города и его округа, но и на сбыт в отдаленные районы. В поселениях керамическое производство рассчитано было прежде всего на удовлетворение нужд жителей данного и, возможно, нескольких мелких соседних селений. В более отдаленные места керамическая продукция этих поселений попадала редко и не в качестве товара, а в качестве тары. В связи со всем этим имела существенная разница в ассортименте и качестве изделий крупных и небольших центров, о чем говорят материалы раскопок таманских городищ. Например, Фанагория, если взять продукцию ее керамического производства в течение всей истории, производила все виды керамических изделий, т. е. всевозможную тару, посуду, терракоты, мелкие поделки, черепицу, архитектурную терракоту, кирпич и т. д. И многие из этих изделий были не только высокого качества, но и являлись предметами художественного ремесла. Продукция керамических мастерских поселений в целом более проста, а ассортимент ее ограничивался в основном производством хозяйственных предметов, главным образом пифосов, амфор, простой домашней посуды, в особых случаях, возможно, черепицы и кирпича. Художественная керамика, терракота, архитектурные украшения здесь не производились.

Однако, как в городах, так и в сельских поселениях, керамическое производство, исключая изготовление некоторой части простейшей лепной керамики, было товарным; организация производства, выработка специальных навыков, устройство печей (например, патрейской) требовали значительных затрат, которые не могли окупиться изготовлением изделий для нужд одной семьи.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О РАБАХ-МЕОТАХ

Согласно распространенному мнению, вывоз рабов из Северного Причерноморья в средиземноморские страны не играл существенной роли даже во времена его наибольшего подъема. Признавая такую точку зрения, мы попытаемся в этом небольшом очерке остановиться только на одном вопросе, сравнительно мало привлекавшем внимание исследователей,— на вывозе рабов-меотов в Средиземноморье.

В «Материалах по истории Скифии», собранных Б. Н. Граковым, упомянуто несколько рабов-меотов¹. Имена трех из них высечены на надгробиях: одно из них происходит из Афин (№ 108), два других найдены на Родосе (№ 113, 114); кроме того, там названы отпущенные на волю, согласно дельфийским манумиссиям, один раб (№ 91) и рабыня вместе с ее домопущенным сыном (№ 92).

Этот список, насколько нам известно, в последующих исследованиях, посвященных вывозу рабов из Северного Причерноморья, не подвергался пересмотру². Между тем уже более ста лет тому назад была опубликована недавно вновь изданная³ надгробная надпись, по-видимому, делосского происхождения⁴, в которой упоминаются имена четырех рабов-меотов, вероятно, погибших при какой-то катастрофе вместе с 18 своими сотоварищами.

Подобно меотам аттической, родосских и дельфийских надписей, все четыре делосские раба-меота носили греческие имена: Ισιδωρος, Δαμῖς⁵, Πρακλειδης, Νικίας.

Вновь привлекаемая делосская надпись не только почти удваивает известное нам число меотских рабов, привезенных в Средиземноморье, но еще

¹ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 300 и сл., № 91-92, стр. 307, № 108, стр. 308, № 113-114.

² О рабах-меотах упоминали: В. А. Гольденберг. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира. ВДИ, 1953, № 1, стр. 205, прим. 5; В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, стр. 46, прим. 3. В сообщении М. И. Финли о древней работорговле в районе Черного моря на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме вопрос о рабах-меотах не поднимался (M. I. Finley. The Black Sea Region and the Slave Trade in Antiquity. XI Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 aout 1960. Resumes des communications. Uppsala, 1960, стр. 74 и сл.).

³ G. Klaffenbach. Die Grabstelen der einstigen Sammlung Roma in Zakynthos. «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1964, № 2, стр. 16 и сл.; № 28.

⁴ G. Klaffenbach. Указ. соч., стр. 3 и сл.

⁵ О чисто греческом происхождении имени см.: L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 371, § 944.

позволяет предполагать, что часть их поступала через рабский рынок на Делосе.

Все рассмотренные надписи с именами меотов относятся к эллинистическому времени. При этом обе дельфийские манумиссии и надгробие с Делоса датируются II в. до н. э. Таким образом, во всяком случае большая часть из известных нам рабов-меотов (шесть из девяти) были привезены в Средиземноморье во II в. до н. э.— в тот период, когда, согласно Полибию⁶, припонтийские страны были поставщиками очень большого количества рабов.

---

⁶ Polib., IV, 38, 4.

Д. Б. ШЕЛОВ

ПОЛЕМОН И ТАНАИС

Вопрос о разгроме города Танаиса боспорским царем Полемоном I неоднократно рассматривался современными исследователями. Самый факт этого разгрома засвидетельствован Страбоном, который сообщает, говоря о Танаисе, «а недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение» ($\nu\epsilon\omega\sigma\tau\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \omicron\upsilon\upsilon\ \acute{\epsilon}\xi\epsilon\pi\omicron\rho\theta\eta\sigma\epsilon\nu\ \alpha\upsilon\tau\eta\nu\ \text{Πολέμων} \acute{\omicron}\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\epsilon\iota\ \theta\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu$)¹.

Большинство исследователей в течение долгого времени понимало слова Страбона в том смысле, что царь Полемон совершенно разрушил город, и даже пытались искать ранний, дополемоновский город не на месте современной Недвиговки, где, безусловно, существовал Танаис первых веков н. э., а в другом месте, предположительно в дельте Дона — в районе станицы Елизаветовской.

Но в 1934 г. С. А. Жебелев в специальной статье, произведя детальный анализ свидетельства Страбона, пришел к выводу, что древний географ говорит не о разрушении, а о разорении или разграблении города боспорским царем². С. А. Жебелев исходил при этом главным образом из толкования глагола $\acute{\epsilon}\kappa\pi\omicron\rho\theta\acute{\epsilon}\omega$. Правда, и до С. А. Жебелева иногда высказывалось мнение о том, что Полемон вряд ли мог полностью разрушить Танаис³, но только после его статьи эта точка зрения утвердилась в науке: основные выводы С. А. Жебелева были приняты большинством исследователей, хотя частичное разрушение города иногда все же признавалось⁴.

Следует отметить, что лингвистические аргументы С. А. Жебелева сами по себе не могут определить характера действий Полемона против Танаиса. С. А. Жебелев, безусловно, доказал, что глагол $\acute{\epsilon}\kappa\pi\omicron\rho\theta\acute{\epsilon}\omega$ не обязательно должен был обозначать разрушение города, но мог применяться для выражения понятия «разоряю», «опустошаю». Однако из этого еще не следует, что употребление $\acute{\epsilon}\kappa\pi\omicron\rho\theta\acute{\epsilon}\omega$ непременно должно указывать на отсутствие разрушения. Основное значение этого слова — опустошать (*devasto*) может подразумевать и разграбление, и разрушение построек. В русском языке, вероятно, самым подходящим для этого понятия словом является глагол «разгромить», также допускающий разные представления. Более точно представить себе, что скрывается за рассматриваемым выражением Страбона,

¹ Strabo, XI, 2, 3.

² С. А. Жебелев. Был ли Танаис разрушен Полемоном? «Боспорские этюды», III. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 37—45-СП, стр. 195—206.

³ См., например: М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 154; он же. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 529, 530.

⁴ Д. П. Калистов. Политика Августа в Северном Причерноморье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 70 и прим. 2; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 316, 372; он же. Боспор и Танаис в доримский период. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 303; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 101.

позволяют нам археологические данные, полученные в последние годы в результате раскопок Танаиса Нижне-Донской экспедицией.

Раскопками обнаружено, что западный район города III—I вв. до н. э., который можно предположительно считать местом обитания туземной, негреческой части населения («танаитов»), был полностью разрушен и навсегда заброшен примерно на рубеже н. э.⁵ Все жилые и хозяйственные постройки этого района несут явные следы одновременного разрушения, сопровождавшегося пожаром. Но, по-видимому, население не было застигнуто этой катастрофой врасплох: в руинах домов не встречаются останки жителей, погребенных под развалинами, почти совсем нет и целых или раздавленных сосудов и других предметов, находимых обычно при раскопке жилищ, погибших в результате внезапной катастрофы. Поскольку позднее жизнь на этой территории была очень недолговременна, основная же часть всего района была превращена в место мусорных свалок, мы вправе были бы ожидать найти здесь под каменными завалами от обрушившихся построек нетронутые комплексы вещей, существовавшие к моменту разрушения. Отсутствие таких комплексов говорит о благовременной эвакуации жителей с их имуществом из этой части города.

Разрушению подверглись не только жилые кварталы, но и оборонительные стены, прикрывавшие западную часть Танаиса с запада и севера. Остатки этих стен свидетельствуют, что после разрушения их они были тогда же разобраны на камень, который использовался для возведения новых построек. Связь разрушения оборонительных стен с военными действиями доказывается находками большого числа круглых каменных ядер в районе укреплений. Видимо, неприятель, разрушивший весь западный район города, имел в своем распоряжении метательные машины, онагры или баллисты, горы и использовал против Танаиса.

Время уничтожения западной части Танаиса определяется достаточно надежно археологическими материалами, хорошо датируемыми концом I в. до н. э., т. е. оно совпадает со временем царствования на Боспоре Полемона I. Уже это хронологическое соответствие позволяет высказать предположение о том, что Танаис подвергся частичному разрушению именно во время карательной экспедиции Полемона, о которой сообщает Страбон. Применение греческих метательных машин при осаде Танаиса укрепляет эту гипотезу, так как на Боспоре такие машины были хорошо известны и широко использовались⁶, тогда как применение их кочевыми племенами, окружавшими Танаис, маловероятно.

Можно представить себе, что Полемон овладел западной частью Танаиса после осады и бомбардировки, но жители успели заранее покинуть этот сравнительно слабо укрепленный район и перебраться под защиту более мощных стен основного восточного четырехугольника крепости. Мы не можем сказать, каким образом Полемон овладел и этим четырехугольником, и был ли разрушен и этот район города: на его территории сохранилось очень немного остатков строений III—I вв. до н. э., так как здесь шло позднее усиленное городское строительство. Но то обстоятельство, что возникновение большей части открытых здесь жилых комплексов относится к I—II вв. н. э., говорит как будто бы в пользу предположения о довольно значительных изменениях, происшедших на рубеже нашей эры и в планировке этой части города.

⁵ А. И. Болтунова. Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.). «Археологические раскопки на Дону». Ростов-на-Дону, 1962, стр. 78—94.

⁶ В. Д. Блаватский. Осада и оборона в античном Причерноморье. КСИИМК, XVI; 1947, стр. 81—90; он же. Каменное ядро из Фанагории. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 135 и сл.; он же. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 108, 109; Н. И. Соколовский. Каменные ядра из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 241 и сл.

Несомненно, что и здесь была разрушена городская оборонительная стена. Очень интересны в этом отношении результаты раскопок в юго-западном углу четырехугольника крепости, проведенных Нижне-Донской экспедицией в 1956—1957 и 1964—1966 гг.⁷ Здесь на значительном протяжении была открыта крепостная стена, прикрывавшая восточную часть города с запада и отделявшая ее от западного предместья. Около рубежа н. э. эта стена была разобрана так, что уцелела лишь нижняя ее часть. Почти вплотную к этой оборонительной стене с наружной ее стороны примыкают жилые постройки I в. н. э. Сооружение этих гражданских зданий, высота которых должна была несколько превышать сохранившуюся высоту крепостной стены, явно свидетельствует о том, что остатки стены в этот период никаких оборонительных функций несли не могли. Таким образом, вскрытые на этом участке архитектурные остатки, несомненно, указывают не только на разрушение оборонительных сооружений Танаиса на рубеже н. э., но и на тот факт, что в течение какого-то времени в I в. н. э. эти сооружения не восстанавливались, а лежали в развалинах. Сопоставляя эти данные с отмеченным уже разрушением западного района города и с известием о разгроме Танаиса Полемоном, естественно и эту разборку оборонительных стен в юго-западному углу крепости приписать тем же карательным действиям боспорского царя.

Все эти данные позволяют думать, что Полемон не ограничился ограблением Танаиса, как думал С. А. Жебелев, но и разрушил часть сооружений непокорного города. При этом вполне логично было с его стороны разрушить и разобрать прежде всего крепостные стены и отнять таким образом у города, оказавшего ему неповиновение, возможность к сопротивлению в дальнейшем, лишив его значения крепости. Примеры подобных действий известны в истории античного мира и даже в истории Боспора того же I в. до н. э. Так можно предполагать, что царь Фарнак приказал разобрать оборонительные стены непокорной Фанагории⁸.

В то же время совершено несомненно, что разрушение Танаиса Полемоном не могло иметь характера тотального уничтожения, который приписывали ему часто прежние исследователи, предполагавшие даже последующее перенесение города на новое место. Уже самое возникновение упомянутых жилых комплексов в начале I в. н. э. свидетельствует о том, что жизнь в городе, за исключением западной его части, которая так и не была восстановлена, продолжала нормально развиваться и в послеполемоновское время. О том же говорят и многочисленные находки керамики и других вещей, датированных I в. н. э., и наличие в танаисском некрополе большой группы богатых погребений, относящихся к тому же времени⁹.

Чем был вызван поход Полемона против Танаиса? Страбон говорит об этом очень неопределенно. Неизвестно, ни в чем выразилась *ἡ ἀπειθεία* Танаиса по отношению к Полемону, ни чем она была вызвана. Обычно считается, что Полемону пришлось подавлять очередную попытку танаисцев выйти из подчинения Боспору и утвердить свою самостоятельность. Но не менее возможно и другое предположение, что Танаис принял участие в той борьбе, которая развернулась в это время на Боспоре, и оказал сопротивление Полемону, не желая подчиниться именно ему, римскому ставленнику на боспорском престоле. Так понимал дело М. И. Ростовцев, считавший Танаис одной из возможных баз антиполемоновского движения, возглавля-

⁷ А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). «Древности Нижнего Дона». М., 1965, стр. 24 и сл.; Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1964 и 1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 89 и сл.

⁸ См.: Г. А. Цветаева. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 235.

⁹ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 50 и сл.

емого Динамией и Аспургом¹⁰. По-видимому, к этой же точке зрения склонялся и В. Ф. Гайдукевич¹¹.

Как известно, Полемон был послан на Боспор Агриппой в 14 г. до н. э., когда в связи с домогательствами Скрибония перед римлянами встала угроза возрождения на Боспоре политических традиций митридатовского времени. Боспорцы оказали Полемону сопротивление и не желали ему подчиниться даже после того, как он одержал военную победу над ними. Только угроза прямой интервенции римских армий и флота заставила боспорцев сложить оружие и признать царем Полемона. Брак его с Динамией был заключен, по мнению Диона Кассия, рассказывающего об этих событиях, согласно решению Августа¹². Совершенно ясно, что Полемон был на боспорском престоле римской марионеткой, призванной обеспечивать угодную Риму ориентацию боспорского государства. Показательно в этом отношении произведенное при Полемоне переименование боспорских городов: Пантикапея в Кесарию, а Фанагории — в Агриппию¹³.

Но и захватив боспорский престол, Полемон не сумел на нем прочно утвердиться. Его брак с пожилой уже царицей Динамией, имевший, несомненно, политический смысл и призванный придать в глазах его подданных некоторые законные основания его пребыванию на боспорском престоле, не был удачным. Уже год спустя, не позднее 13—12 гг. до н. э., он женится на Пифодориде, внучке триумвира Марка Антония и родственнице Августа¹⁴.

Что стало с Динамией, мы точно не знаем. Некоторые исследователи полагают, что к моменту второго брака Полемона его первая жена успела уже умереть¹⁵. Если это даже было и так, то и в этом случае единственная законная ниточка, привязывавшая Полемона к боспорскому престолу, была разорвана. Но кажется очень вероятным предположение М. И. Ростовцева, достаточно солидно им обоснованное и принятое большинством современных исследователей, что Динамия не скончалась еще в начале правления Полемона, но разошлась с ним, разорвав навязанный ей брак, и возглавила оппозицию этому римскому ставленнику на боспорском престоле¹⁶.

В таком случае все принципы династического легитимизма, связанные с Динамией как дочерью Фарнака и внучкой Митридата Евпатора, ради которых и был заключен первый брак Полемона, оказывались теперь ему враждебными. Многие факты политической истории Боспора свидетельствуют о большом значении, которое придавалось там митридатовским традициям, и открытый переход Динамии в лагерь противников Полемона не мог не обострить до крайности его положение на Боспоре. Женитьба его на Пи-

¹⁰ М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. «Древности», XXV, 1916, стр. 18; он же. Эллинизм и иранство, стр. 147; М. Rostovtzeff. Queen Dynamis of Bosphorus. JHSt, XXXIX, 1919, стр. 104; он же. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 154.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. АГСП, М.—Л., 1955, стр. 128.

¹² Dio Cass., LIV, 24.

¹³ J. Friedländer. Münzen von Phanagoria unter den Namen Agrippias und Caesarea mit dem Kopfe der Livia, NZ, 7, II, 1870, стр. 280—284; А. В. Орешников. Эскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. ИС, III, 1914, стр. 37—43; он же. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, II, 1922, стр. 130 и сл.; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 193.

¹⁴ Strabo, XII, 3, 29; Th. Mommsen. De titulo reginae Pythodoridae. Ephem. ep., V, 1872, стр. 271 и сл.; А. Л. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООИД, XXIX, 1911, стр. 190 и сл.; А. В. Орешников. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве. ИТУАК, 34, 1892, стр. 1 и сл.

¹⁵ Например, А. Л. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора, стр. 190; Н. А. Машкин. Принципат Августа. М.—Л., 1949, стр. 532; Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, стр. 110.

¹⁶ М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст, стр. 14; он же. Queen Dynamis, стр. 100—102; ср.: Е. Н. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 594, прим. 1; 601.

Фодориде свидетельствует о том, что он сам и стоявшие за его спиной римляне, видимо, отказались от попыток уладить боспорские дела своего рода компромиссом, каким представлялся брак с Динамией, и решили прямо противопоставить антиполемоновским и антиримским тенденциям силу. Как известно, Полемон потерпел на этом пути полную неудачу и вскоре погиб в борьбе с аспургианами на азиатской стороне Боспора¹⁷.

Конкретные события, происходившие на Боспоре в период кратковременного царствования Палемона, нам почти неизвестны, за исключением разгрома Танаиса и рокового для царя столкновения с аспургианами. Но уже тот факт, что этот, несомненно, талантливый правитель, владевший, кроме Боспора, еще тремя царствами — Киликией, Понтом и Малой Арменией, которые были для него гораздо более близкими, считал все же необходимым лично руководить военными операциями на Боспоре, показывает всю серьезность обстановки, сложившейся в этой части его владений.

Было бы весьма важным установить, кто были те боспорцы, которые оказали столь упорное сопротивление Палемону перед его восшествием на престол и, по-видимому, продолжали борьбу и после его воцарения. Детально исследовавший этот вопрос Д. П. Калистов пришел к выводу, что основными силами, противодействовавшими римской политике, были меотские и сарматские племена Боспорского государства, тогда как боспорские города придерживались в основном романофильской политики¹⁸. Эта точка зрения, вероятно, в целом правильно отражает реальное положение дел, хотя Д. П. Калистов, несомненно, несколько преувеличивает значение противоречий между городами и туземными племенами Боспорского царства, предполагая даже прямое нападение последних на первые¹⁹, для чего у нас нет решительно никаких оснований. Совсем неприемлема гипотеза В. Н. Дьякова, согласно которой застрельщиками антиполемоновского движения были боспорские города, в частности Фанагория²⁰. Точка зрения В. Н. Дьякова противоречит всему тому, что нам известно о позиции боспорских городов по отношению к римской власти на протяжении многих десятилетий со времени Митридата Великого. В течение почти всего I в. до н. э. наиболее последовательными выразителями ахеменидско-митридатовских традиций были туземные племена Боспора, тогда как торговые города легко склонялись к признанию в той или иной форме суверенитета Рима²¹. Против этой точки зрения говорит и факт гибели Палемона в борьбе против одного из варварских племен азиатской части Боспора.

Отзвуком наличия на Боспоре двух противоположных тенденций, может быть, являлся тот странный на первый взгляд факт, что Скрибоний, домогаясь боспорского престола, одновременно и объявлял себя потомком Митридата Евпатора, и утверждал, что царская власть ему дарована Августом²². Видимо, этим он стремился завоевать расположение сторонников обеих политических тенденций на Боспоре. Такая политика могла диктоваться вполне реальным соотношением сил в боспорском обществе. Этой же расстановкой сил была вызвана и попытка примирить недовольные слои населения Боспора с Палемоном путем женитьбы его на Динамии.

Если обратиться к сообщению Страбона о разгроме Танаиса Палемоном, учитывая все изложенное, гипотеза М. И. Ростовцева о Танаисе как стороннике антиполемоновского движения, возглавляемого Динамией, от-

¹⁷ Strabo, XI, 2, 11.

¹⁸ Д. П. Калистов. Политика Августа в Северном Причерноморье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 65 и сл.

¹⁹ Там же, стр. 68, 69.

²⁰ В. Н. Дьяков. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. Понт и Мезия. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 75.

²¹ Д. П. Калистов. Этюды из истории Боспора в римский период. ВДИ, 1938, № 2, стр. 276 и сл.; он же. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, № 4, стр. 174 и сл.

²² Dio Cass., LIV, 24.

нюдь не покажется невероятной. Наиболее варварский из всех северопонтийских городов Танаис был самыми тесными узами связан с миром меотсарматских племен Приазовья и не было бы ничего неожиданного, если бы он оказался втянутым в антиполемоновское движение, основной силой которого были эти племена. Решительная расправа боспорского царя с городом и то обстоятельство, что наиболее полному разрушению подверглась туземная часть Танаиса, говорят как будто бы в пользу признания гипотезы М. И. Ростовцева. Но все же у нас нет пока достоверных доказательств связи Танаиса с антиполемоновским движением боспорских племен.

Время разгрома города Полемоном определяется годами царствования этого правителя. Он вступил на боспорский престол, как уже говорилось, в 14 г. до н. э. и был убит аспургианами не позднее 8 г. до н. э. Последняя дата определяется тем, что в этом году, 289 г. боспорской эры, начинается чеканка золотых статеров с монограммой $\Delta\Delta^{23}$, в которой различают обычно зашифрованное имя царицы Динамии²⁴. Для определения более точной даты разгрома Танаиса у нас очень мало данных. Иногда думают, что Полемон организовал экспедицию против Танаиса еще в начале царствования²⁵, но никаких доводов в пользу этого предположения привести невозможно. Скорее можно думать, на основании нижеследующих соображений, что поход против Танаиса относится к концу правления Полемона.

Фраза о разгроме Танаиса Полемоном стоит в тексте Страбона после упоминания об основании этого города боспорцами и перед характеристикой его как общего торгового пункта для приплывающих по морю с Боспора и окружающих кочевников. С. А. Жебелев высказал, правда в очень осторожной форме, предположение, что эта фраза могла быть не одновременной всему остальному тексту, а являться позднейшей вставкой, добавленной Страбоном при окончательном редактировании его труда, после того, как ему стало известно о судьбе, постигшей город²⁶. К такому же выводу пришел и А. Салач, притом совершенно независимо от С. А. Жебелева, работа которого осталась ему неизвестной. Чешский исследователь не ограничился предположением, а произвел грамматический анализ всего отрывка и обнаружил несогласованность во временах ($\text{oix\eta\tau\alpha\iota}$ наряду с $\text{\tau\eta}$ и $\text{\epsilon\acute{\xi}\epsilon\pi\omicron\rho\theta\eta\tau\epsilon\upsilon}$), свидетельствующую о наличии позднейшей вставки и переделки текста²⁷.

Принято считать, что сочинение Страбона было в основном закончено в 7 г. до н. э., но затем автор вносил в него, примерно до 18 г. н. э., некоторые дополнения, отражающие события более поздние или ставшие ему позднее известными²⁸. Вероятно, к таким *addenda* относится и интересующая нас фраза, вставленная в текст либо при его последнем редактировании, либо уже после этого. Употребление Страбоном наречия $\text{\nu\epsilon\omega\sigma\tau\iota}$ (недавно, только что) показывает, что он внес это дополнение сразу после получения информации о событии. Таким образом, разрушение Танаиса Полемоном нельзя отодвигать далеко от 7 г. до н. э. и можно думать, что оно имело место в течение предыдущего года, последнего года царствования Полемона, непосредственно перед гибелью царя в борьбе с аспургианами. Взятие и разгром Танаиса были, по-видимому, последним успехом этого правителя в той борьбе, которую он вел на Боспоре против своих подданных.

²³ П. О. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXVI, 63; А. Л. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора, табл. II, 35; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLIV, 15.

²⁴ Th. Mommsen. Geschichte des römischen Münzwesens. Berlin, 1860, стр. 702, прим. 127; М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст, стр. 15; М. Rostovtzeff. Queen Dynamis, стр. 101; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 191.

²⁵ Stein. Dynamis, RE, V, 1905, стлб. 1879; Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим, стр. 109.

²⁶ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 41 = СП, стр. 199.

²⁷ А. Салач. Приустье Тихого Дона. Сб. «Pražska universita moskovské universite». Praha, 1955, стр. 218.

²⁸ См.: E. Honigmann. Strabon. RE, II Reihe, Hlbb. VII, 1931, стлб. 90.

С. И. КАПОШИНА

КЕЛЬТСКИЙ КОТЕЛ ИЗ САДОВОГО КУРГАНА
У НОВОЧЕРКАССКА

Среди предметов, использовавшихся на тризне в Садовом кургане, был обнаружен бронзовый большой котел с широким устьем, остросереберным туловом и округлой нижней частью без поддона. В отличие от литых котлов сарматского типа издаваемый котел составлен из кованных полос металла, склепанных на остром ребре тулова при соединении с округлой нижней частью. Вокруг устья котла проложен железный обод, стягивающий кованую полосу. Две ручки, также из железа, выполнены в виде горизонтальных выступов с петлями, в которые продеты большие железные кольца (рис. 22). Клепанные котлы с железными ободками и ручками в виде колец известны как кельтские котлы¹. Техника клепки выделяет их среди других металлических сосудов, распространенных в Западной Европе.

Датировка кельтского котла из Садового кургана очень затруднена. В книге Эггерса, исследовавшего обильный западный материал, идентичной формы нет. Нам известны пока всего три экземпляра кельтских котлов, сходных с нашим. Почти идентичный по форме котел происходит из кастеля Кёнген (находка опубликована в 1907 г.). В работе «Три бронзовых сосуда раннего периода переселения народов из Бензгейма, Штаркенбург» Ф. Бен дает типологию котлов, в ряду которых определенное место отводится наиболее важному для нас котлу из Кёнгена². Описывая его, Ф. Бен отмечает, что такой же котел был найден в Эльзасе. Котел из Кёнгена датируется им временем разрушения Лимеса, второй половиной III в. н. э., точнее около 260 г. н. э. При этом основания этой датировки не раскрываются³. Несмотря на очень большую близость котлов из Кёнгена и из Садового кургана, мы затрудняемся отнести нашу находку ко второй половине III в. н. э. Этому противоречит прежде всего весь инвентарь из Садового кургана. Не согласуется с данной датой ни литой сарматский котел⁴, ни глиняная амфора широко распространенного типа, обычно датирующаяся I в. до н. э.— I в. н. э.⁵

¹ Н. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, стр. 42; кольца ручек служили для подвешивания. Ср.: P. Vouga. La Tene. Leipzig, 1923, табл. XXVII, 1, 2, 5.

² F. Behn. Drei Bronzegefäße der frühen Völkerwanderungszeit von Bensheim, Starkenburg, Germania, 1936, Н. I, стр. 125, стр. 123, рис. 1 г.

³ Там же, стр. 126.

⁴ С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА, вып. 103, стр. 50. E. D. Phillips. The Royal Hordes nomad peoples of the steppes.— London, 1965, стр. 103, рис. 119.

⁵ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXVII, 61а, Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, табл. XV, 4; М. И. Вязьмитина, Золота Балка. Київ, 1962, стр. 156, рис. 71, 30.

В своей типологии котлов Ф. Бен исходит из двух основных форм кельтских котлов из Кёрхова. Оба котла клепаные⁶. От них он производит два типологических ряда. Но при этом не учитываются особенности техники их изготовления. В типологических рядах представлены котлы, сработанные в технике клепки и в технике литья. Говоря о клепаных котлах, Бен неоднократно отмечает, что они изготовлены в старой технике, но при этом подчеркивает, что технические детали не имеют значения для определения времени, что эти детали чисто конструктивны⁷. С этим трудно согласиться.

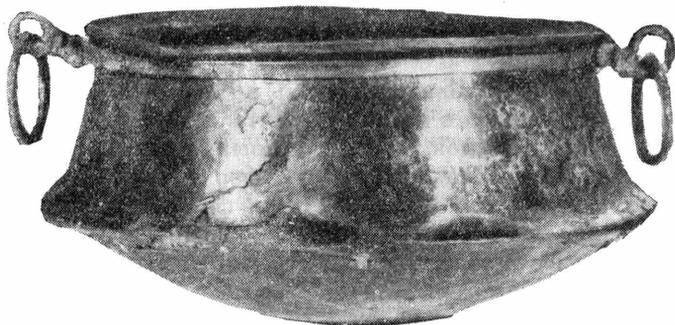

Рис. 22. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска

Старая техника, о которой говорит Бен, и есть техника выработки клепаных котлов, характерная для более раннего времени, чем техника литья котлов. Бен исследовал материал времени раннего переселения народов, т. е. уже в какой-то степени выходящий за рамки античной эпохи. Возможно, что поэтому он не приводит другие находки котлов более раннего времени. Близкая форма для типологического ряда Кёнген, Зольхейм, Вормс происходит из Мекленбурга⁸.

Высокое развитие металлообрабатывающего, а также и керамического производства у кельтов общеизвестны⁹. Кельтская форма котла из Садового кургана и из Кёнгена подтверждается и формами типичной кельтской керамики, распространенной, например, в местах обитания кельтов на территории Чехословакии. Среди кельтской керамики известна значительная группа сосудов с остросереберным туловом и округлой нижней частью, относящаяся к концу II и I вв. до н. э.¹⁰ Сосуды этой группы очень напоминают форму котла из Садового кургана, но принадлежат они значительно более раннему времени, чем котел Кёнгена, датированный Беном временем около 260 г. Но на территории распространения указанных форм керамики в конце II—I вв. до н. э. бронзовых котлов не найдено. Тем не менее необходимо отметить близость кельтских керамических форм кельтским бронзовым котлам в столь раннее время.

В связи с выяснением даты кельтского котла из Садового кургана наибольший интерес представляет комплекс металлических сосудов из Помпей (Casa dei Capitelli Figurati)¹¹. В этом комплексе представлены три сходных бронзовых сосуда, три кельтских котла, два из которых очень напоминают формы типологического ряда Бена — Кёнген, Зольхейм, Вормс. Помпейские

⁶ Ф. Бен. Указ. соч., стр. 124.

⁷ Там же, стр. 126.

⁸ Н. J. Eggers. Указ. соч., табл.

⁹ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 111 и сл.

¹⁰ В. Venadik, E. Vlček, C. Ambros. Keltské Pohřebiská no juhozapadnom Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 163, табл. XI, 11; стр. 167, табл. XV, 27; стр. 171, табл. XIX, 1.

¹¹ H. Willers. Neue Untersuchungen Über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover und Leipzig, 1907, стр. 71, рис. 41, 1, 2, 3.

находки, естественно, не могут быть позднее 70-х годов I в. н. э. Бен упоминает об этом комплексе и объясняет наличие сходных форм в I в. н. э. и во второй половине III в. н. э. (котел из Кёнгена) живучестью их¹². Не отрицая живучесть форм, мы, однако, должны особо подчеркнуть, что типы котлов, близких по форме кельтскому котлу из Садового кургана, а также котлу из Кёнгена, бытовали значительно раньше III в. н. э. Виллерс, опубликовавший комплекс из Casa dei Capitelli Figurati, не дает ему точной датировки. Он считает, что такие ценные предметы могли очень долго храниться у владельцев. Но все же, по его мнению, опубликованный комплекс принадлежит более раннему времени, чем остальной, исследованный им материал¹³.

Недавно К. Хоредт опубликовал очень интересный комплекс, добытый еще в 1840 г. и хранящийся в музее Брюкенталь. В этом комплексе имеется серия металлических сосудов, среди которых представлен и бронзовый кельтский котел, также очень близкий по форме котлу из Садового кургана; несколько отличается форма устья и форма укрепления кольцевой ручки¹⁴. Кельтский котел из Брюкенталя, найденный в комплексе начала н. э., позволяет нам с полной уверенностью полагать, что и котел из Садового кургана относится к значительно более раннему времени, чем котел из Кёнгена. Но возможно, что котел из Кёнгена нуждается в некоторой передатировке¹⁵.

Находки из Помпей, как и находка из Брюкенталя, показывают, что кельтские котлы с острореберным туловом изготовлялись в начале н. э., а может быть и ранее. Кельтский котел из Садового кургана, найденный в комплексе, принадлежащем, вероятно, эпохе Августа, не противоречит датировкам указанных находок из Помпей и из Брюкенталя.

Несмотря на хорошую изученность кельтского металлического производства, вопрос о центре или центрах происхождения кельтских котлов пока не решен. Виллерс считал, что они происходят из Южной Италии или из района Аквилеи. Некоторые исследователи полагали, что родиной их являлась Западная Европа вообще. Бен справедливо отмечает, что техника клепаных котлов была неизвестна на севере и процветала на юге¹⁶.

Вероятно, ближе всех подошел к решению этого вопроса Эггерс, который полагает, что импорт кельтских бронзовых сосудов, шедший в Германию вместе с южноиталийским импортом, поставлялся туда через посредство кельтских торговцев. Германским потребителям никогда не было ясно, что различного рода бронзовые сосуды, которые они получали через посредничество кельтов, происходили из двух различных округов мастерских. В первое время занятия Галлии римлянами кельтская торговля продолжала играть большую роль, и кельтские мастерские еще работали на старый лад. Только на рубеже н. э., когда римские легионы оккупировали территорию до Эльбы, римские торговцы стали вытеснять кельтских. Тесный контакт между германцами и римлянами наступил после того, когда области южного Дуная стали римскими. Но еще какое-то время в I в. н. э. кельтские мастерские продолжали работать в привычной технике, вырабатывая клепаные котлы с железными обручами, пока в Галлии стали применять италийскую технику производства бронзовых сосудов¹⁷. В связи с изложенной точкой зрения Эггерса следует подчеркнуть, что он говорит

¹² F. Behn. Указ. соч., стр. 127.

¹³ H. Willers. Указ. соч., стр. 71.

¹⁴ Kuhrt Horedt. Un depozit de vase de metal din epoca Dacică de la Gușterița-Sibiu. Studi și Comunicăți, 12, Arheologie-Istorie. Sibiu, 1965, стр. 35—45, рис. 1, 3; рис 3, 3.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить благодарность И. Вернеру, обратившему мое внимание на находку из Кёнгена.

¹⁶ F. Behn. Указ. соч., стр. 127.

¹⁷ H. J. Eggers. Указ. соч., стр. 42.

лишь о I в. н. э. (даже не о всем первом столетии), в течение которого еще продолжалось производство кельтских котлов с железными обручами, имея в виду находки из Кёрхова.

Еще большую трудность, чем датировка котла из Садового кургана, представляет вопрос о путях, посредством которых эта находка попадала в Нижнее Подонье. Эггерс открыл пути проникновения италийского импорта и кельтских изделий на основании изучения огромного материала с неоднократно повторяющимися предметами. Этот материал убеждает, что кельтские изделия, в том числе и котлы, распространялись в результате налаженных торговых связей. В местах обитания сарматов в Восточной Европе находки кельтских котлов единичны. Котел из Садового кургана пока является уникальной находкой.

Едва ли можно думать, что он попал в нижнедонской курган в результате оживленной торговли с кельтскими центрами производства металлических сосудов такого рода. В Боспорском царстве, как и в степях, окружавших древнегреческие города, известно живое общение с галатами в конце III—II—I вв. до н. э.¹⁸

Кельтский котел из Садового кургана, возможно, попал в южнорусские степи вместе с кельтскими наемниками. Кельтский отряд воинов был в армии Митридата¹⁹. В своих военных планах Митридат рассчитывал опереться на союзные варварские племена и возлагал большие надежды на помощь кельтских племен²⁰. Очевидно, с появлением кельтских наемников связаны и находки в причерноморских и приазовских степях кельтских шлемов, как, например, шлем I в. до н. э. с Нижнего Побужья²¹.

---

¹⁸ Н. И. Соколовский. О боспорских щитах. КСИИМК, вып. 58; 1955, стр. 22; Т. Н. Книпович. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена. ВДИ, 1966, № 2, стр. 145, 149; В. И. Пругло. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов. «Культура античного мира», 1966, стр. 208.

¹⁹ App. Mithr. III.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, 1949, стр. 310.

²¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 90, рис. 27.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Д. БЕЛОВ

СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ В ХЕРСОНЕСЕ

В 1963 г. раскопки в 14 квартале впервые дали указания на местное производство стеклянной посуды в Херсонесе¹. В 1965 г. раскопки в квартале были продолжены и ознаменовались новыми, еще более убедительными материалами, относящимися к стеклоделанию. В подвальном помещении, вырубленном в материке, оказалась масса предметов от разрушенной стеклоделательной мастерской. Разрушена она была, по-видимому, при постройке базилики в VI в. н. э., при этом остатки печи и мастерской были брошены в подвал (подобные подвалы, характерные для домов эллинистического времени, устраивались для хранения продуктов). Глубина подвала 1,70 м, доступная его длина и ширина $1,20 \times 1,20$ м, другая его часть перекрыта стеной базилики и стеной жилого дома средневековой эпохи. Стены эти покоятся на завале подвала, поэтому раскопки под ними были невозможны. Лишь после того как под стены базилики была подведена балка с опорами, раскопка была несколько расширена. Подвал был заполнен землей, глиной, камнями, массой черепиц и предметов, перечень которых дается ниже.

На обломках черепиц римского времени находился слой приставшей к ним глины или известкового раствора, на многих были потеки стекла. Вместе с черепицей лежали в большом количестве куски глины с потеками и вкраплениями стекла, некоторые из них на вогнутой стороне покрыты слоем стекла, наружная же поверхность имела округлую форму. Весь завал в подвале насыщен кусками стекломассы: здесь найдены амфорные ноздреватые куски — очевидно, хальмоза, пена, которая сбрасывалась на поверхности стекла при его варке; толстые куски — глыбы стекла — иногда с приставшей к ним с одной стороны глиной; множество мелких кусков — отходов производства — нити, капли, трубочки, обрывки, смятые горлышки и т. п. Вместе с ними в подвале лежали фрагменты готовой продукции — стеклянной посуды и плоского листового стекла.

Образцы черепиц и кусков глины с потеками стекла, а также стекломассы и готовых изделий были подвергнуты анализам в лаборатории Ленинградского завода художественного стекла. Результаты анализов следующие (образцы огнеупоров):

	Образец № 1	Образец № 2 (в %)
SiO ₂	65,86	65,72
Al ₂ O ₃	10,25	15,59
Fe ₂ O ₃	4,50	1,39
CaO	10,86	10,36

¹ Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе. СА, 1965, № 3, стр. 237.

	Образец № 1	Образец № 2
MgO	1,86	1,19
R ₂ O	3,40	2,19
потери при прокаливании	2,66	4,54

Результаты анализов характерны для глин с относительно низкой огнеупорностью. По внешнему виду образцов и по данным анализов можно с уверенностью сделать заключение о том, что из сырой глины был выполнен варочный бассейн стекловаренной печи, обожженный уже в процессе эксплуатации печи. Низкая огнеупорность глины способствовала проникновению стекломассы в толщу варочного бассейна.

Анализ черепицы с натеками стекломассы показал меньшую потерю при прокаливании, всего лишь 0,62%, что свидетельствует об эксплуатации черепицы при более высокой температуре; несомненно, что черепица находилась в подовой или в сводовой части печи. Более высокое содержание в черепице Al₂O₃ (около 20%) соответствует требованиям к повышенной огнеупорности сводового перекрытия печи.

Анализ бесформенных кусков стекла (так называемый эрклез), глыб стекла и фрагментов готовых изделий дали следующие результаты (в %):

SiO ₂	— 65,5—69,86
R ₂ O	— 18,83—21,12 (окислы калия и натрия)
RO	— 8,6—8,9 (окислы кальция и магния)
R ₂ O ₃	— 0,86—3,5 (окислы алюминия и железа)

Такое соотношение компонентов характерно для стекла с относительно низкой температурой варки (около 1300°). Все образцы имели с поверхности сильное выщелачивание, т. е. их поверхность была обеднена окислами щелочных и щелочноземельных металлов и обогащена кремнеземом. Исходная стекломасса содержала SiO₂ — 60—65%, R₂O — 20—25%, RO — 10%. Это соответствует техническим возможностям того исторического периода — при интенсивном дутье мехами в печи на твердом топливе (дрова) можно получать температуру до 1300—1350°, вполне достаточную для варки стекла данного состава.

Заключение лаборатории гласит: представленные образцы позволяют сделать абсолютно достоверный вывод о том, что в данных раскопках найдены остатки мастерской, в которой производились различные относительно сложные изделия из стекла, стекломассы, которая наваривалась тут же, в стекловаренной печи. Производилась также и некоторая холодная обработка изделий.

Донышки сосудов большей частью имеют кольцевую подставку (рис. 23, а—в), образованную при изготовлении сосуда путем загибания стенок пузыря в два слоя, между которыми в изломе видна пустота; дно снизу вогнуто, внутри же — соответственно конически выпуклое. Диаметр кольцевой подставки колеблется в пределах 3—4,5 см. Подобный тип донышек аналогичен опубликованным в статье Н. П. Сорокиной². Выделяется своей толщиной обломок подставки (рис. 23, у). В меньшем числе найдены донышки без кольцевой подставки, выпукло-вогнутые (рис. 23, е), близкие типу Б в Тмутаракани³. Один фрагмент принадлежит массивному донышку, плоскому снизу и сильно выпуклому внутри (рис. 23, д).

Края сосудов в большинстве отогнуты наружу, венчики их утолщены (рис. 23, ж—н), их профиль близок образцам из Тмутаракани⁴, лишь

² Н. П. Сорокина. *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М., 1962, рис. 4, б—9.

³ Там же, рис. 4, 17—18.

⁴ Там же, рис. 1, 2, 5—7; рис. 4, б, 15.

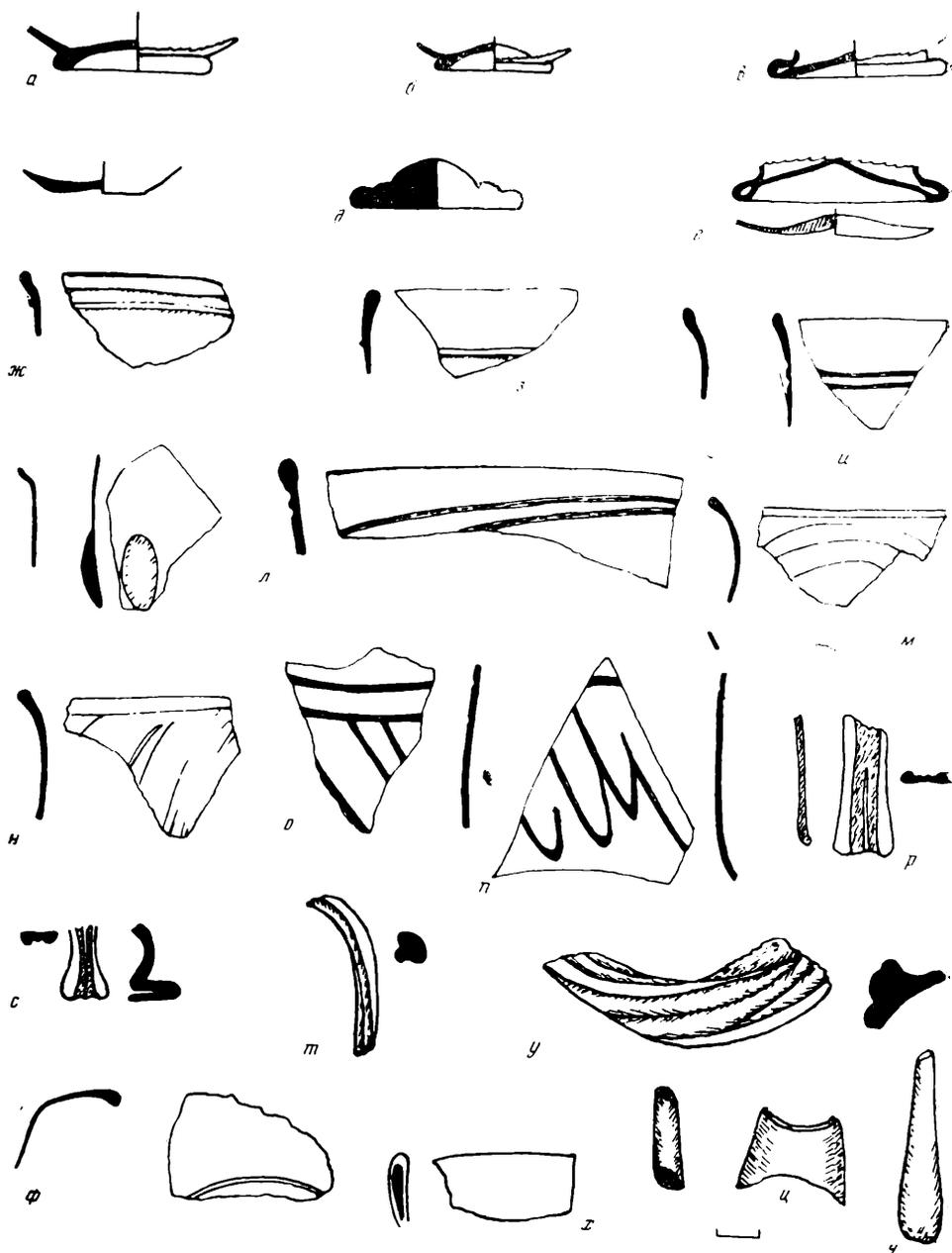

Рис. 23. Херсонес. Фрагменты стеклянных сосудов

один край слегка загнут внутрь (рис. 23, в) и один край очень сильно отогнут наружу (рис. 23, ф). Стенки сосудов украшены поясками — рельефными (рис. 23, ж, з) или врезанными (рис. 23, и, л); на двух обломках, принадлежавших, вероятно, одному сосуду, узор нанесен в виде косых штрихов и горизонтальных поясков вверх, исполненных гравировкой (рис. 23, о, п). На одном фрагменте имеется рельефный овал голубого цвета, напаянный на стенку сосуда (рис. 23, к). Цвет стекла зеленоватый, иногда голубоватый, край большой чаши — бесцветный, с матовой поверхностью. Доньшки

на кольцевой подставке принадлежали, очевидно, стаканам, тип которых известен по Инкерманскому могильнику⁵.

Немногие ручки имеют в сечении ребра по краям и желобки между ними (рис. 23, р, с); одна из ручек, судя по ее изгибу (рис. 23, с), могла принадлежать сосуду типа канфара из Танаиса⁶.

Помимо фрагментов посуды, найдены осколки плоского оконного стекла толщиной 2—3 мм.

С открытием стеклоделательной мастерской можно предполагать, что аналогичные по форме и технике стеклянные сосуды, найденные в предыдущие годы в цистернах и позднееримских слоях, являются местной продукцией, в частности, стаканы с кольцевым поддоном, а также листовое стекло. Следует отметить отсутствие в подвале подставок с ножкой от рюмкообразных сосудов⁷, которые, например, в цистерне Л в соседнем квартале (в 1961 г.) были найдены в количестве около 130 штук.

Возникает вопрос о времени существования мастерской. По материалам, происходящим из Тамани, Инкермана, Пантикапея, Харакса и других мест, фрагменты херсонесской мастерской следует отнести к IV в. н. э. На ту же дату указывают керамика и монеты, вместе с которыми лежали в подвале предметы из мастерской.

Амфоры, обломки которых найдены в большом количестве, принадлежат двум основным типам: узкогорлым из светлой глины, обычно с красными знаками⁸ (на горле двух амфор имеются надписи), и широкогорлым⁹, с острым коническим дном. Одна из амфор (высота 0,69 м) реставрирована полностью; у нее короткое горло, широкий корпус и острая ножка (рис. 24), она отличается формой¹⁰ от боспорских амфор, но фактура ее та же.

Рис. 24. Херсонес. Амфора

⁵ Н. П. Сорокина. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1962, рис. 4, 6; Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника. ИАДК. Киев, 1957, стр. 224, рис. 5. Могила 37, в ней найдены две монеты Константина I. Профиль некоторых стенок аналогичен стакану из Харакса (В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, № 19, 1951, стр. 275, рис. 14, 5—6). Среди материалов из стекловаренной мастерской, открытой Т. Н. Высотской на городище Алма-Керман (в юго-западном Крыму), лишь немногие могут быть привлечены для сравнения, например доннышко на кольцевой подставке, фрагмент стенок с гравировкой в виде поясков и рельефных нитей (Т. М. Высотская. Про виробництво скла і пізнюантичному Криму. «Археологія», XVI. Київ, 1964, стр. 7, рис. 9, 2, 12, 18, 32; рис. 11, 13).

⁶ Н. П. Сорокина. Стекланный сосуд из Нижнего Поднестровья. КСИИМК, вып. 89, 1962, рис. 40, 4.

⁷ Н. П. Сорокина. Керамика и стекло древней Тмутаракани, рис. 7, 9.

⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XII, 104, 105; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 170, стр. 96, рис. 64, рис. 114, 4; Е. В. Веймарн. Указ. соч., стр. 229, рис. 12; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 73, рис. 28А.

⁹ И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XXXV, 84 б; табл. XXXVIII, 96.

¹⁰ И. Б. Зеест. Указ. соч., табл. XXXVIII, 95, стр. 118 и сл., В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 96, рис. 114, 1—3. Аналогичная амфора найдена в Херсонесе в 1961 г.

Помимо амфор, найдены верхняя часть кувшина с красной обмазкой, краснолаковые и буролаковые миски, фрагменты блюд на низкой подставке, покрытых матовым красным лаком; такие блюда в большом количестве обнаружены в Херсонесе, в Ольвии и на Боспоре и относятся к IV в. н. э.¹¹

Найденные в подвале шесть светильников — одного типа: маленькие, примитивного вида, без изображений и без лака. Совершенно одинаковые светильники были найдены в 1948 г. в здании винодельни, в подвале, с монетами IV в.¹²

В засыпи подвала оказались и другие предметы: части большого мраморного блюда с профилированным краем, обломки массивных глиняных водопроводных труб, точильные бруски, глиняное пряслице, пастовые бусины, украшенные желтой нитью, костяной кружок-шашка, медные пряжки, медные и железные гвозди и пр.

Монеты, в количестве 23 экз., оказались следующие: 2 монеты Константина I, 15 монет его сыновей (более точное определение невозможно из-за плохой сохранности), 6 монет Констанция II. Таким образом, ни одна монета не выходит за пределы 360-х годов.

Сопоставление фрагментов стеклянной посуды из мастерской Херсонеса с аналогичными по типам сосудами из других центров (Тамани, Инкермана, Пантикапея, Харакса и др.), а также с керамикой (амфоры, блюда) и монетами, найденными вместе с остатками мастерской, позволяют прийти к заключению, что стеклоделательная мастерская в Херсонесе действовала в течение IV в. н. э., но, возможно, и позднее, до момента разрушения ее при постройке базилики.

При просмотре фондов Херсонесского музея обнаружены материалы, происходящие из раскопок прежних лет из разных мест города, аналогичные описанным. Это дает основание предполагать, что в Херсонесе существовало несколько мастерских по производству стеклянных изделий.

---

¹¹ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 319, рис. 12, 13; стр. 123, рис. 153; Е. В. Веймарн. Указ. соч., стр. 229, рис. 11; Г. Д. Белов. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э. Античный город. М., 1963, стр. 65, рис. 2, 3.

¹² Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА, № 34, 1953, стр. 193, рис. 42 в.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

АНТИЧНАЯ БАШНЯ НА ГОРОДИЩЕ БЕЛЯУС

В 1964—1965 гг. Донузлавская экспедиция ИА АН СССР и Евпаторийского музея, проводящая систематические исследования памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму, полностью раскрыла древнегреческую башню на городище Беляус, в 41 км к северо-западу от Евпатории, на самом берегу моря¹.

Раскопки городища были начаты нами в 1962 г. и продолжены совместно с Херсонесским музеем в 1963 г.² В результате этих первых небольших работ в юго-западной части городища были выявлены три угла квадратной в плане башни; открыты южная ее стена, от которой сохранился только фундамент, западная и частично — восточная. Северная же стена, наиболее удаленная от моря, осталась нераскрытой. Нетронутой оставалась и вся внутренняя часть башни.

Тогда же была обнаружена и кладка второго строительного периода, непосредственно примыкающая к западной стене башни. Подошва ее лежит на 0,75 м выше уровня глинистого материка, на котором построена башня.

Было ясно, что мы имеем дело с первоклассным памятником античной фортификации. Об этом свидетельствовала великолепная рустованная облицовка западной стены башни (рис. 25, 1), замечательной особенностью которой явились метки каменотесов, высеченные на лицевой поверхности каждого квадрата. Мощный двухметровый фундамент указывал на большую первоначальную высоту сооружения.

В 1964 г. мы провели основные работы в башне, а в 1965 г. завершили ее исследование³. Оказалось, что северная и восточная стены башни сохранились еще лучше, чем ранее открытая западная: до четырех рядов облицовки, общей высотой вместе с цоколем 2,06 м. В плане башня образует почти совершенный квадрат: восточная и западная стены имеют длину по 10,75 м, южная — 10,80 м, северная — 10,63 м.

Высота цоколя башни — 0,25 м, а высота рядов облицовки уменьшается снизу вверх и составляет соответственно 0,50 м, 0,47 м, 0,44 м и 0,40 м. Толщина стен, сложенных насухо из тесаных квадров оолитового понтического известняка, 0,92—0,98 м. Кладка выполнена, как правило, логом

¹ В раскопках, кроме автора, участвовали Ю. Г. Виноградов (МГУ), Ю. А. Лифшиц (Киев), В. М. Маликов (Симферополь), И. П. Филимонова (ГИМ), художники В. Ю. Есаулов и И. Я. Соколов (Москва), а также студенты-практиканты Марийского ГПИ, силами которых выполнены основные земляные работы.

² О. Д. Дашевская. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 151, рис. 54; О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, № 2.

³ О. Д. Дашевская. Раскопки в Северо-Западном Крыму. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 119, 120.

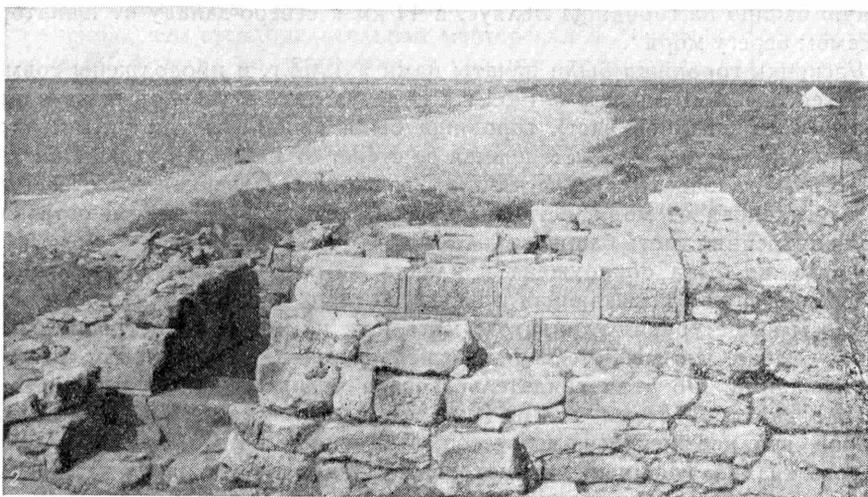

Рис. 25. Городище Беляус. Башня. Вид с северо-запада (1) и с востока (2)

(тычки зафиксированы лишь в двух случаях). Квадры почти все без пирионов. Кое-где с внутренней стороны стены доложены сравнительно небольшими плитами.

Внешняя сторона северной и восточной стен башни оказалась закрытой дополнительно пристроенным панцирем (рис. 25, 2). Как теперь выяснилось, ранее раскопанная у западной стены кладка второго строительного периода является частью этого панциря (второго пояса). Нам удалось увидеть лишь верхние квадры восточной стены, где второй пояс башни сохранился на меньшую высоту, чем первый. На рустах трех квадров вырезана греческая буква Ε, причем на двух — в перевернутом положении; на одном квадре читается испорченная выветриванием угловатая буква Β. Таким образом выясняется, что на восточной стене башни, как и на западной, метки каменотесов⁴ высечены на каждом квадре. Надо полагать, что они были на всех стенах башни.

⁴ О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Указ. соч., стр. 250—252, рис. 4, 5.

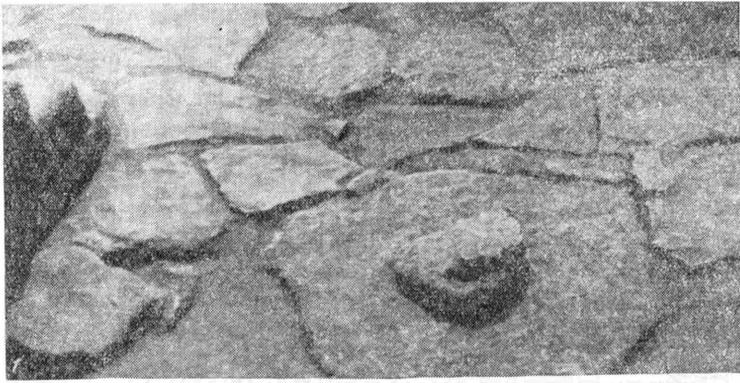

Рис. 26. Городище Беяус. Интерьеры башни

1 — верхняя вымостка и колодец в северо-восточном помещении; 2 — тарапан и ступа; 3 — зерновая яма и дверной проем в северо-западном помещении; 4 — лестница и колодец после снятия верхних вымосток

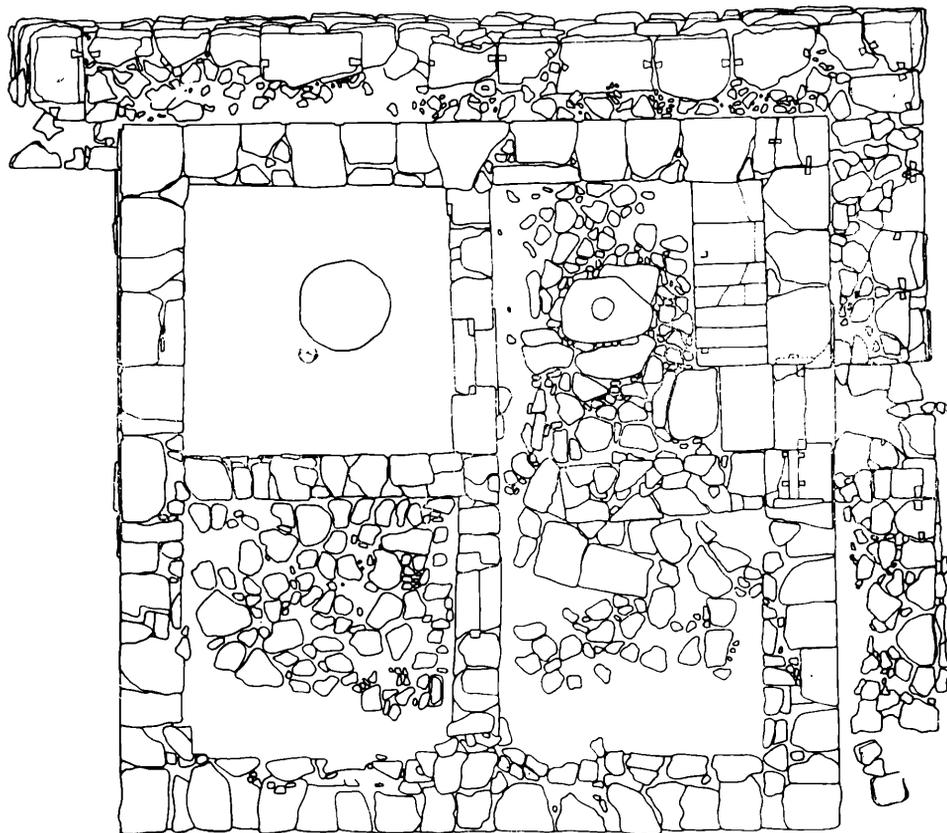

Рис. 27. Городище Беляус. План башни

Вход в башню был с восточной стороны (см. рис. 25, 2). Внутри башни вели три большие ступени, причем верхние две (порог) выселены из одной цельной плиты, общей толщиной 0,25 м. Квадры восточной стены башни, оформляющие боковые стороны дверного проема, имеют вырезанные углы (рис. 26, 4) — косяки для крепления дверной рамы, которым соответствуют пяточные прямоугольные пазы во второй ступени. Ширина дверного проема (на пороге) — 1 м, а расстояние между косяками на уровне второй ступени — 1,30 м. По такому же принципу устроены и дверные проемы во внутренней стене башни (рис. 26, 3). С южной стороны входа в башню сохранился квадрат с прямоугольным пазом для дверного засова. Дверь, надо полагать, была двустворчатой.

В башне оказалось четыре почти равных по площади помещения (рис. 27), но несомненно то, что первоначально их было три: восточное, занимавшее половину башни, и два западных. Внутренняя стена, отделяющая восточную половину от западной, сложена из тесаного камня, толщина ее 0,70 м. Она, как и внешние стены, положена на фундаменте. В ней вышеописанным способом устроены два дверных проема, соединявших восточное помещение с северо-западным (см. рис. 26, 3) и юго-западным. Стена, разделяющая западные помещения, носит следы перестройки: верхняя сохранившаяся ее часть доложена рваным камнем. Из такого же рваного камня возведена перегородка, разделившая пополам восточное помещение. Подошва ее лежит поверх первоначальной вымостки, а проем между северо-восточным и юго-восточным помещениями не имеет специального оформления: просто перегородка не доведена на 0,90 м до внутренней стены, идущей с севера на юг.

В северо-восточном углу башни находится лестница (рис. 26, 4). Она насчитывает шесть каменных ступеней, заканчивающихся маршевой площадкой, откуда деревянная лестница должна была вести на второй этаж. Высота каменной лестницы 1,60 м, ширина — 1,06 м. Ступени тщательно отесаны и обработаны по свободной щеке в технике руста. Русты лестницы, как и наружной облицовки башни, окаймлены снизу и с боков. Два опорных квадрата имеют вырезанные углы, в которые вставлены ступени, что обеспечивает горизонтальное положение последних. Под лестницей устроена ниша.

В башне прослежены три последовательных уровня полов. Нижний (первый) в северо-западном помещении глинобитный, а в остальных представляет собой вымостку из каменных плит; верхние два пола (второй и третий) глинобитные, за исключением южной части северо-восточного помещения, где находился колодец, что требовало постоянного мощения.

Колодец отлично сохранился: он оказался закрытым каменной крышкой (рис. 26, 1), предохранившей его от засыпи землей. Диаметр устья очень невелик — 0,36 м. Диаметр дна — 1 м, глубина — 4,50 м. Стенки и дно выложены камнем, устье завершается венцом — массивной каменной плитой, первоначально возвышавшейся над второй вымосткой (рис. 26, 4), а затем как бы вписавшейся в третью (рис. 26, 1).

Вода в колодце на вкус солоноватая, что объясняется приближением моря к башне в результате постепенного повышения его уровня. Археологические наблюдения здесь хорошо согласуются с данными геологии⁵ и позволяют конкретизировать их.

На третьем полу северо-восточного помещения (уровень его на 0,80 м выше первого пола) рядом с колодцем стоял круглый известняковый тарапан диаметром 0,60 м; около него лежала упавшая ступа (рис. 26, 2). Хозяйственный характер помещения в последний период жизни в башне дополняется найденным здесь железным орудием — однолезвийным копьевидным ножом с длинной втулкой. Среди прочих находок надо попутно отметить бронзовую герму (верх ключа) и лепной ладьевидный светильник с ручкой.

В юго-восточном помещении на уровне второго пола один из углов огорожен поставленными по дуге камнями. В северо-западном помещении на том же уровне подобные загородки, очевидно, хозяйственного назначения, сделаны во всех четырех углах. С этого же уровня в помещении прослежена большая зерновая яма (рис. 26, 3). Глубина ее 2,60 м, диаметр дна 1,40 м. В стенке вырыта ниша для установки светильника. Почти на всю глубину яма оказалась заполненной зерном, главным образом мягкой пшеницей. Встречено, кроме того, довольно много проса и отдельные зерна ржи⁶. На полу также попало в большое количество зерно, рассыпанное около ямы. Такая же картина наблюдалась и на нижнем полу помещения. Следовательно, яма относится к первому строительному периоду башни IV в. до н. э. и продолжала использоваться в течение второго периода. С этим согласуется находка на дне ее горла родосской амфоры с клеймом Агоракта, датируемым по Пергамскому комплексу между 220 и 180 гг. до н. э. На верхнем полу помещения обнаружена в обломках светлоглиняная узкогорлая амфора I в. н. э., дающая наряду с другими материалами основание для датировки последнего периода.

Простроенный не позже II в. до н. э. противотаранный пояс резко отличается от первого. В кладке его вторично использованы рустованные квадраты и камни с вырезанными углами. Следовательно, когда строился второй пояс, верхняя часть первоначальной башни была разрушена и после

⁵ В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М.—Л., 1960, стр. 197.

⁶ Определение Н. А. Кирьяновой.

Рис. 28. Городище Беляус. Афродита (терракота)

вторичного укрепления башня не достигла прежней высоты. Общая толщина стен превысила 2,5 м. Вход остался на прежнем месте.

Второй оборонительный пояс состоит из забутовки, прилегающей непосредственно к рустам, и огромных панцирных камней, грубо обработанных и удлиненных по горизонтали до 1,50 м (рис. 25, 2). Для крепления этой кладки служили не только глиняный раствор, но и деревянные пироны типа «ласточкиного хвоста». Характерной особенностью панциря является его пирамидальность, созданная сужением рядов сверху и скошенностью наружной боковой грани каждого камня. Толщина панциря вместе с забутовкой в основании (нижний ряд являлся фундаментом) — 1,70 м, в верхнем уцелевшем четвертом ряду — 1,20 м. Наибольшая высота — 1,30 м. Длина полностью сохранившейся в плане северной стены второго пояса — 13,80 м. Восточная и западная стены его дошли до нас лишь в северной их части. С южной стороны ни-

каких следов второго пояса не обнаружено, но здесь и от стены первоначальной башни остался только фундамент.

К северо-западному углу второго пояса башни с севера примыкает оборонительная стена, образующая одну линию с западной стеной второго пояса. Ее исследование будет одной из важнейших задач при продолжении раскопок, равно как и поиски оборонительной стены первого строительного периода.

С восточной стороны башни раскрыта вымостка из крупных каменных плит, лежащая на материке и относящаяся к первоначальной башне. Здесь же обнаружены незначительные остатки ранних зданий. В золистом слое, покрывавшем вымостку, перед входом в башню, среди многочисленной античной керамики II в. до н. э. найдены две культовые терракотовые статуэтки. Одна из них изображала Афродиту, другая — Геракла.

Протома Афродиты (рис. 28) сохранилась полностью. Высота ее 14,4 см. На голове богини чашевидный калаф и стефана; за плечами, с которых ниспадает хитон, на плоских овальных выступах рельефом схематично изображены лица, по всей вероятности, Эротов. Внутри статуэтка полая. Наиболее близкие, хотя и не полные, аналогии она находит в Ольвии. Среди ольвийских терракот имеется фрагмент — плечо богини в хитоне, с овальным выступом и примитивным ликом на нем, обрамленным лучами⁷. Другая ольвийская терракота, III в. до н. э., — полуфигура Афродиты, также с калафом в виде чаши и Эротами на плечах, но, в отличие от нашей статуэтки, там Эроты даны в виде рельефных фигурок во весь рост⁸. Подоб-

⁷ Любезное сообщение Е. И. Леви.

⁸ А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 189.

ную же трактовку Эротов мы встречаем и на фигурках сидящей Афродиты из Локр (V в. до н. э.)⁹, и на более далекой от публикуемой терракоте из Помпей¹⁰. Судя по заметной грубости исполнения, а также по характеру глины (грубой, серой с белыми включениями), белаяусская полуфигура Афродиты является произведением какого-то местного мастера, восходящим к более ранним классическим образцам.

Последнее, видимо, можно отнести и к изображению Геракла — фрагменту крупной терракоты. Высота фрагмента, представляющего собой торс стоящей фигуры, составляет 12 см. Терракота полая, односторонняя. На плечах героя плоским рельефом показана львиная шкура с завязанными узлом на груди лапами; уцелела одна из лап, а след другой отчетливо заметен по цвету поверхности. Аналогичные по композиции терракотовые изображения Геракла широко известны в античном мире¹¹. На территории Северного Причерноморья культ Геракла был особенно распространен в Херсонесе и Керкинитиде, что отразилось в многочисленных произведениях искусства¹². В самые недавние годы к ним прибавились находки из хоры Херсонеса на северо-западном побережье Крыма: отдыхающий Геракл (известняковый рельеф) из раскопок городища Чайки¹³ и терракотовая палица Геракла из усадьбы Калос Лимена у бухты Ветреной¹⁴. К последним должен быть причислен и белаяусский Геракл.

В первой публикации, посвященной городищу Беляус, мы на основании анализа как архитектурных особенностей облицовки башни, так и находок, датировали его возникновение концом IV в. до н. э.¹⁵ Раскопки внутри башни не дали более раннего материала. В нижнем слое найдено несколько клейменных амфорных ручек конца III — начала II в. до н. э. Кроме упоминавшегося выше родосского клейма (из ямы) ΑΓΟΡΑΝΑΚΤΟΣ ΑΓΡΙΑΝΙΟΥ, в башне найдена ручка родосской амфоры со стертým прямоугольным клеймом. Синопских клейм также два, оба они четырехстрочные: ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ/ΚΛΕΟΝΙΚΟΥ/ΤΟΥ ΜΗΝΙΟΣ/ΑΓΑ [ΦΟΚΛΗΣ?] и ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΥΛΛΟΥ ΤΟΥ/ΦΙΛΙΣΚΟΥ/ ΜΕΝΙΣΚΟΣ; на обоих эмблема — бородастая голова в фас. Одно клеймо херсонесское: ΑΠΟΛΛΑ ΧΟΡΕΙΟΥ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ.

При последних же исследованиях в окрестностях городища найдены синопские клейма и херсонесская монета третьей четверти IV в. до н. э.

Как уже отмечалось, наиболее поздние находки в башне не выходят за пределы I в. н. э. Для последнего периода ее существования характерно обилие лепной керамики, что, возможно, связано с захватом городища скифами.

Если первые раскопки Беляуса в свете письменных источников позволили нам определить городище как одно из укреплений херсонеситов — ΤΕΙΧΗ Херсонесской присяги¹⁶, то теперь выясняется, что представляли собой эти ΤΕΙΧΗ: это были укрепленные усадьбы, напоминающие по ха-

⁹ R. O. Higgins. Catalogue of the terracottas in the British Museum. London, 1954. № 1228, 1229, стр. 334.

¹⁰ E. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, Bd. I. Berlin — Stuttgart, 1903.

¹¹ Там же рис. на стр. 11; т. II, стр. 378, рис. 8; стр. 381, рис. 7, 10.

¹² А. Н. Щеглов. Подвиги Геракла (по памятникам Херсонеса Таврического). Л., 1964; М. М. Кобылина. Глиняный торс Геракла из Херсонеса. «Культура античного мира». М., 1966 (см. также указанную там литературу); М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма. СА, VI, 1940.

¹³ А. Н. Карасев. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 116, 117.

¹⁴ А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос Лимена. СА, 1967, № 3, стр. 254, рис. 16.

¹⁵ О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Указ. соч., стр. 254, 255.

¹⁶ О. Д. Дашевская. Раскопки в Северо-Западном Крыму..., стр. 151, 152; она же. ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3, стр. 153.

рактору фортификации херсонесские однобашенные усадьбы клеров Гераклеяского полуострова. Пирамидальный второй панцирь беляусской башни находит ближайшие аналогии в кладке оборонительных стен и башен второго строительного периода на этих усадьбах¹⁷. Особенностью, отличающей беляусскую башню от большинства гераклеяских, является то, что оба ее пояса составили одно целое и в итоге резко возросла оборонительная мощь сооружения, тогда как почти на всех гераклеяских башнях во II в. до н. э. была произведена перепланировка. Видимо, эта разница объясняется тем, что беляусская усадьба находилась дальше от полиса, на окраине Херсонесского государства, где угроза нападения «соседних варваров» была более ощутимой и заставляла заботиться прежде всего о прочности и неприступности стен.

---

¹⁷ С. Ф. Стрелецкий. Клery Херсонеса Таврического. ХС, VI, 1961.

И. Т. КРУГЛИКОВА

КЛЕЙМА НА АМФОРАХ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ
У ДЕР. СЕМЕНОВКИ

Многолетние исследования, проводившиеся Восточнокерченским отрядом Причерноморской экспедиции ИА АН СССР на территории Европейской части Боспора, позволили выявить серьезные изменения, происходившие в истории сельской территории Боспора в течение III в.¹ Большое число сельских поселений глубинной части Керченского полуострова в это время прекращает свое существование, а на берегах Азовского и Черного морей возникают новые поселения, жизнь на которых продолжается вплоть до III в. н. э., а иногда даже и позже.

Вместе с тем было отмечено, что почти полное отсутствие монет на сельских поселениях эллинистического времени не дает возможности достаточно точно определить время перемещения сельских поселений на новые места. Впервые две медные пантикапейские монеты конца IV и начала III в. до н. э.² были найдены в 1966 г. на поселении у дер. Андреевки, вблизи Багерова³. На большей же части исследовавшихся поселений основным датирующим материалом продолжают оставаться обломки остродонных амфор, находки которых преобладают над всем другим материалом. При этом наиболее точные данные могут быть установлены по амфорным клеймам, систематизация которых за последние годы достигла больших успехов⁴.

Поэтому изучение памятников керамической эпиграфики из сельских поселений Боспора приобретает особо важное значение. Поселение у дер. Семеновки Ленинского р-на Крымской обл. раскапывалось Восточнокрымским отрядом с 1953 по 1962 г. с небольшими перерывами⁵. Подавляющее большинство находок и строительных остатков на данном поселении относятся к первым векам н. э. Но на некоторых участках под слоями первых веков н. э. удалось обнаружить зольники и остатки построек более раннего времени, свидетельствующие о длительной истории этого поселения.

¹ И. Т. Кругликова. Исследования сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, 2, стр. 74.

² Медные монеты: 1) лицевая сторона — голова бородатого сатира вправо, оборотная сторона — протома орлиноголового грифона влево; внизу осетр влево (Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 57—около 330—315 гг. до н. э.); 2) лицевая сторона — голова бородатого сатира влево; оборотная сторона — голова быка влево (Д. Б. Шелов. Указ. соч., табл. V, 63 — начало III в. до н. э.).

³ И. Т. Кругликова. Раскопки на Керченском полуострове. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 110.

⁴ Б. И. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 293; он же. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике. СА, 1966, № 2, стр. 332 и сл.

⁵ И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у дер. Семеновки. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 43 и сл.

Самой ранней находкой на поселении является медная пантикапейская монета, на лицевой стороне которой изображение безбородого сатира в плюшевом венке влево, на оборотной — голова льва влево; внизу осетр. Этот тип монет датируется А. Н. Зографом 325—300 гг. до н. э.⁶ Д. Б. Шелов относит их к 315—300 гг. до н. э.⁷ Но эта монета была найдена внутри помещения III в. вместе с денарием Савромата II, имеющим надчеканку. Поэтому мы не можем только на основании этой монеты относить время появления поселения к IV в. до н. э. Монета могла быть принесена в помещение III в. как случайная находка. Других находок IV в. до н. э. на поселении не было. Более уверенно ранняя дата основания поселения может быть установлена по находкам амфорных клейм. До настоящего времени там были встречены только клейма на ручках родосских и синопских амфор.

Хронология родосских клейм разработана В. Грейс, распределившей эти клейма по шести группам⁸. Основанием для их датировок послужили главным образом данные стратиграфии. Особое значение при этом имели находки в Пергаме в конце XIX в. комплекса клеймных амфорных ручек⁹ и обнаружение склада амфор в Вилланове в 1921 г.¹⁰ Очень интересный комплекс родосских клейм дали раскопки водоема ольвийской агоры¹¹. Опираясь на эти исследования удается датировать большую часть родосских клейм из найденных на поселении у дер. Семеновки.

Всего там обнаружено 28 клейм на ручках родосских амфор. Из них может быть прочитано 18, остальные фрагментарны или сильно сбиты. Наиболее ранним из клейм является родосское клеймо с именем эпонима Аристея¹², датирующееся, согласно классификации В. Грейс, началом III в. до н. э.¹³ Оно выделяется из всей остальной группы клейм значительно более близких по времени. В период между 280 и 220 гг. до н. э. могут быть отнесены два клейма с именем эпонима Ксенофана (рис. 29, 2, 3)¹⁴, но он встречается и на клеймах третьей группы Грейс, т. е. в период от 220 до 180 гг. до н. э.¹⁵ На девяти ручках имеются клейма с именами эпонимов: Энесидами¹⁶ (рис. 29, 4), Калликрата¹⁷ (рис. 29, 5), Теайдета¹⁸ (рис. 29, 6), Симмаха¹⁹ (рис. 29, 7) и фабрикантов Антимаха²⁰ (рис. 29, 8), Сарациона²¹ (рис. 29, 9), Дамократа²² (рис. 29, 10) и Филаиния²³ (рис. 29, 11),

⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, 1, 2.

⁷ Д. Б. Шелов. Указ. соч., табл. V, 61.

⁸ V. Grase. The Eponyms Named on Rhodian Stamps. *Hesperia*, XXI, 1953, стр. 118.

⁹ C. Schuchhardt. Die Inschriften von Pergamon, II. Berlin, 1895.

¹⁰ A. Maiuri. Una Fabbrica di amfore Rodie. *Annuario della Scuola. «Archeologica di Atene»*, v. IV—V (1921—1922). Bergamo, 1924.

¹¹ Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры. «Ольвия». М.—Л., 1964, стр. 225 и сл.

¹² 1959 г., раскоп I, пл. XXVI, штык 1, № 10 (рис. 29, 1).

¹³ V. Grase. Timbres amphoriques trouvés a Délos. BCH, LXXXVI, 1952, II. Paris, 1952, стр. 514 сл.

¹⁴ 1959 г., раскоп I, под стеной 82, № 23 и пл. XXVI, штык 8—9, I 72.

¹⁵ V. Grase. Timbres amphoriques, стр. 525.

¹⁶ 1960 г., раскоп I, пл. VIII, под полом помещения 45, № 215. Клеймо прямоугольное. Эмблема — голова Гелиоса (см.: Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 262, табл. III, 46).

¹⁷ 1960 г., раскоп I, кв. LXXXV, № 105; Е. И. Леви. Указ. соч., табл. VIII, 112.

¹⁸ 1959 г., раскоп I, кв. XXVI, штык I, № 12. Клеймо круглое. В центре — цветок граната.

¹⁹ 1961 г., раскоп VII, штык 2, № 1.

²⁰ 1960 г., раскоп I, кв. 1, LXXXV, № 169; 1958, раскоп II, штык 7, № 212; аналогичные в Ольвии (см.: Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 234, табл. XIV, 197 и 201).

²¹ 1958 г., раскоп II, штык 6, № 221; Е. И. Леви. Указ. соч., табл. XXI, 307.

²² 1960 г., раскоп I, кв. LXXXV, № 191; клеймо круглое с цветком граната в центре; Е. И. Леви. Указ. соч., табл. XVI, 226.

²³ 1958 г., раскоп II, штык 4, № 220.

Рис. 29. Семеновка. Керамические клейма

встречающихся среди клейм пергамского комплекса 220—180 гг. до н. э. и комплекса III—II вв. до н. э. из водоема ольвийской агоры²⁴. Кроме того, найдены клейма с именами эпонимов: Археброта²⁵ и жреца Ферсандра²⁶ (рис. 29, 12), которые В. Грейс относит ко второй половине II в. до н. э., а первое из них встречается также и в конце II—начале I в. до н. э.²⁷, Аполлония²⁸ (рис. 29, 13).

Среди родосских клейм имелись также клейма фабрикантов: Бромия²⁹

²⁴ Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 225 и сл.

²⁵ 1957 г., шурф 2, штык 5, № 364.

²⁶ 1960 г. раскоп I, кв. LXXV, № 104.

²⁷ V. Grise. Указ. соч., стр. 528.

²⁸ 1959 г., раскоп I, кв. LV, штык 6, № 75.

²⁹ 1960 г., раскоп I, кв. VIII, XI, № 126; известно на Делосе (см.: V. Grise Указ. соч.).

с эмблемой — венки (рис. 29, 14), Калликрата³⁰ (рис. 29, 15), Никарха³¹ (рис. 29, 16), Тера³² (рис. 29, 17), Фания³³ (рис. 29, 18) и, возможно, Онасима или Онасийока, от имени которого сохранились только две первые буквы. Найдено также клеймо на ручке амфоры очень похожей на родосскую, но аналогий ему среди родосских клейм нет (рис. 29, 19)³⁴.

Из других центров клеймивших амфоры на поселении у дер. Семеновки представлена только Синопа. Всего было найдено семь синопских астиномных клейм на ручках амфор. Все они могут быть отнесены к V и VI группам по классификации Б. Н. Гракова. Среди них имеется клеймо астинома Каллисфена сына Гестиея и гончара Ахайа с эмблемой — гроздь винограда³⁵. У Б. Н. Гракова этому астиному сопутствуют эмблемы: Ника или нос корабля³⁶. В. И. Цехмистренко приводит три клейма этого астинома, среди которых одно с эмблемой гроздь винограда, но с именем гончара Συχλης³⁷. Три последних буквы, сохранившиеся на клейме из Семеновки, позволяют восстановить имя гончара как Ἀχαιός, встречающееся на клеймах VI группы Б. Н. Гракова³⁸ и на клейме с тем же астиномом Каллисфеном сыном Гестиея, но с эмблемой нос корабля³⁹. Публикуемое клеймо, таким образом, дает новый вариант. Клеймо астинома Памфила сына Гекатея с фигурой, держащей в левой руке неясный предмет, и с именем гончара, от которого сохранились лишь первая буква Π и последняя ς⁴⁰. Возможно, гончаром был Πρωτος, встречающийся на клеймах IV, V и VI групп. Астином Παμφιλος ὀσκαταίου принадлежит V группе Б. Н. Гракова⁴¹. Легенда клейма астинома Икесия сына Симия⁴² построена по V варианту, т. е. не имеет имени гончара. Эмблема — фигура облокотившаяся правой рукой на колонну, в левой руке — рог изобилия. Ἰκέρδιος Σιμίου так же встречается в V группе синопских клейм⁴³ Б. Н. Гракова.

К VI группе Б. Н. Гракова принадлежит клеймо астинома Метродора сына Афениппа и гончара Каллисфена с эмблемой — восьмиконечная звезда⁴⁴, а также клеймо астинома Плейстархида сына Апеманта с эмблемой — охотник с двумя копьями в правой руке в позе копьеметателя вправо⁴⁵. Как известно, за последние годы Б. Н. Граков частично пересмотрел датировку хронологических групп синопских клейм. Он пришел к выводу, что V и VI группы не выходят за рамки II в. до н. э.⁴⁶ Таким образом, все амфорные клейма, дата которых может быть установлена, относятся к III—II вв. до н. э., при этом подавляющее большинство их принадлежит послед-

³⁰ 1960 г., раскоп I, под полом помещения 45, № 201.

³¹ 1958 г., раскоп I, кв. V, под полом помещения 10, № 13. Встречено на Делосе (см.: В. Г. Гасе. Указ. соч., табл. XXIV, 31а и стр. 538). В. Грейс относит это клеймо к концу II или началу I в. до н. э. Но шрифт этого клейма — к концу II или началу I в. до н. э. Шрифт клейма и его форма отличаются от тех, которые на клейме из поселения у дер. Семеновки.

³² 1958 г., раскоп II, штык 4, № 222.

³³ 1958 г., раскоп II, штык 5, № 215 (см.: В. Г. Гасе. Указ. соч., стр. 528).

³⁴ 1960 г., раскоп I, кв. XLVIII, № 126а.

³⁵ 1960 г., раскоп I, кв. XLVI, штык 2, № 29.

³⁶ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 144.

³⁷ В. И. Цехмистренко. О периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, № 1, стр. 58, рис. 11.

³⁸ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 150.

³⁹ В. И. Цехмистренко. Указ. соч., стр. 58, рис. 10.

⁴⁰ 1959 г., раскоп I, кв. XXVI, штык 8—9, № 44.

⁴¹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 144, № 20 и 146.

⁴² 1961 г., раскоп VII, штык 2, № 2.

⁴³ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 144, № 13.

⁴⁴ 1960 г., раскоп I, кв. XLI, штык 5, № 35; Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 150.

⁴⁵ 1959 г., раскоп I, кв. I LVIII, штык 7, № 73; Б. Н. Граков. Указ. соч.

⁴⁶ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 301; Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 242.

СПИСОК СИНОПСКИХ КЛЕЙМ

1.	ἄστ[υνόμου] [Ἡρώ] νόμου τοῦ [Ἡρωνό]μου τοῦ Πο[σειδωνίου] Σιμαλίω[ν]		1958 раскоп II штык 7 № 214	Группа VI Б. Н. Гракова II в. до н. э.
2.	ἀστυνόμου Ἰκσειοῦ τοῦ Σιμίου	Фигура с рогом изобилия в ле- вой руке, опи- рающаяся на колонну правой рукой	1961 г. раскоп VII штык 2 № 2	Группа V Б. Н. Гракова II в. до н. э.
3.	[ἀστυνομοῦ] ντος] [Καλλισθ]ένου τοῦ [Ἐστιαίου] [Ἀχα]ῖτος [Διονυσίου?]	Гроздь вино- града	1960 г. раскоп I пл. XLVI штык. 2 № 29	Группа V Б. Н. Гракова II в. до н. э.
4.	ἀστυνομοῦντος Μητροδώρου [τοῦ] Ἀθηνίππου Καλλισθένης	М. б. голова Гелиоса	1960 г. раскоп I пл. XLI штык. 5 № 35	Группа VI Б. Н. Гракова II в. до н. э.
5.	ἀστυ]μοῦντος Παμφί]λου τοῦ Ἐκαταίτου [Π]ρωῶ]τις	Фигура полуле- жащая влево с рогом изобилия	1959 г. раскоп I пл. XXVI штык 8 № 44	Группа VI
6.	[ἀστυνό]μου [Πλεισταρχί]δο] τοῦ [Ἀπημάν]του	Охотник с дву- мя копьями в позе копьемета- теля	1959 г. раскоп I пл. VIII штык 7 № 73	Группа VI

ней четверти III — первой половине II в. до н. э. Этот период можно считать начальным в истории данного поселения. Не противоречат этому и другие керамические материалы. Именно в нижних культурных слоях встречаются обломки рельефных чаш, которые принято называть «мегарскими», сосудов, покрытых коричневым и плохим черным лаком, обломки косских и других амфор эллинистического времени.

Комплекс амфорных клейм, найденных на поселении у дер. Семеновки, дает, таким образом, довольно компактную по времени группу. Сочетание в ней синопских клейм пятой и шестой хронологических групп Б. Н. Гракова с родосскими клеймами, датируемыми В. Грейс III—II вв. до н. э., подтверждает правильность пересмотра хронологических границ V и VI групп синопских клейм. Найденные клейма позволяют отнести время основания поселения у дер. Семеновки к концу III в. до н. э. К более раннему времени — началу III в. до н. э. относится лишь одно клеймо с именем эпонима Аристия. Но не исключена возможность, что амфора с этим клеймом использовалась в течение длительного времени как бытовая посуда, а потом уже была привезена первыми поселенцами на новое место жительства.

М. М. КОБЫЛИНА

СООРУЖЕНИЯ V В. ДО Н. Э. НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ФАНАГОРИИ

Во время больших охранных раскопок 1964—1965 гг.¹ на юго-восточной окраине городища Фанагории был открыт ряд строительных остатков и находок, освещающих новые стороны истории города и его культуры. В этом отношении особенно интересны остатки сооружений V в. до н. э. Судя по сохранившимся фундаментам, эти сооружения отличались весьма солидной конструкцией.

Предыдущими экспедициями было установлено, что на юго-восточной окраине города проходила крепостная стена (72)². Часть этой стены была открыта в 1964—1965 гг. Хотя от кладки основания стены осталась лишь полоса каменной крошки и несколько камней, но была обнаружена существенная деталь конструкции: основание стены лежало здесь на субструкции, связанной, как показала исследование, с выравниванием рельефа местности. Как и в Ольвии, субструкции весьма характерны для монументальных сооружений Фанагории и были довольно разнообразны. В данном случае основание крепостной стены лежало на песчаной насыпи до 0,70 м толщиной, а песок — на настиле из осколков камня твердых пород, неправильной формы с острыми краями, уложенных плотно. Поверхность этого каменного настила была неровная, многие камни лежали остриями вверх (рис. 30). Толщина его от 0,35 до 0,15 м; ширина — небольшая от 0,70 до 1 м; этот каменный настил примыкал к возвышению материка, немного поднимающегося с восточной стороны, и камни лежали частично на материке, местами на подсыпке, состоящей из перекопанной материковой глины с прослойками железняка, мелкими черепками, ракушками, комьями глины с белоглазкой.

Предполагаемая ранее дата крепостной стены (V в. до н. э.) полностью подтвердилась.

Сооруженная в V в. до н. э. крепостная стена, ограждавшая город со стороны степи от набегов враждебных соседей, в IV в. до н. э. была уже разобрана. Как и на ранее обнаруженных остатках основания стены, так и на ее участке, открытом в 1964—1965 гг., лежал городской выброс IV в. до н. э. В самой субструкции стены был разрыв длиной 1,70 м, образовавшийся от выборки каменного подстила; разрыв заполнен был темным мусорным грунтом, в котором были найдены фрагменты керамики IV и V вв. до н. э.

¹ «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 103—106.

² М. М. Кобылина. Культура Фанагории до сарматского периода. «Античный город». М., 1963, стр. 86.

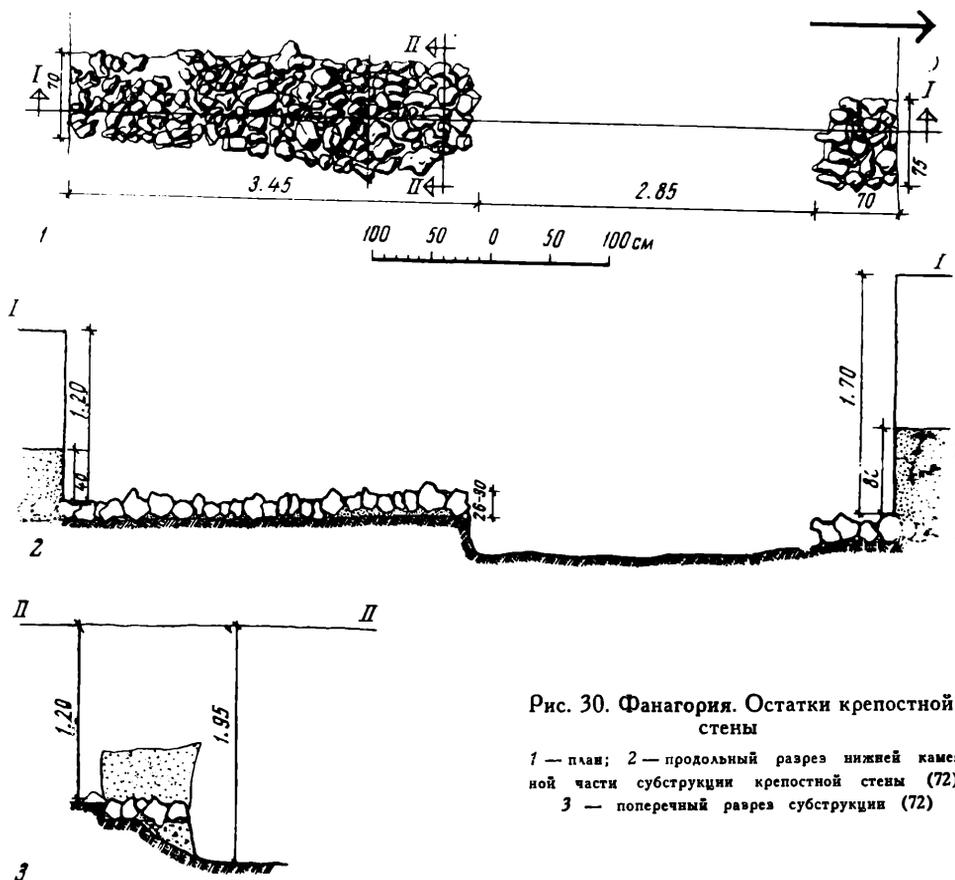

Рис. 30. Фанагория. Остатки крепостной стены

1 — план; 2 — продольный разрез нижней каменной части субструкции крепостной стены (72);
3 — поперечный разрез субструкции (72)

Надо думать, что с включением Фанагории и соседних племен в Боспорское государство в IV в. до н. э. исчезла необходимость в этих укреплениях города.

На расстоянии 34 м к западу от стены были открыты фундаменты здания V в. до н. э. (39) (рис. 31). Интересно, что это здание существовало так же, как и стена, только в V в. до н. э., в IV в. до н. э. оно было разрушено, северная кладка фундамента прорезана колодцем, прорытым в IV в. до н. э. Здание было квадратное в плане, небольшое ($6,50 \times 6,50$ м), ориентировано с ССЗ на ЮЮВ. Назначение его неясно. Обращает внимание мощность фундамента. Кладка фундамента имеет два панциря, сложенных из булыжника, розового мергеля и камней твердых пород (размеры камней — $0,18 \times 0,11 \times 0,25$); середина заполнена бутом из тех же камней. Высота фундамента — 0,25 м, ширина — 0,70—0,78 м.

Сохранился северо-восточный угол фундамента этого здания, северная часть, разрезанная колодцем, а также части западной и южной сторон фундамента. К западу от колодца сохранился не только фундамент, но и нижний ряд кладки стены из плоских небольших камней, тип кладки весьма характерный для греческих сооружений VI и V вв. до н. э.³

³ А. Н. Карасев. Архитектура. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 189; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, рис. 8.

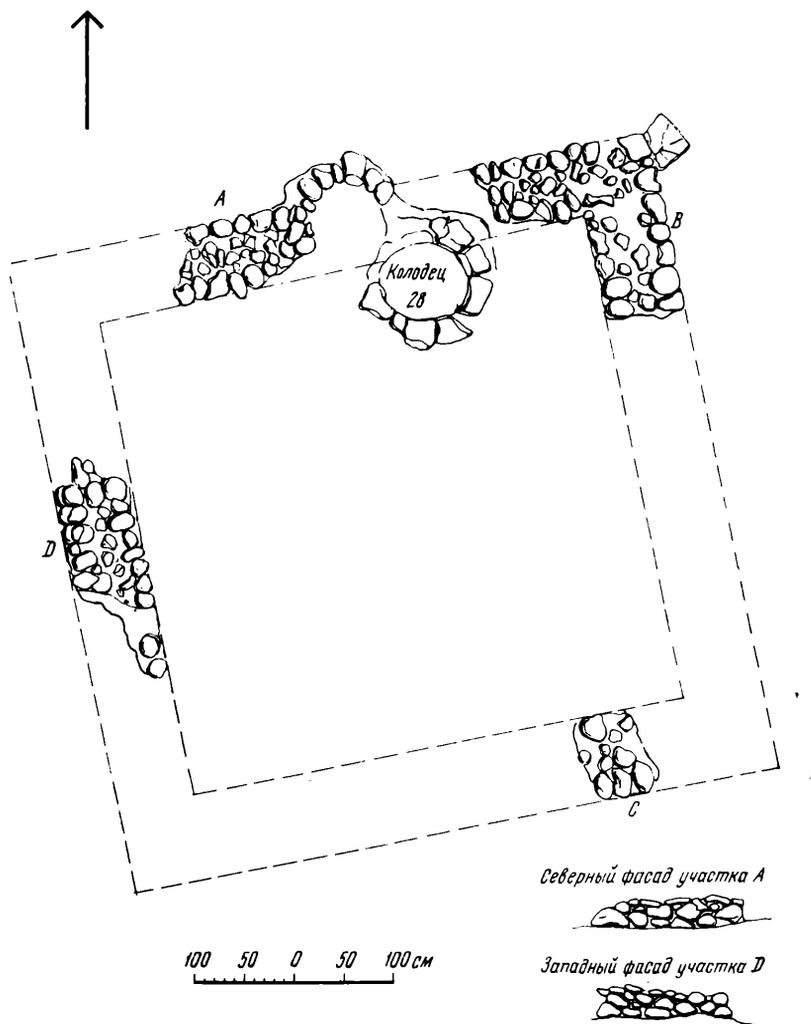

Рис. 31. Фундамент здания V в. до н. э. (39)

Остатки другой постройки V в. до н. э. были обнаружены и к западу от этого здания — на расстоянии 14 м от него (рис. 32). Это фундамент (36) стены большого здания длиной — 4,90 м, шириною — 0,55 м; ориентированный на северо-юг с небольшим отклонением к ССЗ, т. е. так же, как западная и восточная стены описанного здания. Кладка фундамента такая же: он имеет два панциря, сложенных главным образом из булыжников больших и мелких ($0,38 \times 0,20 \times 0,09$; $0,30 \times 0,20 \times 0,06$ и пр.) и камней твердых пород; промежутки между панцирями заполнены мелким бутом. Эта кладка нарушена ямой, шириною 1,05 м на две части, при этом северная часть как раз у ямы заканчивается двумя длинными булыжниками, положенными один над другим поперек кладки (размеры булыжников: длина 0,45, ширина 0,20, толщина 0,11 м, высота обоих булыжников — 0,22 м). По-видимому, здесь в стене был проход, южная часть которого уничтожена ямой.

На расстоянии 3 м к юго-западу от этого фундамента обнаружен небольшой кусок ($1,45 \times 1,65$ м) вымостки V в. до н. э., состоявшей из фрагментов амфор, главным образом хиосских, VI—V вв. до н. э. (стенок, по-

ложенных выпуклой стороной вверх, изредка ручек и донышек). Вымостка (толщиной 0,07 м) лежала на материке. Среди фрагментов керамики в вымостке лежал ритон из местной глины⁴. Крепостная стена (72), квадратное здание (39) и фундамент стены (36), одинаково ориентированные, представляют собою часть города V в. до н. э. с регулярной планировкой.

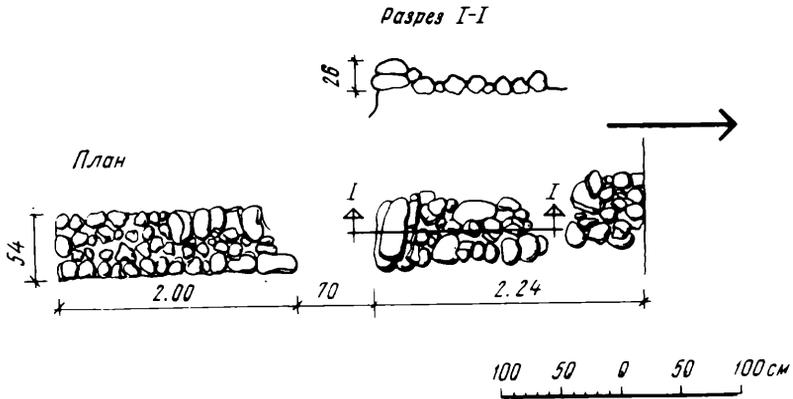

Рис. 32. Фундамент стены здания V в. до н. э. (36)

В слое V в. до н. э. найдено большое количество обломков амфор VI—V вв. до н. э., главным образом хиосских, а также сероглиняных и протофасосских амфор V в. до н. э.; тонкостенных чаш, кастрюль, флаконов, одноручных сосудов; архаических расписных сосудов с поясками и полосами орнамента (рис. 33, 3), архаических светильников с концентрическими белыми и черными кругами на донышках; лепной жаровни; лепных и лощеных сосудов; фрагменты больших краснофигурных открытых сосудов V в. до н. э.; чернолаковых ваз VI и V вв. до н. э. несколько граффити на донышках (рис. 33, 4), обломки краснофигурных лекан (рис. 34, 3), фрагмент чернофигурного сосуда, сероглиняное пряслице; терракотовая статуэтка сидящей богини конца VI в. до н. э.

Слой V в. до н. э. лежит на материке, поврежден ямами выборки камня. В городском выбросе также много фрагментов керамики V в. до н. э., среди них два обломка аттического краснофигурного килика с изображением амазонки, скачущей на коне, относящиеся к 60-м годам V в. до н. э. (рис. 34, 1), фрагменты больших краснофигурных ваз второй половины V в. до н. э. и других (рис. 34, 2) полосатых архаических амфор. Среди находок впервые на городище Фанагории были обнаружены фрагменты ваз, привезенных из Коринфа — небольших пиксид, среди них крышечка, расписанная пурпуром и белой краской VI в. до н. э. (рис. 33, 1).

Фундаменты зданий V в. до н. э., обнаруженные на южной окраине Фанагории, полностью аналогичны сооружениям V в. до н. э., открытым в северной подводной части городища в 1939—1940 гг.⁵ В 1965 г. выяснилось, что город к концу V в. до н. э. простирался на юг до самой окраины городища. И размеры города, и высокое качество керамики, среди которой имеются лучшие образцы аттических ваз, свидетельствуют о расцвете города к концу V в. до н. э.

В IV в. до н. э. на юго-восточном участке города произошли изменения. Крепостная стена 72 была разобрана; на остатках ее основания лежала

⁴ Аналогичные ритоны были найдены в Нимфее (М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, табл. 32).

⁵ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1940 г. Архив ГМИИ, стр. 74.

Рис. 33. Фанагория

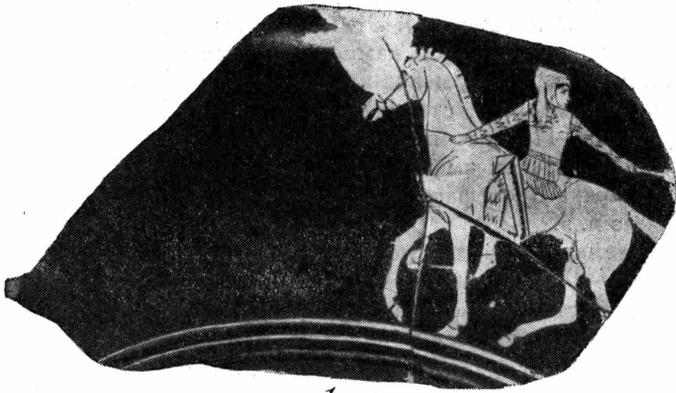
1 — фрагмент крышки расписной коринфской пиксиды, конца VI в. до н. э.; 2 — фрагмент чернолакового кляка IV в. до н. э. из колодца; 3 — доньшко расписной ионийской чаши начала V в. до н. э.; 4 — граффити посвящение Зевсу V в. до н. э.

мощная городская свалка IV в. до н. э. К западу от этой свалки, исследованной в 1965 г., на южной окраине городища (вдоль автотрассы) остатков сооружений IV в. до н. э. не найдено; здесь были открыты только массивные многослойные настилы IV в. до н. э. из чередующихся слоев черепков и мелких камней, глины, битого железняка, а также маленький глубокий колодезь IV в. до н. э., врезавшийся в фундамент выше описанного сооружения (39) V в. до н. э. Глубина колодца свыше 4 м. В последнем штыке грунта, заполнявшего колодец, была найдена только керамика IV в. до н. э. — фрагменты больших тонкостенных кувшинов, амфор IV в. до н. э. (синопских, «колячковых»), обломок сероглиняного блюда и фрагмент звонкого канфара IV в. до н. э. (рис. 33, 2).

Колодезь круглый. Такая форма колодца в ранних слоях Фанагории обнаружена впервые; колодцы IV в. до н. э., открытые на северном раскопе в 1939—1940 гг.⁶ и на юго-восточной окраине города в 1954 г.⁷, были квадратные. Диаметр колодца равен 0,80 м. Наружный диаметр венца колодца — 1,30 м. Кладка колодца тщательно выполнена из камней известняка (выявлено 20 рядов кладки). Камни имеют трапециевидную форму, с внутренней стороны стесаны по кривой, а с внешней стороны не обработаны совсем, боковые стороны камней стесаны и хорошо подогнаны. Размеры камней 0,24 × 0,37 × 0,15 м; 0,18 × 0,22 × 0,26 м.

⁶ В. Д. Блаватский. О строительном деле Фанагории. ДСИФ, кн. 9, 1950, стр. 38, рис. 5.

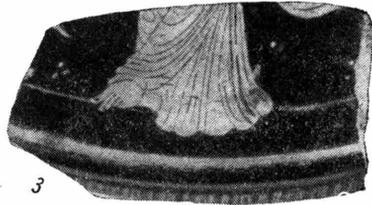
⁷ М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, рис. 8.

1

2

3

Рис. 34. Фанагория

1 — фрагмент аттического краснофигурного килика с изображением амазонки, 60-е годы V в. до н. э.; 2 — фрагмент краснофигурной аттической вазы V в. до н. э.; 3 — часть крышки краснофигурной леканы V в. до н. э.

Рис. 35. Фанагория. Колодезь IV в. до н. э. с площадкой для подхода

Особенностью этого колодца является углубленный подход с западной стороны, обрамленный с северо-западной стороны полуокруглой каменной стенкой высотой 0,45 м (рис. 35). Эта стенка имеет в высоту три ряда кладки из булыжников и обломков камней твердых пород, взятых, очевидно, из разрушенной части фундамента квадратного здания V в. до н. э. Размеры площадки, обрамленной стенкой, — 1 × 1,20 м. Пол площадки выстлан мелкими черепками. При расчистке площадки были найдены фрагменты керамики, черепицы, стенок амфор, овальные в разрезе ручки, одна косская III в. до н. э., ножка протофасосской амфоры V в. до н. э. и «колпачковой» амфоры IV в. до н. э.

Эта углубленная площадка подходит к выемке в кладке колодца (ширина последней — 0,50 м, высота — 0,70 м); и то и другое было сделано, очевидно, для удобства вытаскивать из колодца воду.

Пока неясны находившиеся на обследованном участке сооружения IV в. до н. э., но находка терракотовой формы для оттискивания рельефного украшения сосуда с великолепным изображением сирены IV в. до н. э.⁸ свидетельствует о существовании где-то поблизости керамического производства этого времени.

Эллинистических сооружений на южной окраине обнаружено не было. Только в III в. н. э. и особенно в IV в. н. э. городские постройки опять придвинулись к самой окраине города. В 1965 г. здесь были открыты остатки поселка ремесленников IV в. н. э., находящегося к западу от большого комплекса керамических печей IV в. н. э.⁹ Колодезь использовался и в III, и в IV в. н. э.

---

⁸ М. Кобылина. Керамическая форма из Фанагории. СА, 1967, № 1, стр. 169—175, рис. 1.

⁹ М. Кобылина. О керамическом производстве Фанагории в IV в. н. э. СА, 1966, № 3, стр. 172—186.

Г. А. ЦВЕТАЕВА

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ В АНАПЕ В 1965 г.

В 1965 г. при прокладке траншеи на ул. Протапова в месте ее пересечения с ул. Ленина строителями был поврежден культурный слой древней Горгиипии. На глубине 1,40—1,90 м траншея прорезала большое скопление античных обломков: протом с изображением богини, чернолаковых канфаров, красноглиняных небольших сосудов (рис. 36).

На территории исследованного участка площадью около 60 кв. м раскопками прослежено три различных периода жизни.

I период относится к IV—III вв. до н. э., культурный слой представляет собой сброс культовых предметов — протом и сосудов нескольких повторяющихся типов. Мощность выброса достигает около 1 м (от 1,30—1,40 м до 2,20 м от современной поверхности).

На сравнительно небольшой площади было найдено примерно 100 обломков протом с изображением женского божества, по-видимому, Деметры и Кору, более 100 обломков чернолаковых фрагментированных сосудов, преимущественно канфаров, и столько же обломков и фрагментированных красноглиняных сосудов местного горгиипийского производства. Все протомы сделаны из местной горгиипийской глины, цвет которой варьирует от розоватой, оранжевато-коричневой до бурой.

Одной из наиболее ранних является протома Кору-Персефоны распространенного на Боспоре типа¹. Это небольшая полуфигура высотой 12—15 см, изображающая юную девушку — Кору. На голове ее низкая стэфана и покрывало, спускающееся вниз и закрывающее левое плечо и грудь. Справа покрывало отброшено назад, за обнаженное плечо.левой рукой Кора придерживает у груди покрывало, правая рука поднята к обнаженной правой груди. Поза протомы восходит к середине V в. до н. э., а по аналогии с восточногреческими монетами датируется началом и серединой IV в. до н. э.² (рис. 37).

Другой, ранней и в то же время наиболее интересной находкой является протома Деметры (рис. 38). Богиня изображена в парадном одеянии и торжественной ритуальной позе. На голове ее также невысокая стэфана и покрывало, ниспадающее на плечи и закрывающее по локоть руки, симметрично поднятые к груди. Складки драпирующегося покрывала и хитона показаны рельефно выступающими линиями. Коротко подобранные волосы богини заложены у висков за повязку. Пластически показаны отдельные пряди. Лицо удлиненной овальной формы напоминает ионический тип.

¹ Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиратаки. МИА, № 4, 1941, стр. 31, рис. 31; В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 29.

² Higgins. — Catalogue of the terracottas in the department of greek and Roman Antiquities British Museum. London, 1954, табл. 66, № 492.

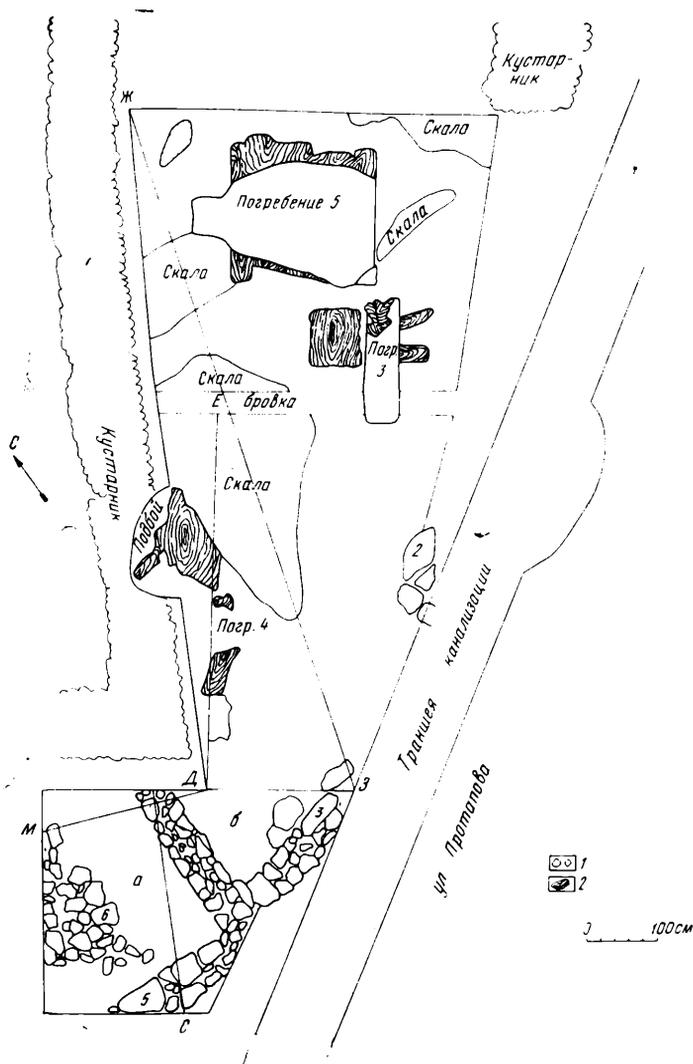

Рис. 36. Горгиппия. План раскопа 1965 г.

1 — камни; 2 — дерево

Черты лица не совсем четкие: форма глаз и бровей, углы губ. После выемки из формы мастером не была произведена дополнительная отделка, не снят даже небольшой комочек глины у носа. Но, несмотря на это, поражает сосредоточенное, задумчивое и печальное выражение лица.

Голова Деметры немного наклонена к правому плечу, губы слегка раскрыты. Парадность придают круглые серьги с необычно длинными кистями, спускающимися на грудь, браслеты на запястьях рук. Возможно, что в сложенных пальцах рук были какие-то плоды, из-за нечеткости формы изображения их незаметны. Поражает величина протомы, высота ее 27 см и оригинальность, неповторяемость типа. Нигде не встречаются серьги со столь длинными подвесками-кистями. В отличие от протомы — Кору, сделанной, очевидно, по привозной форме, так как тип ее характерен для всего Средиземноморья, эта протома была сделана, вероятно, по местной форме. Судя по удлиненной форме лица, прическе, низкой шафоне, прототипом для мастера были протомы середины V в. до н. э.³ Найденные вместе с протомой

³ Higgins. Указ. соч., т. I, стр. 347, № 1272.

чернолаковые канфары датируют ее временем не ранее второй половины IV в. до н. э.

Остальные протомы обычных размеров высотой 11—14 см, все они представляют собой погрудное изображение Деметры-Коры. На богине высокий калаф типа кокошника, с которого спускается прямыми и строго параллельными складками покрывало. Шея и плечи не выделены, грудь и руки не показаны, обозначен только круглый вырез хитона (рис. 39). Лицо полное, округлой формы, губы пухлые, глаза широко открытые, нос прямой и

Рис. 37. Горгиппия. Кора-Персефона

Рис. 38. Горгиппия. Деметра

тонкий. Волосы разделены прямым пробором, пряди их слегка обозначены. На ушах и в волосах над лбом круглые украшения. Целый ряд протом оттиснут в одной и той же форме. Один из этих типов протом имеет отличительные особенности (рис. 40). Силуэт их не имеет строго параллельных линий, образуемых спускающимися концами покрывала. Здесь покрывало, спускающееся с высокого и пышного калафа, слегка обрисовывает шею и плечи. Протома оттиснута в более грубой форме: волосы показаны толстой валикообразной массой, без членения на пряди, крупные круглые серьги и розетка в волосах, резко подчеркнуты черты лица: круглые брови, огромные широко открытые глаза с рельефно обозначенными веками, широкий нос, полные губы и резко вдавленная ямка на полном подбородке. Вырез хитона показан резко выступающим грубым валиком. Форма безусловно является творением местного мастера, в ней отразились специфические черты искусства Северного Причерноморья — строгая фронтальность, иератичность, переданная широко открытыми глазами, широкое полное лицо, типичное для местных изображений богинь. Эта протома близка изображениям Коры на закладной плите, из склепа II кургана Большой Близицы⁴, Деметры на золотой бляшке из того же кургана, Деметры на ольвийской монете второй половины IV в. до н. э.⁵, богини на золотом ратоне из кургана с Мерджаны вблизи Анапы⁶.

⁴ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись. СПб., 1914, стр. 130; Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись. «Античные города Северного Причерноморья», т. I. М. 1955, стр. 254, 255, рис. 5.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXI, № 4.

⁶ М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Кавказе. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 134; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, 1955, стр. 348, рис. 33.

Кроме протом Деметры и Керы, было найдено несколько фрагментов терракот, образы которых тесно связаны с культом Деметры-Керы: это головка молодого сатира в плющевом венке и остроконечными ушами, женская головка, обломок небольшого терракотового герма.

Фрагментированные чернолаковые сосуды и их обломки были встречены и в верхнем слое вместе с протомами, но также и в нижнем — вместе с красноглиняными сосудами. Среди чернолаковых сосудов преобладает тип

Рис. 39. Горгиппия. Деметра-Кора

Рис. 40. Горгиппия. Деметра-Кора

канфара с двумя вертикальными ручками с шипами второй половины IV в. до н. э. (рис. 41, 1), чернолаковые килики сложного профиля на низкой ножке, солонки и тарелки со штампованным орнаментом. Расписанные сосуды представлены в немногочисленных обломках — это канфары с веткой плюща на горле, нанесенной жидкой глиной по черному лаку. На доннышке одного чернолакового килика жидкой глины изображена в профиль женская голова, окруженная орнаментом из плюща, на оборотной стороне этого же килика жидкой глиной написаны пальметты. На оборотной стороне ножек нескольких канфаров имеются граффити — $\Delta, \Delta I, M \bar{A}$ и др.

Среди красноглиняной керамики преобладают небольшие одного и того же типа одноручные горшочки с округлым туловым и слабовыступающим плоским поддоном (рис. 41, 2). Также многочисленны небольшие мисочки плоскодонные с закраиной для крышки и миски больших размеров на кольцевой ножке. Далее следует упомянуть небольшие солонки, флаконы, рюмкообразные чашечки на высокой ножке, одноручные кувшинчики, обломки рыбных блюд и кастрюль. Значительно меньше количественно сероглиняных судов и лощеных. Среди последних — целый одноручный кувшин.

Специфический характер материала из сброса: протомы, чернолаковые посвященные сосуды (особенно канфары); однообразный и специфически культовый набор простых сосудов сближает его с мирмекийскими зольниками — эсхарами, состоящими из остатков жертвоприношений и заключающими в себе различные предметы, связанные с культом⁷.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 28 и сл.

Не исключено, что это скопление протом и сосудов представляло собой выброс пришедших в негодность предметов из находившегося где-то поблизости святилища, вероятно связанного с культом Деметры и Коры. Выброс датируется временем второй половины IV—концом III в. до н. э. Его крайняя дата определяется пятью найденными монетами середины и второй половины III в. до н. э.

Следующий, второй культурный слой связан с возведением на этом месте каменных построек, фундаменты которых прорезали описанный сброс протом и сосудов.

На пл. IV и III были частично раскрыты помещения *a* и *б* (рис. 36), от которых сохранились каменные фундаменты 3, 4, 5 и вымостка 6.

Рис. 41. Горгиппия

1 — каффар; 2 — красноглиняный кувшинчик

Фундаменты возникли позднее сброса IX—III вв. до н. э., в который они впущены: верной хронологической границей являются остатки погребения первых веков н. э., обнаруженных над фундаментом 3. Наиболее вероятная дата возникновения помещений *a* и *б* — II—I вв. до н. э.; они связаны со вторым периодом жизни города.

В I в. н. э. на этом участке находился некрополь. Раскопками были обнаружены и исследованы остатки пяти погребений (рис. 36). В южной части над фундаментом 3, были разрушенные погребения 1 и 2.

Погребение 1 разрушено; на глубине 1,30 м найдено несколько беспорядочно лежащих трубчатых костей и рядом с ними — нижняя часть амфоры коричневой глины с отбитой ножкой.

Погребение 2 на глубине 1,35 м совершенно разрушено. Сохранились две берцовые кости и часть таза; рядом — обломок кости и часть плоскодонного сосуда грубой глины.

Погребение 3 разрушено. Прослежена грунтовая могила длиной 1,50 м, шириной 0,43 м. Могила ориентирована ССВ—ЮЮЗ. Глубина могилы 1 м. Могила вырыта в материковом предкальном грунте — киле. Сохранились лишь часть челюсти с зубами, несколько мелких косточек, кусочки бронзовой проволоки, видимо, от фибулы. Могила интересна тем, что она перекрыта поперек лежащими деревянными плахами, часть которых сохранилась в северо-восточном конце в виде истлевшего тонкого коричневого слоя. Толщина этого слоя 0,05—0,10 м. На одном из кусков дерева лежал обломок (средняя часть) железного меча, в грунте найден небольшой обломок тонкого стеклянного сосуда.

Погребение 4 исследовано частично (уходит в борт раскопа). Удалось расчистить только части деревянного перекрытия; толщина слоя дерева 2—3 см.

Погребение 5 представляет собой большую замляную яму, вырытую в материковом грунте — киле и скалистой корке. Форма ямы в плане груше-

видная. Яма ориентирована с северо-запада на юго-восток. Длина ее 2 м, ширина — 1,60, глубина — 0,80 м. В северо-западной части могилы высечена ниша размером 0,50 × 0,50 м. Могила была перекрыта положенными поперек ее деревянными плахами, толщиной 0,05—0,10 м, концы которых хорошо прослеживались. Погребение разрушено: на дне могильной ямы оказались только часть челюсти и позвоночника, а в восточном углу могильной ямы — большой раздавленный стеклянный балзамарий и берцовая кость. В нише найдены кости черепа и таза. Очевидно, могила была полностью ограблена. По стеклянному балзамарию ее можно датировать I—II вв. н. э.

Возможно, погребения 3, 4 и 5, перекрытые деревянными плахами, находились под одним курганом. Профили северного и западного бортов пл. I дают картину чередования наклонно лежащих слоев желтой глины и серого суглинка (рис. 36). Возможно, это пола одного из курганов, которые, согласно сведениям Веселовского, еще в прошлом веке были на территории города Анапы. Позднее, при благоустройстве улицы, возможно, курган был срезан.

Таким образом, небольшие раскопки, проведенные на ул. Протапова, дали новые интересные материалы по античной Горгиипии, уточняющие ее топографию. Они вносят поправки в сложившееся ранее представление о том, что вся территория к югу от кинотеатра «Родина» входила в территорию некрополя. В IV—III в. до н. э. здесь был, вероятно, священный участок, принадлежавший находящемуся вблизи святилищу Деметры-Коры, так как только на священном участке (как это было открыто в Нимфее) мог быть сброс votивных предметов.

В II—I вв. до н. э. на этом месте возникли каменные постройки, также связанные со святилищем. И только в первые века н. э. эта территория вошла в некрополь.

* * *

Кроме проведения охранных раскопок, был произведен осмотр строительной площадки, находящейся к югу и юго-западу от раскопа 1964 г. — Астраханский III. Здесь зимой 1965 г. при рытье котлована под фундамент жилого дома был поврежден участок некрополя Горгиипии. По словам рабочих, над некоторыми костяками были большие черепицы. В музей были переданы некоторые вещи из погребений: веретенообразный сосуд, сероглиняный светильник, сероглиняный сосуд, обломок зооморфной ручки. При рытье ямы для газо-цистерн возле раскопа 1964 г. Астраханский I строителями была извлечена и сильно повреждена голова от известняковой статуи, а еще южнее — при рытье ямы извлечены архитектурная профилированная деталь из известняка и три известковых надгробия: на одном из них поясное изображение женщины в хитоне и в наброшенном на голову покрывале. Руки ее в ритуальном жесте подняты к груди. В одной руке — канфар, в другой — неясный предмет. На втором надгробии изображен стоящий мужчина, одетый по-гречески в гиматий. Работа довольно грубая, местного мастера. Третье надгробие — антропоморфное, аналогичное тем, которые были найдены в 1964 г.

Осмотрены также обрезы котлована на ул. Калинина (строительство столовой для дома отдыха им. Крупской) и установлено повреждение городского культурного слоя эллинистического времени: собраны обломки амфор, черепиц, простых сосудов и чернолаковых кафаров IV—III вв. до н. э. такого же типа, которые найдены на раскопе ул. Протапова.

Эти наблюдения дают новый материал для уточнения топографии античной Горгиипии.

И. Б. БРАШИНСКИЙ, А. И. ДЕМЧЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЯ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В 1966 г.

Елизаветовский курганный могильник на нижнем Дону давно привлекает внимание исследователей¹. После некоторого перерыва его раскопки были продолжены в 1965—1966 гг. Работы велись в так называемой Западной группе курганов на южной окраине хут. Городище (рис. 42). Объектом изучения здесь были малые курганы, насыпи которых либо полностью исчезли, либо сохранились на незначительную высоту. Раскопка этих курганов позволяет в короткое время при сравнительно небольшой затрате средств получить значительную серию хорошо документированных комплексов, абсолютно необходимых для дальнейшего изучения Елизаветовского могильника. Последние раскопки еще раз подтвердили эту необходимость.

На доступной для исследования территории могильника позднейшие разрушения, за исключением грабительских раскопок, отсутствуют. Насыпи же курганов в большинстве случаев практически полностью исчезли в результате естественной эрозии, так как они состоят из супесчанистого грунта, из которого сложен остров. Ввиду длительной выборки грунта для насыпки курганов, дневная поверхность между насыпями изрезана неглубокими (до 0,70—1,00 м) западинами. Поскольку насыпи располагались очень тесно, их высотные отметки зачастую близки к условному нулю, а иногда и ниже его.

Диаметры заметных на глаз насыпей невелики — 6—7 м; высота их — 0,10—0,70 м; в плане эти курганы чаще всего образуют почти правильную окружность. Лишь небольшую группу составляют курганы удлинённой в плане формы. Они имеют значительно большие размеры (приблизительно 10—11 × 14—15 м при высоте до 1 м); они не составляют компактной группы, но, судя по свободной от застройки части могильника, сосредоточены главным образом в его северо-западной части.

Погребения находятся на небольшой глубине (0,40—0,70 м) от уровня древнего горизонта, который практически равен современному.

Все сказанное приводит к заключению о необходимости раскапывать «малые» курганы так же, как грунтовые могильники, т. е. широкой площадью. В связи с этим необходимо отметить, что употребляемый нами тер-

¹ См.: В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. «Известия Ростовского обл. музея краеведения», № 1(3), 1959, стр. 13 сл.; он же. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 150 и сл.; он же. Ушаковский курган. СА, 1966, № 1, стр. 174 и сл.; И. Б. Зеев. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, стр. 121 и сл.; И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 3, стр. 178 и сл.

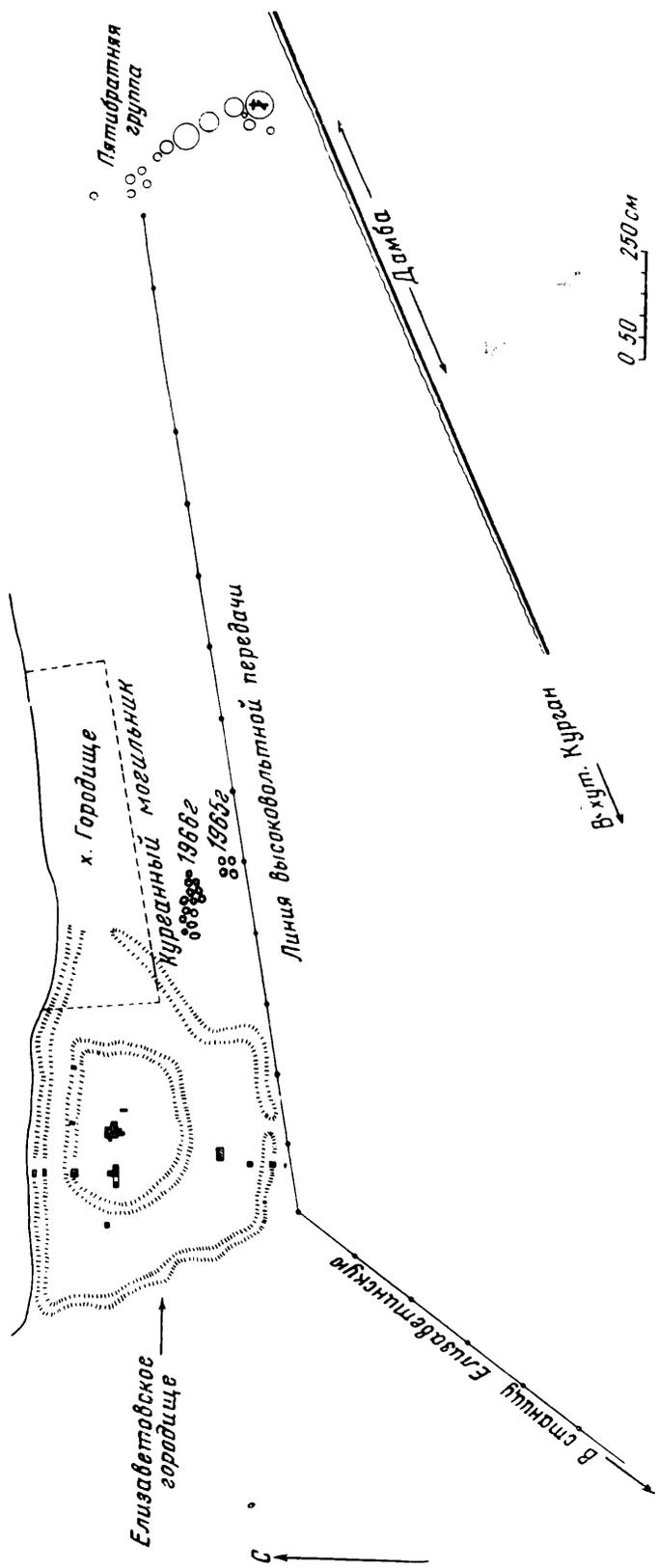

Рис. 42. Схематический план Elizavetovskого городища и курганного могильника

мин «курган» зачастую весьма относителен — при раскопке видимой насыпи часто вскрывались также погребения, насыпь над которыми была полностью разрушена и границы ее фиксировались лишь по кольцевому ровику, образовавшемуся в результате выборки грунта. Последнему наблюдению способствовали древние наводнения, оставившие на дне ровиков отложения чистого речного песка. В некоторых случаях эти отложения перекрывали и сами насыпи.

Раскопками 1965—1966 гг. вскрыто 11 видимых насыпей, под которыми открыто 33 погребения (в 1966 г.— 22). Шесть из них принадлежат различным культурам эпохи бронзы, остальные 27, связанные с Елизаветовским городищем, — скифскому времени.

Обнаружение погребений ямной, катакомбной и срубной культур эпохи бронзы на острове в дельте Дона чрезвычайно интересно, так как они указывают не только на раннее существование самого острова, но и на начало его освоения не позднее начала II тыс. до н. э. и непрерывную жизнь на нем. Вместе с тем этот факт уточняет ареал культур эпохи бронзы Северного Приазовья — Нижнего Подонья.

Безусловный интерес представляет небольшая, но довольно выразительная серия погребений скифского времени. К сожалению, не в каждой могиле удалось проследить все элементы погребального обряда. Но их повторяемость и однообразие столь велики, что позволяют говорить об обряде всей серии в целом.

Погребения совершены в вытянутых прямоугольных ямах, торцовые стенки которых слегка закруглены. Сверху ямы перекрывались камышом или деревянными плахами. В некоторых случаях перекрытие было частично обожжено. Положение погребенных очень устойчиво: все они лежат в вытянутом положении на спине, в подавляющем большинстве случаев головой на запад. Лишь в трех случаях отмечено отклонение в ориентировке: в кургане № 9 (1965 г.)² — на юг, в кургане № 19 — на север и в кургане № 27, погребение 7 — на восток.

Не менее устойчив и набор вещей в могилах. Как правило, в погребении лежат амфора и лепная миска, которые находятся рядом с костями животного. В ряде случаев, помимо этих сосудов, в могилу положен килик (чернолаковый или чернофигурный) или скифос. Все эти предметы всегда лежат в ногах погребенного, в восточной части могилы.

В ряде погребений удалось зафиксировать деталь погребального обряда, до сих пор не отмечавшуюся: под горлом амфоры лежит сосуд для питья — килик, лепной одноручный кувшин — кубок и т. д. Следовательно, амфора не ставилась, а клалась в могилы, глубина которых к тому же всегда меньше высоты амфор. Очевидно также, что амфоры не клались в могилы наполненными вином (возможно, оно выпивалось во время тризны). Сочетание амфоры с положенным под нее сосудом для питья символически олицетворяло возлияние. Эта характерная деталь погребального обряда в «малых» курганах, до сих пор не отмеченная, трижды встречалась и при раскопках А. А. Миллера³.

Набор оружия в мужских погребениях стандартен. Это — копье или дротик (редко), короткий меч-акинак или кинжал и стрелы с железными или бронзовыми наконечниками. Все эти предметы вооружения занимают в могиле обычное положение, хорошо известное в скифских погребениях Северного Причерноморья.

² Курганы № 1—7 раскопаны В. П. Шиловым в 1954 г. Продолжаем нумерацию курганов В. П. Шилова.

³ А. А. Миллер. Раскопки у станции Елизаветовской в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 229 и сл., рис. 20—22 (курган № 6 — под горлом амфоры краснофигурная котила V в. до н. э.); стр. 237, рис. 35 (курган № 9 — под горлом одной из трех амфор чернолаковая котила); стр. 239, рис. 45 (курган № 26 — под амфорами — их три — краснофигурная котила).

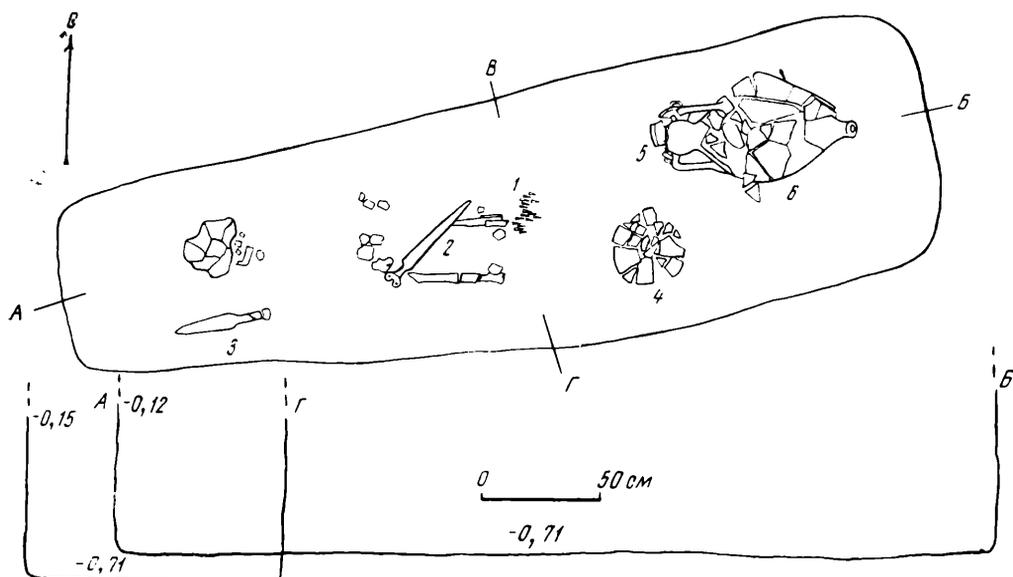

Рис. 43. Елизаветовский могильник. Курган № 15. Погребение

1 — наконечники стрел; 2 — железный меч; 3 — железный наконечник копья; 4 — лепной сосуд; 5 — чернолаковый килик; 6 — амфора

Во всех без исключения курганах были обнаружены остатки тризн. Хорошо они сохранились лишь в курганах № 15 и 17, но обломки амфор, лепных сосудов и кости животных найдены повсеместно.

Наибольший интерес среди раскопанных погребений представляет группа могил, относящаяся к началу — первой половине V в. до н. э.⁴ — наиболее древние захоронения Елизаветовского могильника.

К числу их относятся захоронения в курганах № 13, 15, 19, 25.

Типичным погребением этой группы является мужское погребение в кургане № 15 (рис. 43)⁵. Скелет погребенного, как и кости во всех прочих могилах, сохранились очень плохо. Инвентарь погребения включает оружие: копье, лежавшее справа от костяка (наконечник копья — на уровне черепа), меч-акинак, положенный поперек тела погребенного от правой руки к левому бедру, горит (несохранившийся), в котором уцелели железные и бронзовые наконечники стрел — у левого бедра. У ног погребенного в правой части черепа лежала хиосская пухлогорлая амфора, под горлом которой стоял аттический чернотерракотовый килик; несколько выше горла амфоры слева лежала лепная лощеная миска.

Дата захоронения определяется прежде всего греческой привозной керамикой — амфорой и киликом. Амфора (рис. 44, 1) принадлежит к широко распространенному типу хиосских пухлогорлых амфор той разновидности, которая датируется первой половиной V в. до н. э.⁶ Амфора была положена

⁴ Предположение о том, что в Елизаветовском могильнике будут найдены захоронения этого времени, было в свое время высказано В. П. Шиловым (раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг., стр. 26). Правда, предположение это основывалось на принятой тогда, а позднее опровергнутой тем же В. П. Шиловым, датировке Ушаковского кургана VI в. до н. э. Теперь В. П. Шилов убедительно датирует курган первой половиной IV в. до н. э. (Ушаковский курган, стр. 174 и 191).

⁵ Не даем описания характера насыпи, могильной ямы, ориентировки и т. д., поскольку они полностью соответствуют данному выше описанию особенностей, характерных для всех раскопанных курганов.

⁶ См.: И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, тип 11, табл. III; V. Grase. Amphoras and the Wine Trade. Princeton, 1961, рис. 44, третья амфора слева.

Рис. 44. Елизаветовский могильник. Вещи из погребений.

1—5 — курган № 15; 6, 7 — курган № 25; 8 — курган № 13

в могилу, очевидно, после более или менее длительного употребления — она была разбита и затем реставрирована еще в древности (видны следы починки в виде просверленных дырочек для скрепления). Чернотаковый аттический килик (рис. 44, 2) позволяет уточнить дату. Аналогичный ему килик найден в кургане № 2 у с. Аксютинцы Роменского р-на Сумской обл.⁷ Подобные килики датируются концом первой — началом второй четверти

⁷ См.: Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. САИ, вып. Д 1—27, 1966, табл. IX, 9; А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, рис. на стр. 133.

V в. до н. э. (480—470)⁸. Лепная лощеная миска (рис. 44, 3), как и амфора, имеет следы древней починки. У нее плоское дно и прямые расходящиеся стенки. Обломки мисок подобного типа встречаются и на Елизаветовском городище⁹.

Оружие из погребения также характерно для конца VI — первой половины V в. до н. э. Меч с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем (рис. 44, 4) принадлежит к I подотделу II отдела скифских мечей, по классификации А. И. Мелюковой¹⁰. Длина его 48,5 см (длина лезвия с перекрестьем — 38 см). Наконечник копья (рис. 44, 5) весьма массивен (длина его 39,5 см, длина пера — 23 см); он принадлежит к типу лавролистных наконечников без ребра на пере (3-й вариант 3-го типа I отдела, по классификации А. И. Мелюковой)¹¹.

Как видим, весь инвентарь погребения не выходит за пределы первой половины V в. до н. э. Очевидно, захоронение должно датироваться второй четвертью V в. и является, таким образом, одним из наиболее древних известных в настоящее время в Елизаветовском могильнике.

К близкому (возможно, даже несколько более раннему) времени относится женское погребение в кургане № 25. Погребение ограблено. От погребального инвентаря сохранились бронзовое височное кольцо, бусы (глиняные, пластовые глазчатые и стеклянные), амфора и килик. Как и в погребении кургана № 15, килик лежал под горлом амфоры у ног погребенной.

Амфора (рис. 44, 6) принадлежит к редкому типу, который недавно был предположительно отнесен к продукции Самоса¹². Датируются подобные амфоры, как и пухлогорлые хиосские, первой половиной V в. до н. э.

Большой интерес представляет аттический чернофигурный килик из погребения (рис. 44, 7) — первый целый чернофигурный сосуд, найденный в Елизаветовском могильнике. Глубокий килик имеет низкую ножку; на противоположных сторонах стенок его — изображения двух одинаковых «туалетных» сцен. Пространство между этими композициями заполнено пальметками и побегами плюща. Роспись беглая, небрежная, но с применением врезных линий для обозначения складок одежды и т. д. Точных аналогий нашему килику пока найти не удалось. Однако датировка его особых трудностей не вызывает: по форме сосуда и характеру росписи он относится к первой четверти V в. до н. э., скорее всего к концу этого периода. Таким образом, погребение в кургане № 25 также датируется второй четвертью V в. до н. э.

Большой интерес представляет и второй чернофигурный килик из мужского погребения № 13 (рис. 44, 8)¹³. Он также относится к числу поздних изделий массового производства. На противоположных сторонах стенок килика помещены два одинаковых изображения: Силен с тирсом в вытянутой руке преследует убегающую Менаду с тимпаном в руке. По Дж. Бизли, наш килик принадлежит к подгруппе *Laiçut* группы Хаймона¹⁴ и датируется по находкам в Олинфе и на афинской агоре — первой четвертью V в. до н. э.¹⁵

⁸ *Pots and Pans of Classical Athens*, by B. O. Sparkes and L. Talcott. Excavations of the Athenian Agora. Picture Book, № 1, 1961, рис. 11 (слева).

⁹ См.: Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 166, рис. 48, 2 (5-й тип).

¹⁰ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д 1—4, 1964, стр. 53 и сл., табл. 20.

¹¹ Там же, стр. 38 и сл., табл. 13.

¹² И. Б. Брашинский. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 22 и сл. рис. 2, 3.

¹³ Ср.: CVA. France, 13. Musée national de Sèvres, табл. 17, 10, 14.

¹⁴ J. D. Beazley. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1956, стр. 576 и сл.

¹⁵ D. M. Robinson. *Vases found in 1934 and 1938, Olynthus, XIII*, 1950 стр. 54 и сл., табл. 12, 4—7. Как указывает Робинсон, в Олинфе эти килики не могут быть намного позднее 500 г. до н. э.

В погребении кургана № 13 была также лепная плоскодонная миска, аналогичная миске из кургана № 15. Это погребение, как и описанные выше, датируется не позднее второй четверти V в. до н. э.

Остальные раскопанные погребения, давшие многочисленные и интересные находки предметов вооружения и керамики, относятся преимущественно ко второй половине V и IV вв. до н. э. Важны находки разнообразных амфор, некоторые типы которых встречены впервые не только в Елизаветовском могильнике, но и вообще в северном Причерноморье. Большой интерес представляет и коллекция лепных сосудов, которые получают надежную дату благодаря комплексу остального инвентаря.

Важнейшим итогом раскопок Елизаветовского могильника в 1966 г. является, как сказано, открытие ряда погребений первой половины V в. до н. э. Этот факт имеет большое значение для истории как самого могильника и Елизаветовского поселения, так и для истории Нижнего Подонья в целом. Если до недавнего времени общепринятым считалось, что Елизаветовский курганный некрополь не выходит за рамки IV—III вв. до н. э.¹⁶ (лишь два погребения могли быть отнесены ко второй половине — концу V в. до н. э.¹⁷), то теперь становится ясным, что могильник существовал уже во всяком случае в первой половине V в. до н. э. Поскольку еще А. А. Миллер и Т. Н. Книпович справедливо отметили тесную связь Елизаветовского могильника с городищем¹⁸, очевидно, что углубление датировки могильника должно повлечь за собою и соответствующие коррективы в датировке Елизаветовского городища (что, кстати, подтверждается и материалами из его раскопок).

Благодаря работам 1966 г. заполняется лакуна между временем существования эмпория близ Таганрога (середина — вторая половина VI в. до н. э.)¹⁹ и предполагавшимся началом существования Елизаветовского поселения в качестве центра греко-скифской торговли в дельте Дона (рубеж V и IV вв. до н. э.)²⁰. Теперь выясняется, что торговый центр на месте Елизаветовского городища существовал во всяком случае уже в первой половине V в. до н. э., вероятно, с начала столетия, если не раньше.

Раскопки 1966 г. подтвердили местный характер Елизаветовского могильника, что позволяет говорить и о местном характере поселения²¹. Можно полагать, что Елизаветовское поселение было до основания Танаиса тем конечным пунктом, где происходил торговый обмен между греками и туземными племенами. Страбон, как известно, сообщает²², что выше устьев реки Танаиса грекам была известна лишь небольшая часть территории потому, что кочевники препятствовали их проникновению в глубь страны. Вероятно, таким же положением было и за несколько веков до Страбона, во время существования жизни на Елизаветовском городище.

Дальнейшие исследования Елизаветовского городища и могильника, несомненно, представят новые важные данные для воссоздания истории Нижнего Подонья античного периода.

---

¹⁶ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 187; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя, стр. 123. Лишь Ушаковский курган датировался, и как теперь выясняется, неправильно, значительно более ранним временем (см. выше, стр. 114, прим. 4).

¹⁷ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 123, прим. 2; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. стр. 23, 26.

¹⁸ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 123, сл.; Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 187.

¹⁹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 8.

²⁰ Там же, стр. 9.

²¹ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 26.

²² Strabo, XI, 2, 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России
АИБ — Археология и история Боспора
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГХМ — Государственный Херсонесский историко-археологический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДСИФ — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ
ДТМАО — Древности. Труды Московского Археологического общества
ЗООАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАДВ — Известия на Археологического дружество гр. Варна
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИБАД — Известия на Българского Археологического дружество
ИАК — Известия императорской археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КАМ — Культура античного мира. Сб. в честь В. Д. Блаватского
КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты императорской Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников СССР
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
Труды ОАМ ГЭ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
ХС — Херсонесский сборник
АА — Archäologischer Anzeiger
АМ — Jahrbuch des Deutschen Archäol. Instituts. Athenische Mitteilungen
АЖА — American Journal of Archaeology

ARV² — Attic Red-figure Vase-Painters
BSA — Annual of the British School at Athen
BCH — Bulletin dé Correspondance Hellenique
Delos — Exploration archéologique de Delos
ESA — Evrasia Septentrionalis Antiqua
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
JHS — Journal of Hellenic Studies
JdI — Jahrbuch des Deutschen Archarolog. Instituts
IPE — V. Latyshev. Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyklopädie des klassischen Altertums — Wissenschaft
Roscher Lexicon — Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Францевич Гайдукович (. . . . .)	3
Список печатных работ В. Ф. Гайдуковича	7
В. Ф. Гайдукович. О путях перевозок древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском	11

I. Доклады и дискуссии

Т. Н. Катилович. О некоторых особенностях греческого лапидарного письма в новых надписях Ольвии	20
Г. М. Мелентьева. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры	23
В. И. Пругло. Группа фасосских амфорных клейм из Мирмекия	29
М. А. Тиханова. О находке римского оружия на Южной Волинии	36
И. Б. Звест. Архаическая импортная черепица Пантикапея	40
Е. Г. Кастанаян. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея (опыт реконструкции)	45
А. И. Болтунова. Неизданные надгробия из Пантикапейского некрополя	49
М. И. Максимова. Заметка об Ахтанизовском кладе	55
Н. И. Сокольский. О гончарном производстве в азиатской части Боспора	59
В. Д. Блаватский. О рабах-меотах	68
Д. Б. Шелов. Полемон и Танаис	70
С. И. Капошина. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркаска.	76

II. Полевые лабораторные исследования

Г. Д. Белов. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе	80
О. Д. Дашевская. Античная башня на городище Беяус	85
И. Т. Кругликова. Клейма на амфорах из раскопок поселения у дер. Семеновки	93
М. М. Кобылина. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагрии	98
Г. А. Цветаева. Охранные раскопки в Анапе в 1965 г.	105
И. Б. Брашинский, А. И. Демченко. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г.	111

Северное Причерноморье в античную эпоху КСИА, вып. 116

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Г. В. Моисеенко. Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 15/X 1968 г. Подписано к печати 13/II 1969 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 7,5
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1700 экз. Бумага № 1. Тип. зак. 1264. Т-00989
Цена 60 коп.

Издательство «Наука», Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10